

Уэли неизменно доказывает,
что литература —
лучший наркотик.
— Spin

Читая Уэлиа —
все равно что
смотреть Тарантино:
адреналин зашкаливает.

— The Spectator

Уэлин Уэли КЛЕЙ

18+

Иностранная литература. Современная классика

Ирвин Уэлш

Клей

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Клей / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус», 2001 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-12197-3

Уэлш – ключевая фигура современной британской прозы, мастер естественного письма и ниспровергатель всяческих условностей, а клей – это не только связующее желеобразное вещество, вываренное из остатков костей животных. «Клей» – это четырехполосный роман воспитания, доподлинный эпос гопников и футбольных фанатов, трогательная история о любви и дружбе. Содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12197-3

© Уэлш И., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

1		7
	Windows '70	7
	Терри Лоусон	9
	Первый день в школе	9
	Карл Юарт	13
	Производство	13
	Билли Биррелл	18
	Два королевских кровососа	18
	Эндрю Гэллоуэй	21
	За старшего	21
2		23
	Windows '80	23
	Терри Лоусон	25
	Соки	25
	Дядя Алек	34
	Салли и Сид Джеймс	35
	Билли Биррелл	37
	Секс вместо футбола	37
	Судью на мыло	38
	Медная проволока	39
	Эндрю Гэллоуэй	50
	Опоздание	50
	Спортивная жизнь	53
	«Облака»	66
	Солдатская песня (девственника)	72
	«Материалы Рокфорда» или «Профессионалы»	77
	Нет мужчины в доме	80
	Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ирвин Уэлш

Клей

Эта книга посвящается Косарю, Скрапу, Джимми, Дино, Микки, Тэму, Саймону, Майлзу, Скотту и Кроуфу за умение держаться вместе, даже когда земля уходит из-под ног

Glue: клей, суц. – неочищенное желе, получается путем варки костей животных, используется как связывающее вещество.
Чемберсовский словарь XX века

Irvine Welsh

GLUE

Copyright © 2001 by Irvine Welsh

© Д. Симановский, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Spin

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между текстов вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин (Афиша)

Ирвин Уэлш – ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша – один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь – неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Самое прекрасное во вдохновении – то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги,

и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию. <...>
Время прямолинейных героев ушло безвозвратно; может, и прежде их не существовало? Ведь сегодня даже в комиксах супергерои ужас какие сложные личности. С комплексами, внутренними конфликтами. Как будто настоящие люди.

Ирвин Уэлш

1

В районе 70-х: за старшего

Windows '70

Солнце, вышедшее из-за бетонной коробки блочного дома напротив, ударило им прямо в лицо. Яркие лучи ослепили Дейва Гэллоуэя так неожиданно и коварно, что он чуть не выронил стол, который с трудом тащил. В новой квартире было уже довольно жарко, и Дейви чувствовал себя как неведомое экзотическое растение, сохнувшее в перегретой оранжерее. Это все окна, они такие здоровые, оттого и столько солнца, думал он. Поставив стол, он выглянул вниз, оглядел квартал.

Дейви чувствовал себя только что коронованным императором, осматривающим свои владения. Новые дома впечатляли: освещенные солнцем, они приятно поблескивали, искрились камешками, вставленными в швы между бетонными блоками. Светло, чисто, просторно, тепло, что еще надо. Он вспомнил сырую темную квартиру, стены, покрытые сажей и въевшейся грязью, не смываемой целыми поколениями с тех пор, как город получил прозвище Старый Вонючка. За окном мрачные узкие улицы, по которым, сжимаясь и покачиваясь от пронизывающей до костей зимней стужи, бредут люди. И этот гнусный пивной смрад, что заполнял комнату, как только откроешь окно, всегда вызывал в нем приступ тошноты, если он перебрал накануне в пабе. Все это в прошлом, настали новые времена. Вот как надо жить!

Большие окна олицетворяли для Дейва Гэллоуэя все то хорошее, что принесла программа сноса ветхих зданий. Он обернулся к жене, которая натирала плитку. Зачем натирать плитку в новой квартире? Однако Сьюзен стояла на коленях, облаченная в комбез, и ее густая черная копна покачивалась, свидетельствуя о безумной активности.

– Что мне больше всего в этих домах нравится, – рискнул Дейви, – так это большие окна. Пусть солнце светит, – добавил он и взглянул на чудную коробочку, вбитую в стену над ее головой. – Центральное отопление на зиму, тут уж ничего не скажешь. Щелкнул выключателем – и готово.

Сьюзен встала медленно, из-за начинавшей сводить ногу судороги. Она вспотела и затекшей до бесчувствия ногой принялась топтать, чтобы восстановить кровообращение. На лбу собрались капельки влаги.

– Какая жара, – посетовала она.

– Ладно тебе, – оживленно замотал головой Дейви, – бери, пока дают. Это же Шотландия, тепло здесь не задерживается.

Глубоко вздохнув, он взялся за стол и возобновил свою жаркую схватку, стараясь переместиться в кухню. Стол был новый, хитроумной работы, с покрытой пластиком поверхностью и все норовил переместить центр тяжести и рассыпаться на части. Будто с гребаным крокодилом быюсь, подумал он, и зверюга, конечно, тут же цапнула его за пальцы. Он быстро отдернул руку, засунул пальцы в рот, а стол грохнулся об пол.

– Сс... суп, – сдержался Дейви.

Он никогда не произносил бранных слов в присутствии женщины. В пабе, пожалуйста, выражайся, но при женщинах – ни-ни. Он прошел на цыпочках мимо детской кроватки. Ребенок еще крепко спал.

– А я тебе говорила, дай помогу, Дейви, так ты и стол ломаешь, и без пальцев останешься, – запричитала Сьюзен. Она медленно покачала головой, взглянув на люльку. – Странно, что ты ее не разбудил.

Дейви почувствовал раздражение в ее голосе.

– Тебе вообще этот стол не приглянулся, верно?

Сьюзен Галлоуэй снова покачала головой. Она окинула взглядом новый кухонный стол, новый гарнитур, новый кофейный столик, новые ковры. Все это таинственным образом привезли вчера, пока она вкалывала на винокурне, виски купажировала.

– Ты чего? – Дейви взмахнул пораненной рукой. Он почувствовал, как не по-доброму сверкали на все это ее большие глаза.

– Где ты все это взял, Дейви?

Он не любил, когда она задавала такие вопросы. Этим она все портила, забивала между ними клин. Все, что он делал, было ради них, ради Сьюзен, малышки, пацана.

– Не задавай вопросов, и мне не придется врать.

Он улыбнулся, но взглянуть на нее не смог. Этот ответ удовлетворил его не больше, чем ее. Вместо этого он наклонился и поцеловал свою дочурку в щеку.

Подняв глаза, он спросил вслух:

– А где Эндрю? – Он мельком взглянул на Сьюзен.

Та обиженно отвернулась. Он опять прятался, прятался за детишками.

Дейви вышел в коридор, стараясь остаться незамеченным, с осторожностью траншейного солдата, опасаящегося снайперов.

– Эндрю, – выкрикнул он. Его сын прогремел вниз по лестнице. Крепкая, плотно сбитая боевая единица с такой же копной темных волос, как у Сьюзен, только остриженных до минимума, проследовала за Дейви в гостиную. – Вот он, – радостно отрапортовал он Сьюзен. Заметив, что она намеренно его игнорирует, он повернулся к мальчику и спросил: – Ну что, нравится тебе там, наверху, в твоей новой комнате?

Эндрю посмотрел на него, потом на Сьюзен.

– Я нашел книгу, у меня такой раньше не было, – честно признался он.

– Вот и хорошо, – сказала Сьюзен; она подошла и сняла нитку с полосатой футболки Эндрю.

Взглянув на отца, Эндрю спросил:

– Пап, а когда у меня будет велик?

– Скоро, сынок, – улыбнулся Дейви.

– Ты говорил, что когда пойду в школу, – сказал Эндрю по-детски искренне, и во взгляде больших карих глаз почувствовался упрек, но помягче, чем у Сьюзен.

– Так и есть, дружок, – признал Дейви, – и осталось совсем недолго.

«Велосипед? Откуда это у него деньги на чертов велосипед?» – думала Сьюзен Галлоуэй и подрагивала, как от холода, стоя под ослепительным жарким летним солнцем, безжалостно бьющим в широкое окно.

Терри Лоусон

Первый день в школе

Маленькие Терри и Ивон Лоусон сидели за деревянным столом в «Лощине», на огражденном бетонными стенами пространстве, которое называлось пивным садиком, пили сок и хрумкали картофель. Они смотрели за оградой, где возле крутого берега искусственного водоема Воды Лейта копошились утки. Через несколько секунд трепет и восхищение сменила скука; сколько можно смотреть на уток, а Терри было о чем подумать. Сегодня у него был первый день в школе, и ему там не понравилось. Ивон пойдет в школу на следующий год. Терри сказал ей, что ничего хорошего там нет и что он даже напугался, но теперь они были с мамой, и папа тоже был с ними, теперь все было в порядке.

Мама с папой разговаривали, и дети понимали, что мама сердится. Они слышали, как она спросила:

– И что это ты должен мне сказать?

Терри посмотрел на папу, тот улыбнулся, подмигнул ему и только потом повернулся к матери и спокойным тоном произнес:

– Не при детях.

– Не притворяйся, будто тебе не все равно, – усмехнулась Элис Лоусон. Голос ее неуклонно и неумолимо звучал все громче, как мотор самолета на взлете. – Тебе бы избавиться от них поскорее! Нечего притворяться!

Генри Лоусон огляделся, не слышал ли кто. Парочка старых, не в меру любопытных пердунов устали, да он так зыркнул, что те потупились. Назойливые уроды, суют свой нос, куда не следует. Он снова заговорил напряженным шепотом, сквозь зубы:

– Я тебе уже говорил, без опеки они не останутся. Сколько, бля, тебе повторять. Мои, блядь, дети, – рявкнул он, и на его шее проступили жилы.

Генри знал, что Элис всегда хотелось верить в лучшее в людях. Он прикинул, что, подпустив толику сдерживаемого возмущения, толику оскорбленной добродетели, он сможет придать своему голосу тон, который даст понять, что помыслить, будто он (несмотря на все промахи, которые и сам готов признать) готов оставить своих детей без опеки, – это уже наглость, переходящая все границы, даже принимая во внимание эмоциональный накал, сопровождающий разрыв их отношений. На самом деле именно подобные обвинения и заставили его пасть в объятия Пола Маккей, незамужней женщины из Лейта.

Пола, милая девушка, чьи неоспоримые достоинства и высокая добродетель многократно ставились под сомнение озлобленной Элис. Не была ли Пола единственной сиделкой своему отцу Джорджу, владельцу таверны «Порт-Саншайн» в Лейте, пораженному раковой опухолью? Пройдет немного времени, и Поле, чтобы пережить все эти трудности, понадобится всемерная поддержка. Генри станет для нее каменной стеной.

Да и его имя постоянно поливалось грязью, но великодушный Генри был готов признать, что в моменты, когда эмоции бьют через край, люди часто говорят необдуманно. А разве ему не больно от разрыва их отношений? Ему ли не тяжелей пережить все это – ведь он вынужден оставить своих детей. Потупив взор, Генри блеснул влажными глазами и подпустил комок к горлу. Он рассчитывал, что Элис заметит это и что этого будет достаточно.

Похоже, сработало. Послышались булькающие звуки – похожие на ручей перед ними, подумал он, – и он растрогался настолько, что положил свою руку на сотрясающиеся плечи.

– Пожалуйста, Генри, останься.

Элис дрожала, прижимаясь головой к его груди. Ноздри наполнил аромат «Олд-спайса», исходящий от его наждачного подбородка. Черные тени ложились на лицо Генри даже не к вечеру – к полудню он уже покрывался щетиной, и бриться ему приходилось по крайней мере дважды в день.

– Будет тебе, – заворковал Генри. – Нечего тебе беспокоиться. У нас дети – наши с тобой дети.

Он улыбнулся и, протянув руку, взъерошил кудрявую копну малыша Терри. Надо сказать, чтоб почаще его в парикмахерскую водила, подумал он. А то ходит как чучело огородное. Еще, чего доброго, вырастет парень со странностями.

– Ты так и не спросил, как там у него в школе.

Элис выпрямилась. Она снова сконцентрировалась на происходящем, и горечь и обида опять подступили к ней.

– Да ты не даешь мне ничего спросить, – раздраженно отрезал Генри.

Его ждала Пола. Ждала его поцелуев, прикосновений его руки, которая теперь лежала на плечах Элис. Плачущей, опухшей, оплывшей Элис. Какой контраст с молодым телом Полы, крепким, гибким, нерожавшим. Да какое тут может быть сравнение.

Под воздействием его слов, запахов и сильных рук ей сложно было собраться с мыслями, но, когда она поняла, что, в сущности, происходит, в груди начала пульсировать незатихающая боль. Элис собрала с силами и выдала:

– Он ревел всю дорогу. Чуть глаза не заплакал.

Это рассердило Генри. Терри был на год старше своих одноклассников – прошлый год он пропустил из-за менингита. Кто-кто, а уж он-то *не должен* был плакать. Это все Элис виновата. Она его испортила. Из-за болезни до сих пор возится с ним, как с младенцем. Теперь-то парень уже в полном порядке. Генри хотел было и по прическе проехаться, мол, чего от него ждать, если он ходит как девчонка. Но Элис устала на него в упор, и в глазах ее горели сотни обвинений. Генри отвернулся. Она взглянула на его подбородок, на крепкую шею и почти машинально перевела взгляд на Терри.

Всего полтора года назад мальчик был так болен. Он едва выжил. И вот Генри кидает их всех, кидает ради нее: грязной, неразборчивой сучки.

Беспощадная реальность ударила ей в грудь, и Элис даже не попыталась съежиться, уйти от удара.

БАХ

Элис еще сидела с гордо поднятой головой, чувствуя на плечах его вялую руку. Следующий приступ мучительной боли будет, конечно же, полегче прежнего

БАХ

Когда же станет легче, когда же стихнет боль, когда она, они переживут это

БАХ

Он уходит от них – к ней

И тут якорь его руки отпустил Элис, и она поплыла в окружающем ее воздушном пространстве. Периферийным зрением она видела, как он подкинул Ивон в воздух, потом собрал детей в охапку, обнял обоих; прошептал на ушко важные наставления, как тренер школьной команды по футболу, подбадривающий игроков в перерыве.

– Папа устроился на новую работу, и теперь он часто будет в разъездах. Видите, как мама расстраивается? – Генри не видел, как Элис сначала вся вытянулась, напряглась, а потом обмякла, как подкошенная его словами. – Это значит, что вы оба должны будете ей помогать. И чтоб я больше не слышал, что ты ревешь в школе, Терри. Ревут только глупые девчонки, – сказал он сыну, подставив кулак под мальчишеский подбородок.

После чего Генри порылся в карманах брюк и выудил пару монет в два шиллинга. Одну он сунул в руку Ивон, сохранившей беспристрастное выражение, в то время как глаза Терри округлились и загорелись предвкушением.

– Запомни, что я тебе сказал, – улыбнулся Генри сыну, прежде чем выдать ему такой же презент.

– Папа, ты будешь к нам приходить? – спросил Терри, не отрывая глаз от серебряной монеты на ладонке.

– Ну конечно, сынок! Мы пойдем на футбол, смотреть «Джем-тартс»!

От этих слов Терри воспрял духом. Он улыбнулся папе и снова уставился на дареные два шиллинга.

Элис ведет себя очень странно, размышлял Генри, поправляя галстук и собираясь откланяться. Просто сидит вся скукоженная. Ну что, он свое слово сказал, дал ей все гарантии. Он будет рядом, будет присматривать за детьми, будет водить их в «Милк-бар» на молочный коктейль или в «Браттисанни» есть рыбу с картошкой. Они это дело любят. Продолжать разговор с Элис резона не было. Она только озлобится, детям это видеть не следует. Лучше всего просто потихоньку слиться.

Генри стал продираться меж столов. Он снова зыркнул на старческую парочку. Те глаз не отвели и вызывающе уставились на него. Он пробрался к их столику и, указывая на нос, сказал мертвецки спокойным тоном:

– Прибор этот держите подальше от окружающих, а не то сломается на хер.

Старики онемели от такой дерзости. Задержав на секунду тяжелый взгляд, Генри изобразил лучезарную улыбку и пошел к задним дверям паба, не взглянув ни на Элис, ни на детей.

На сцену лучше не нарываться.

– Ну ты кремьень! – выкрикнул Дейви Гирван и встал, намереваясь пойти за Генри. Но тут его осадила жена, Несси:

– Да сядь ты, Дейви, не связывайся со всяким сбродом. То ж отребье, а ты...

Дейви неохотно сел на место. Этого парня ему нечего было бояться, просто он не хотел заваривать кашу при Несси.

В пабе, по пути к выходу, Генри обменялся несколькими кивками и «привет, как делами». Старина Дойл был с одним из своих пацанов, Герцогом, кажется, и еще с каким-то придурком. Вот, пожалуйста, клан гангстеров: папаня – лысый, жирный, скорченный, как припадочный Будда, Герцог Дойл с тонкими редющими волосками, все еще собранными в кок а-ля «тедди-бой», чернеющими зубами и печатками на пальцах. Он кивнул медленно, осклабившись по-акульи. Да, подумал Генри, окраины – лучшее место для этой публики. Чем хуже здесь, тем лучше в центре. В воздухе тяжелой тучей висело почтение, которое остальные выпивохи испытывали к мужчинам, сидящим за столом, где за игрой в домино по рукам ходили суммы побольше, чем каждый из них получал за месяц на местной стройке или фабрике. В этот паб Генри ходил с тех пор, как они переехали. Были пабы и поближе к дому, но он предпочитал этот. Здесь наливали приличную пинту «Тартан-спешиал». Но сегодня он пришел сюда в последний раз, во всяком случае он еще долго здесь не появится. Ему здесь особо никогда не нравилось, подумал он, выходя на улицу; у черта на куличках. Нет, пожалуй, сюда он больше не вернется.

Во дворе Несси Гирван вспоминала передачу про голод в Биафре, которую она посмотрела накануне вечером. Бедняжки, посмотреть на такое – прямо сердце разрывается. А вот попадают ж упыри, и таких – пруд пруди. Она не понимала, зачем некоторые заводят детей.

– Да он просто самец, животное, – сказала она Дейви.

Дейви клял свою нерасторопность. Надо было живее пойти за ним. Это ж записной мерзавец: весь смуглый, взгляд злой, нечистый. Дейви и не таких валил, но когда это было.

– Если б Фил с Алфи были здесь, он бы так не умничал, – сказал Дейви. – Когда я вижу такую сволочь, жалею, что сам уже немолод. Пять минут, и все дела... боже...

Дейви Гирван прервался, не веря своим глазам. Малыши пролезли в дырку в проволоочной ограде и теперь катились вниз, к реке. Мелкая на этом участке, она была опасна ямами с водоворотами и крутым скошенным берегом.

– ДАМОЧКА! – закричал он женщине, неистово тыкая пальцем в сторону бреша в ограде, – ЗА ДЕТЬМИ БЫ СМОТРЕЛИ, РАДИ БОГА!

Ее дети

БАХ

В слепом ужасе Элис оглянулась, заметила дырку в ограде и побежала к ней. Дети стояли на полпути к крутому берегу.

– Ивон! Иди ко мне, – попросила она со всем хладнокровием, на которое была способна.

Ивон оглянулась и хихикнула.

– Не-а! – прокричала она.

БАХ

Терри держал в руке прут и бил по высокой траве, скашивая верхушки.

– Вам тогда не достанется конфет и сока, – взмолилась Элис. – А у нас еще здесь мороженое!

Детские глазки засветились пониманием. Сообразив, Ивон и Терри быстро вскарабкались к забору и пролезли сквозь дырку. Элис хотела отлупить их, выбить из них душу

она хотела выбить душу из него

Элис Лоусон разразилась сиплыми рыданиями, что есть сил прижала к себе детей, судорожно шаря по волосам, растирая им спины.

– А где же мороженое, ма? – спросил Терри.

– Вот сейчас пойдем и купим, сынок, – переводя дух, сказала Элис, – прямо сейчас.

Дейви и Несси Гирван смотрели, как сломленная женщина нетвердой походкой направилась к выходу. Дети схватили ее за руки, и было в них столько жизненной энергии, что она казалась совершенно, окончательно опустошенной.

Карл Юарт

Производство

Мельчайшая металлическая стружка висела в густом, как пыль, воздухе. Дункан Юарт чувствовал, как она заполняет его легкие, застревает в ноздрях. К запаху можно было привыкнуть, он чувствовался, только когда к нему примешивался другой аромат. Сейчас он соперничал с более приятным запахом бисквита с кремом, который доносился через машинный цех из столовой. Каждый раз, когда открывались шарнирные двери кухни, Дункан вспоминал, что скоро обед, да и выходные не за горами.

Он ловко управлялся с токарным станком, слегка жулил, приподнимая защитную крышку, чтоб получше обточить кромку обрабатываемой детали. Это нарушение, думал он, и как профсоюзный уполномоченный по цеху он наорал бы на всякого, кто попытался бы упростить процесс таким образом, пренебрегая правилами техники безопасности. Хочешь рискнуть своими пальцами в пользу богатых держателей акций, которые живут где-нибудь в Суррее? С-с-сука, как он разошелся. Но это его работа, он вовлечен в производственный процесс. В этом мире он вращается практически без остановки, каждый день с девяти до пяти тридцати. Он просто старается сделать его лучше, насколько это возможно.

На краю поля зрения появились неясные очертания, которые прояснились, когда мимо прошел Тони Рэдден уже без защитных очков и перчаток. Дункан взглянул на свои новые ультрасовременные электронные часы. 12.47. Что за херня? Уже почти без десяти. Пора собираться на обед. Дункан снова принялся рассуждать над сложившейся дилеммой, с которой он сталкивался уже не первое пятничное утро.

Сегодня выходил новый сингл Элвиса, «The Wonder of You».¹ На этой неделе его постоянно крутили по «Радио-один». О да, король снова на вершине славы. «In the Ghetto»² и «Suspicious Minds»³ были еще лучше, но дальше второго места им не подняться. Этот сингл более коммерческий, баллада, которую легко напевать, и Дункан полагал, что она будет в топе. Он уже представлял себе, как люди подпевают ей пьяными голосами, танцуют под нее медленные танцы. Если ты смог заставить слушателей петь и плясать – значит ты выиграл. Обеденный перерыв – шестьдесят жалких минут, а автобус номер один до пластиночного магазина «Лейт-энд-Ардс» шел пятнадцать минут туда и столько же обратно. Достаточно, чтобы купить пластинку и перехватить булочку с начинкой и чашку чая в «Канасте». Нужно было четко выбрать между приобретением пластинки и приятным времяпрепровождением за пинтой с мясным пирогом в «Спиэрс-баре» – ближайшем к фабрике пабе. Но сейчас дразнящие запахи столовой возвещали приход пятницы, а значит, будет знатный обед. По пятницам они особенно старались, чтобы в паб рабочие шли не в обед, а после работы, иначе высокая производительность труда и последние рабочие часы недели никак не женились.

Дункан выключил станок. Элвис Аарон Пресли. Король. Вне конкуренции. Пластинке быть. Он опять посмотрел на часы и решил так и отправиться, прямо в комбинезоне. В нетерпении он ударил по часам и побежал, чтобы успеть на автобус, отходящий от проходной. Дункан добился от руководства установки шкафчиков, чтобы рабочие могли ездить «по гражданке» и здесь уже переодеваться в рабочую одежду. На самом деле пользовались этим новшеством не многие, да и сам Дункан не парился, если только в пятницу сразу после работы не собирался

¹ «Ты – чудо» (англ.).

² «В гетто» (англ.).

³ «Подозрительные умы» (англ.).

в город. Усевшись на втором этаже и отдышавшись, Дункан зажег сигарету «Регал» и подумал, что если ему удастся купить пластинку с «The Wonder of You», то сегодня же вечером он поставит ее в клубе «Тартан» с Марией. Урчание автобусного мотора будто эхом вторило его довольному мурлыканью на душном солнцепеке.

Да, выходные, похоже, складывались удачно. Завтра «Данфермлайн» играет с «Килли», и Томми Маклин уже оправился после травмы. Малыш будет крутить фентеля, на которых уже поднаторели Эдди Морисон и этот новичок – Мэти. Да, Мэти и другой, еще молодой пацан, Макшерри его звать, оба, похоже, были многообещающими игроками. Дункан любил ходить на «Данфермлайн», он считал эту команду чем-то вроде «Килмарнока» с Восточного побережья. Обе команды из шахтерских городков за последние десять лет добились настоящей славы и вступили в борьбу с лучшими клубами Европы.

– С этими автобусами каши не сваришь, – закричал на него старикан в фланелевой рубаше, попыхивая «Капстаном», чем и сбил его с мысли. – Двадцать пять минут прождал. Неча было убирать все трамваи.

– Это точно, – улыбнулся Дункан, снова мягко погружаясь в предвкушение выходных.

– Неча все трамваи было убирать, – повторил сам себе старик с трубкой.

Со времен эдинбургского изгнания Дункан в основном проводил субботние вечера между «Истер-роуд» и «Тайнкасл». ⁴ Последний ему всегда нравился больше и совсем не из-за удобств, просто это место напоминало ему тот великий день сезона 1964 года, когда в финале чемпионата, чтобы выиграть кубок, «Хартс» нужно было всего лишь сделать с «Килли» ничью. Они даже могли позволить себе проиграть один – ноль. «Килмарнок» же должен был выиграть с преимуществом в два мяча, чтобы впервые в истории поднять свой флаг над стадионом. Никто, кроме айширцев, в это не верил, но когда Бобби Фергюсон буквально спас ворота от Алана Гордона, Дункан знал, что это будет их день. И когда потом он три дня отмечал с друзьями победу, Мария даже слова не сказала.

Они тогда только обручились, и вести себя так было рискованно, но она все отлично поняла. И в этом было ее чудесное качество, она понимала, что для него значит эта победа, ему даже не пришлось объяснять. Она знала, что он не любитель всяких вольностей.

«The Wonder of You». Дункан подумал о Марии, как ему сказочно повезло, как посчастливилось встретить ее. Как он поставит ей вечером эту пластинку, ей и пацану. Выходя на Джанкшн-стрит, Дункан размышлял о том, что музыка всегда была стержнем его жизни, как он до сих пор трепещет от ребячьего восторга, когда покупает свежую пластинку. Рождественское утро – каждую неделю. Это чувство предвкушения: ты не знаешь, есть ли еще то, что тебе нужно, или все уже распродано. Ему даже иногда приходилось в субботу утром ехать в «Бэндпартс», чтоб уж достать наверняка. Когда он подходил к магазину «Ардс», в горле у него защемило, в груди забилося сердце. Он дернул за дверную ручку, вошел и сразу направился к прилавку. Там стояла Биг-Лиз: толстый слой косметики и шлем из твердых, залакированных волос. Глаза ее просветлели при виде знакомого. В руках она держала «The Wonder of You».

– Я подумала, что тебе пригодится, Дункан, – сказала она и зашептала: – Специально для тебя приберегла.

– Отлично, Лиз, ты гений, – улыбнулся Дункан, легко расставаясь с десяткой.

– С тебя выпивон, – сказала она, поднимая брови домиком и обрушивая на него всю мощь своего кокетства.

Дункан изобразил неопределенную улыбку.

⁴ Easter Road и Tynecastle – стадионы в Эдинбурге. Хозяева первого – клуб «Hibernian» (от латинского названия Ирландии, то есть изначально клуб был организован ирландскими католиками), вторым владеет клуб «Hearts» (полностью – «Heart of Midlothian», по названию романа Вальтера Скотта «Сердце Мидлотиана»); оба клуба существуют с середины XIX в.

– Если доберется до первого места, – ответил он, стараясь, чтоб овладевшее им смущение не чувствовалось в голосе.

Говорят, когда женишься, девки привечают даже больше; похоже на правду, подумал он. А может, просто замечаешь больше.

Лиз засмеялась слишком усердно над этой одноразовой шуткой, отчего Дункану захотелось поскорей уйти из магазина. Открывая дверь, он услышал:

– Я тебе еще напомним про наш разговор!

Еще несколько минут Дункан чувствовал себя как-то неуютно. Он подумал о Лиз, но даже здесь, у дверей магазина, он не мог вспомнить, как она выглядит. Перед глазами у него стояла Мария.

Однако пластинка у него. Это хороший знак. «Килли» выиграют наверняка, хотя с этими отключениями электричества неизвестно, до скольки продлится матч, ведь скоро уже станет рано темнеть. И все равно это небольшая плата за то, чтобы избавиться от этого упыря Хелса с его тори. Отлично, теперь эти уроды не будут ездить на рабочем человеке.

Его родители многим пожертвовали, решив, что он не пойдет по стопам отца – в шахту. Они настояли, чтоб он поступил в обучение, чтоб за спиной у него было свое ремесло. Поэтому Дункана отправили к тетушке в Глазго, где он поступил подмастерьем в машинный цех «Киннинг-парка».

Впечатлительному парню из провинции Глазго показался огромным, живым и жестоким городом, однако он легко сходил с людьми и быстро приобрел популярность среди заводских. Лучшим его дружкой был парень по имени Мэтт Муир из Гована – записной фанат «Рейнджеров» и коммунист с партбилетом. На заводе все болели за «Рейнджеров», и, будучи социалистом, он со стыдом признавал, что место подмастерья, как и многие его сослуживцы, он получил через масонские связи его семьи. Его отец не видел никакого противоречия между франкмасонством и социализмом, и многие завсегдатаи ложи были активными социалистами и даже, как Мэтт, партийными коммунистами.

– Первые, кто получит, – это мудаچه из Ватикана, – горячо объяснял он, – их сразу к стенке поставим.

Мэтт научил Дункана самому важному – как себя вести, как одеваться, куда ходить на танцы, показал парней, у которых всегда перо в кармане, а главное, кто их девчонки, с которыми, соответственно, лучше не танцевать. Потом как-то раз они поехали с друзьями в Эдинбург, где в танцзале Толлкросса он увидел девушку в голубом платье. Всякий раз, когда он на нее смотрел, ему казалось, что сердце выпрыгивает у него из груди.

Несмотря на то что Эдинбург казался расслабленной Глазго и Мэтт утверждал, что перья и лезвия здесь редкость, на танцах случилась потасовка. Дородный детина вдарил одному и хотел продолжить. Дункан и Мэтт вмешались, и им удалось уладить ситуацию. К счастью, их вмешательство спасло одного парня из той же компании, что и девушка, которую Дункан гипнотизировал весь вечер, но так и не решился пригласить на танец. И вот она перед ним, ее острые скулы и манера опускать глаза, что придавало ей надменный вид, однако впечатление это рассеивалось после первых же минут разговора.

И что лучше всего, парень, с которым он подружился, по имени Ленни, оказался братом Марии.

Номинально Мария была католичкой, хотя ее отец испытывал необъяснимую неприязнь к священникам и давно перестал ходить в церковь. В итоге жена и дети последовали его примеру. И тем не менее Дункан волновался, какотреагирует его семья, и решил съездить в Айшир, чтобы обсудить этот деликатный вопрос.

Отец Дункана был человек спокойный и рассудительный. Его стеснительность часто принимали за грубость, и впечатление это усиливалось его размерами (он был под два метра ростом), которые Дункан унаследовал вместе с соломенной шевелюрой. Отец молча выслушал

его изложение, время от времени подбадривая кивком. Когда же он заговорил, у него был тон человека, которого поняли в корне неверно.

– Мне не за что ненавидеть католиков, сынок, – настаивал отец. – Я не имею ничего против религии, какой бы она ни была. Тут речь о свиньях из Ватикана, которые держат народ в невежестве, угнетают его, чтобы наполнять свои денежные сундуки, вот кого я ненавижу.

Успокоившись по этому поводу, Дункан решил скрыть свое членство в ложе от отца Марии, который масонов ненавидел, похоже, не меньше, чем священников. Они поженились в Эдинбурге, в загсе «Виктория-Билдингз», и устроили прием в пабе «Каугейт», этажом выше. Дункан боялся, что тост Мэтта Муира будет иметь розовый, если не красный оттенок, поэтому в свидетели позвал своего лучшего друга еще из школы в Айшире – Ронни Ламби. Ронни, к сожалению, надрался как следует и произнес откровенно антиэдинбургский тост, огорчивший гостей, после чего, поддав еще, затеял кулачный бой. Дункан и Мария сочли это сигналом к отходу и удалились в зарезервированный номер в гостинице «Портобелло».

Вернувшись на завод, к станку, Дункан напевал «The Wonder of You». Мелодия вертелась у него в голове, как стружка от металла, уступающего кромке резца. И вот свет за огромными окнами обернулся тенью. Кто-то подошел к нему. Он выключил станок и поднял глаза.

Знакомы они не были. Так, виделись в столовой, в автобусе. Он, очевидно, не курил – всегда сидел внизу. Дункан решил, что они живут в одном квартале, ведь парень этот сходил на остановку раньше него. Росту в нем было где-то метр семьдесят, брюнет, волосы короткие, глаза оживленные. Насколько Дункан помнил, манеры у него непринужденные, был он весел, даже грубоват, что не сочеталось с его внешностью: парень по всем меркам достаточно симпатичный, вполне мог страдать бытовым нарциссизмом. Однако теперь он стоял перед ним в крайней степени возбуждения. Явно чем-то расстроенный, он выпалил:

– Юарт? Дункан? Профсоюзный по цехам?

Оба заметили дурацкую рифму и улыбнулись друг другу.

– Да, Юарт Дункан, уполномоченный по цехам. А ты кто, – продолжил шутку Дункан. Он знал эту дразнилку, только наоборот.

Однако парню было уже не до смеха. Он перевел дыхание.

– Вулли Биррелл. Моя жена... Сандра... у нее начались схватки... Аберкромби... он не отпускает меня в роддом... нужен больничный... приказ Крофтона... он говорит, что если я уйду с работы, то могу уже больше не возвращаться...

В два удара негодование заклокотало в груди Дункана, как бронхиальная слизь. Он на секунду стиснул зубы и заговорил спокойно и авторитетно:

– Поезжай в больницу прямо сейчас, Вулли. Кто может не возвращаться, так это Аберкромби. Я все улажу, у тебя на это полное право!

– Так мне звонка дожидаться или как? – спросил Вулли Биррелл, и от подернувшегося века по лицу пошла судорога.

– Об этом не волнуйся, поезжай и все. Возьми такси и попроси чек, я возьму через профсоюзную кассу.

Вулли Биррелл благодарно кивнул и поспешно удалился. Он уже был за проходной, когда Дункан выключил станок и не спеша направился к телефонному автомату в столовой. Там он сначала позвонил члену комиссии по созыву собраний, потом секретарю местной организации и поговорил с ними сквозь бряканье моечных котлов и столовых приборов. Затем он направился прямо к заведующему производством, мистеру Каттеру, чтобы выразить официальный протест.

Слушая его, Каттер сохранял спокойствие, но по ходу рассказа Дункана в нем росло возмущение. Выполнение приказа Крофтона – первоочередная задача, это факт. Ну и что, Юарт-то может поднять весь цех на забастовку в поддержку этого Биррелла. О чем, черт побери, думал этот клоун Аберкромби? Да, безусловно, сам Каттер говорил, что приказ Крофтона

необходимо выполнить любыми средствами, и сам он пользовался теми же методами, но этот идиот, похоже, растерял последние мозги, утратил связь с действительностью.

Каттер рассматривал стоявшего перед ним высокого мужчину с открытым лицом и ясным взглядом. Каттер много раз сталкивался с крепкими парнями в роли профсоюзных уполномоченных с четкой программой в голове. Они ненавидели и презирали его, компанию и все, что за ними стояло. Юарт таким не был. В глазах его играл теплый огонек, такая спокойная уверенность в своей правоте, в которой при ближайшем рассмотрении угадывалось больше озорства и юмора, чем гнева и раздражения.

– Это очевидное недоразумение, мистер Юарт, – медленно произнес мистер Каттер, изображая заразительную, как он надеялся, улыбку. – Мне придется разъяснить мистеру Аберкромби нашу позицию.

– Отлично, – кивнул Дункан и добавил: – Весьма признателен.

Со своей стороны, у Дункана к Каттеру особых претензий не было. Он всегда показывал себя человеком, в сущности, порядочным и беспристрастным. Когда же ему приходилось осуществлять на местах идиотские распоряжения сверху, видно было, что делает он это без особого удовольствия. В любом случае, тянуть на себе таких мудаков, как Аберкромби, – то еще удовольствие.

Аберкромби. Вот псих.

По пути в цех Дункан Юарт не смог отказать себе в удовольствии заглянуть в отгороженный от станков загончик, который Аберкромби называл своим кабинетом.

– Спасибо, Тэм!

Аберкромби взглянул на него, оторвавшись от графиков на кальке, разбросанных по столу.

– За что? – спросил, пытаясь изобразить удивление на покрасневшем уже лице.

Он был на взводе, на него давили со всех сторон, он не думал, что Биррелл так себя поведет. Он сыграл на руку этой большевистской суке Юарту.

Дункан Юарт недобро улыбнулся.

– За то, что пытался задержать Вулли Биррелла на работе в пятницу в конце дня, тогда как у ребят прямо руки чешутся вырубить машины и выйти на забастовку. Отличный пример мудрого руководства. Не стану скрывать, я только что его отпустил, – добавил он заговорщицки.

В груди у Аберкромби разорвался заряд злобы, и волна быстро дошла до кончиков пальцев рук и ног. Он вспыхнул, весь затрясся. Сдержаться он не мог. Юарт, скотина, чего эта сука о себе думает?

– Я в этом цеху начальник, мать твою! И ты, бля, не забывай об этом!

На извержение Аберкромби Дункан ответил спокойной ухмылкой:

– Прости, Тэм, сейчас вступит кавалерия.

В ту же секунду Аберкромби сник, но не от слов Дункана. За ним, как в очереди, появился Каттер с каменным лицом. А что еще хуже, за Каттером в каморку втиснулся Бобби Аффлек, отвечающий за созыв общего собрания. Аффлек походил на приземистого быка и имел обыкновение принимать пугающе свирепый вид, даже когда бывал лишь слегка раздражен. Однако сейчас Аберкромби с ходу заметил, что Бобби от ярости накалился добела.

Дункан улыбнулся Аберкромби, подмигнул Аффлеку, вышел и закрыл за собой дверь. Однако тонкая фанерная дверь не смогла сдержать волну гнева.

Каким-то чудом все токарные и сверлильные станки выключились один за другим, и по цеху пронесся хохот, разливаясь и вспыхивая, как весенние краски по серому бетонному полу завода.

Билли Биррелл

Два королевских кровососа

Карл, сынишка Дункана Юарта, стоял на серванте и выплясывал под Каунта Бейси. Элвис порядком запилелся за эти выходные, и Дункан хорошо выпил под него, вернувшись из Файфа, где «Килли» и «Данфермлайн» сыграли вничью. Сейчас отец и сын были одного роста, и мальчуган копировал движения Дункана. В гостиную вошла Мария и присоединилась к ним. Она подхватила малыша с серванта и закрутила по комнате, напевая:

– Голубую кровь днем с огнем не сыщешь, а у меня сразу два королевских кровососа – Карл и Дункан...

Волосы у мальчика были светлые, как у отца. Дункан думал, приклеится ли к сыну его заводское прозвище Соломенная Шляпа, когда он пойдет в школу. Дункан надеялся, что малышу, которого Мария сейчас ставила на пол, очки не понадобятся. Он почувствовал, как Мария обвила его руками за талию, повернулся, и они, обнявшись, слились в долгом поцелуе. Карл не знал, что ему делать, и, чувствуя себя брошенным, хватался за ноги родителей.

В дверь позвонили, Мария пошла открывать, а Дункан воспользовался моментом, чтобы еще раз поставить Элвиса, на этот раз «In the Ghetto».

Перед Марией стоял мужчина с квадратной челюстью и слегка ошарашенным видом. Ей он был незнаком, в руках он сжимал бутылку виски и детский рисунок. Он был заметно навеселе, в приподнятом настроении и в то же время немного стеснялся.

– Простите, э, миссис Юарт, а муж ваш дома? – спросил он.

– Да... подождите минутку, – сказала Мария и позвала Дункана, который сразу пригласил Вулли Биррелла зайти и представил его Марии как своего друга с работы.

Биррелл был доволен, хоть и немного смущен своим обращением Дункана.

– Мистер Юарт, э, Джонни Доусон дал мне ваш адрес... я так, заглянул сказать «спасибо» за давешнее. – Он нервно кашлянул. – Я слышал, над Аберкромби потешался весь цех.

Дункан улыбнулся, хотя, по правде говоря, ощущал уколы совести за унижение Аберкромби. Да, его надо было осадить, он заслужил, и Дункан предвкушал это с тайным злорадством. Но потом он видел, с каким искаженным от боли лицом тот шел через парковку после работы. Обычно Тэм Аберкромби уходил из цеха последним, но сейчас не мог дожидаться пяти часов, чтобы выскочить за дверь. Отец Дункана всегда говорил, что не стоит выносить поспешные суждения о людях, даже если это враги. Никогда не знаешь, что за дерьмо может происходить в их жизни. У Аберкромби явно что-то стряслось, и это что-то много важнее, чем события злополучного дня.

Да и хер с ним. Жена Вулли Биррелла должна была вот-вот родить. Кто он такой, чтобы запрещать отцу быть рядом с роженицей?

– Он это вполне заслужил, Вулли, – ухмыльнулся Дункан, – пусть знает, с кем связываться. Да, старому пню не поздоровилось, но не стоит поминать его в этом доме. Однако как жена? Какие новости? – спросил он, оглядывая Вулли с ног до головы и уже зная ответ.

– Мальчик. Семь с половиной фунтов. У нас уже один парень есть. Этот брыкался и вопил с первых минут, так и продолжает в том же духе, – объяснял Вулли с нервной ухмылкой. – Не то что первый, тот тихий. Ровесник вашего молодца, – заметил он, улыбаясь Карлу, который изучал незнакомца, держась матери. – У вас еще дети есть?

Дункан громко рассмеялся, а Мария закатила глаза.

– Нам и этого больше чем достаточно, – сказал Дункан и, понизив голос, продолжил: – Мы думали собрать вещички, купить два билета до Америки, взять машину напрокат и пере-

сечь материк. Посмотреть Нью-Йорк, Новый Орлеан, Мемфис, Нэшвилл, Вегас, всё-всё. Но тут у нас случилось небольшое происшествие. – Он потрепал молочно-белые волосы Карла.

– Не говори так, мальчик вырастет с чувством, будто он нежеланный ребенок, – зашептала Мария.

Дункан посмотрел на сына.

– Куда там, мы никому не отдадим нашего маленького мартовского зайца, правда, дружище?

– Поставь Элвиса, пап, – попросил Карл.

Дункан ухватился за подсказку сына.

– Отличная идея, сынок, я вот только возьму пару пива и стаканы, и мы обмоем рождение малыша. «Экспортное» пойдет, Вулли?

– Пойдет, Дункан, и прихвати еще стопки для виски.

– Ни слова против, – кивнул Дункан и отправился на кухню, подмигнув Марии. Карл потянулся за ним.

Вулли, как будто извиняясь, протянул Марии рисунок, который он держал в руках. На нем был цветной шар и карандашный портрет семейства. Мария поднесла листок к свету, чтобы изучить надписи. Здесь была целая история.

про нового малыша Вильям Биррелл пять лет начальная школа саутон
рассказал Венди хайнс одиннадцать лет записал Бобби Шарп восемь лет

меня зову Вильям, но вообще-то я Билли мой папа тоже Билли и у нас
скоро будет новый малыш. я люблю футбол и Хибз самая лучшая команда папа
берет меня с собой на стадион а маленького пока не будем брать все равно он
еще в животике у мамы а ее зовут Сандра Биррелл

я живу в большом доме с окном у меня есть подружка ее зовут Салли
ей семь лет и она в соседнем классе мистера колинза который старый а класс
большой

– Просто здорово, – сказала Мария.

– В этой школе очень толковые учителя. Там дети всех возрастов помогают им присматривать за самыми маленькими, – объяснил Вулли.

– Отлично, наш пойдет в школу уже в конце лета. Ваш-то старшенький, похоже, умный ребенок, – заворковала она.

Гордость и алкоголь вступили в тайный сговор, и лицо Вулли наконец приобрело здоровый румянец.

– Да, он сделал это для меня, когда я вернулся из роддома. Да, я думаю, Билли будет мозговитый, а этот новый, мы его Робертом хотим назвать, он будет боец. Он так брыкался и кричал, порвал жену дальше некуда... – Вулли взглянул на Марию и густо покраснел. – Э, простите... я хотел сказать...

Мария лишь искренне засмеялась и махнула на него рукой. В этот момент вошел Дункан с напитками на подносе «Янгерз», который он однажды пьяной ночью притащил из клуба «Тартан».

Билли Биррелл пошел в школу в прошлом году. Вулли гордился своим сыном, хотя ему и приходилось постоянно следить, чтоб тот не хватал спички. Маленький огнепоклонник жег спички, где только мог, – в саду, на пустыре, а однажды ночью он чуть не спалил весь дом.

– Да и хорошо, что он любит огонь, Вулли, – сказал Дункан, когда виски стал действовать, накладываясь на уже принятое. – Аполлон, бог огня, он же бог света.

– Хорошо, вот если бы занавески вспыхнули, света бы было предостаточно...

– Это такой революционный порыв, Вулли, иногда нужно все разрушить, спалить все дотла, чтобы потом начать все сначала. – Дункан засмеялся и плеснул еще виски.

– Чушь, – усмехнулась Мария, кинув суровый взгляд на стакан, в который Дункан налил слишком много виски и теперь разбавлял его лимонадом.

Дункан передал Вулли стакан.

– Я вот что хочу сказать... Солнце – это огонь, но это и свет, исцеление.

Марии надоели эти разглагольствования.

– Исцеление понадобилось бы Вулли в первую очередь, проснись он однажды ночью с ожогами третьей степени.

Вулли чувствовал себя виноватым, что невольно представил своего сына в дурном свете перед едва знакомыми людьми.

– Да нет, он хороший мальчик, то есть мы стараемся учить их только хорошему... – пробормотал он и почувствовал себя уставшим и нетрезвым.

– Мир стал сложнее, чем тот, в котором мы выросли, – сказал Дункан. – Даже не знаешь, чему их учить-то. Есть, конечно, основные положения, типа всегда подставляй плечо другу, никогда не лезь в чужой карман...

– Не смей бить девчонок, – кивнул Вулли.

– Совершенно верно, – решительно согласился Дункан, а Мария посмотрела на него с вызовом: мол, только попробуй. – Никого не сдавай копам...

– Будь то друг или недруг, – добавил Вулли.

– Вот что я думаю сделать. Я заменю десять заповедей своими десятью правилами. Для детей это будет лучше, чем любой Спок. Покупай пластинку каждую неделю... нельзя прожить неделю без хорошей мелодии, которую хочется послушать...

– Если хотите составить для своих сыновей моральный кодекс, как насчет такого правила: не слишком усердствовать в набивании карманов держателей пивных и букмекеров? – засмеялась Мария.

– Есть вещи и поважнее, – рискнул Дункан, а Вулли глубокомысленно кивнул.

Они просидели почти до утра, вспоминая, рассказывая о своем прошлом до программы сноса ветхих домов и переезда в новый район. Все единодушно согласились, что эта программа – лучшее из того, что делалось для рабочего класса. Мария была из Толлкрасса, а Вулли и его жена родом из Лейта и какое-то время жили в блочных домах в Вест-Грантоне. Им предлагали Муир-хаус, но они предпочли этот район, потому что так ближе к матери Сандры, которой нездоровилось, а живет она в Чессере.

– У нас квартира в доме постарше вашего, не такая роскошная, – сказал Вулли, как будто извиняясь.

Дункан старался не давать волю чувству собственного превосходства, однако в округе мнение было единодушным: квартиры последнего образца – лучшее жилье. Юартам, как и другим семьям, нравилась их просторная квартира. Соседи делились впечатлениями от отапливаемых полов, и всю квартиру можно было прогреть, щелкнув одним выключателем. Отец Марии недавно умер от туберкулеза, что не редкость в сырости домов Толлкрасса. Но теперь все это уже в прошлом. Дункану очень нравился крупный теплый кафель, покрытый ковром. Засовываешь ноги под коврик – и полнейшая роскошь.

Потом, с наступлением зимы, когда по почте стали приходить первые счета, системы центрального отопления выключили во всех квартирах. И случилось это настолько синхронно, будто все они были подключены к общему, главному рубильнику.

Эндрю Гэллоуэй

За старшего

Так здорово было я сидел на коленках на полу и «Бино» лежал рядом на стуле и охранял меня, чтоб никто меня не трогал и на табуреточке у меня было шоколадное печенье и стакан молока, а папа мой сидел на другом стуле и читал газету а мама готовила ужин, а моя мама – она готовит лучше всех на свете, и папа мой – лучший папа на свете потому что может кого хочешь отлупить и однажды даже хотел отлупить Пола Маккартни потому что он нравился моей маме и он собирался на ней жениться но папа первый на ней женился а если б не женился то я б тогда был в «Битлз».

Шина в колыбельке... расшумелась, лицо все красное. Плачет плачет плачет... в этом она вся, бывает ревет целыми днями, будто рождество, так папа говорит, я – совсем другое дело потому что я уже большой, я уже школьник!

Я был на войне.

Терри плакал в первый день в школе а я нет, а Терри плакал, пла-кса-ва-кса Тер-ри... сидел на кафедре, где стоит стол мисс Манро, и все ревел и ревел.

Мисс Манро посадила его к себе на колени, везука же ему. Я женюсь на мисс Манро потому что от нее вкусно пахнет и она добрая и я обнял Терри потому что он мой друг и сказал ему чтоб он был большим мальчиком а Терри боялся что его мама за ним не придет но я-то знал что моя вернется потому что она говорила что мы пойдем съедим по стаканчику мороженого у мистера Уиппи.

У тетушки Мэй-рэй была канарейка...

Пола Маккартни отлупили! Мы с папой взяли его и отлупили! Ча! Бах!

Мисс Манро сказала Терри что все в порядке, Эндрю ведь с тобой. Я был как большой.

У нее на ногах чулки...

Дать ему в голову. Если я разойдусь могу всех «Битлз» отдубасить.

Папа зовет меня Деннис Грозный потому что я хочу такую же собаку как у него но мама говорит только когда подрастет Шина потому что некоторые собаки едят маленьких детишек. Вот наверно почему у них изо рта так неприятно пахнет, ведь детишки пахнут писями и каками. Собакам нужно есть овощи и картошку и хорошие бифштексы только не дешевые.

Придется ждать до следующего июня...

Я съел печенье все до конца потому что это было хорошее печенье со вкусом пшеницы и толстым слоем шоколада. Дешевое печенье таким вкусным не бывает. Кто-то постучал в дверь. Папа пошел открывать. Потом, когда он вернулся за ним вошло еще два дяди они были полицейские и один был противный такой а другой хороший потому что улыбнулся мне и погладил по головке. Папа сказал что ему надо пойти помочь полицейским, но скоро он вернется.

Пол Маккартни и моя мама не смогут теперь сделать ребеночка потому что есть Шина она лежит в своей кровати.

Она села на газ и обожгла попу...

Мама заплакала, а папа сказал что все в порядке. Он сказал мне:

– Я должен пойти помочь этим полицейским. Заботься о маме и слушайся. Помни, ты теперь за старшего.

И там где ее чулки заканчиваются...

Когда он ушел, мама посадила меня на коленки, обняла и стала плакать, а я не плакал, потому что я уже большой и никогда не плачу! Сначала мне было немножко грустно потому что у меня был комикс и все должно было быть так здорово – лучшее время – между школой и

ужином но я не плакал потому что знал что папа скоро вернется только поможет полицейским схватить плохих дядек и побить их и я тоже ему помогу потому что я побью Пола Маккартни если он будет приставать к моей маме и даже если папа задержится это ничего потому что тогда я буду дома за старшего.

2

80-е: последний (рыбный) ужин

Windows '80

Казалось, будто весь многоквартирный дом шипел и сотрясался под приступами свистящего холодного ветра, каждый порыв которого заставлял его кричать, скрипеть и течь, как живого рака, брошенного в кипящую воду. Мутные сквозняки безжалостно дули сквозь щели в оконных рамах, вентиляционные отдушины, стыки бетонных плит под окнами и на полу.

И вдруг как хлыстом вытянул напоследок мусорный бачок и, раскатив пустые банки по асфальту, снизошел и сменил направление. Ветер дал Сандре передохнуть. И когда все фибры ее души и тела уже готовы были расслабиться, на улице материализовались алкаши. Они провалились в беззвучную пустоту и наполнили ее криками и песнями. Ветер стих, дождь прошел, и они могли теперь идти по домам. Но все эти горе-торговцы, казалось, останавливаются прямо возле ее двери. Среди них был один особо усердный парень, который, сам того не зная, за последние несколько месяцев заставил ее выучить наизусть все куплеты «Славных сердец».⁵

Раньше ей это никогда не мешало, весь этот шум. А вот теперь она, одна из всех, кто живет в этом доме, – Сандра Биррелл, мать, жена, не спит по ночам. Мальчишки спали как убитые. Иногда она заходила к ним в комнату, чтобы посмотреть, как мирно они сопят, и подивиться, как быстро растут.

Билли скоро уйдет из дома. Сейчас ему шестнадцать, и через пару лет у него уже будет свой дом. Он так был похож на своего отца в молодости, хоть и волосы у него были посветлее, как у нее. Билли – человек закрытый и свою частную жизнь охраняет ревностно. Она знала, что вокруг выются какие-то девушки, однако не могла перебороть его нежелание выражать свои чувства, что расстраивало ее, даже когда она восхищалась его бескорыстной добротой не только по отношению к ней, но и к родственникам и соседям. Его можно было увидеть в саду Дома ветеранов, где он косил траву и твердым кивком коротко остриженной головы категорически отказывался от любой оплаты. А еще был ее Роберт: стройный мальчишка рос не по дням, а по часам. Мечтатель, в нем нет той целеустремленности, как у Билли, но делиться секретами, которые держит в своей голове, он тоже не желает. А когда уйдет и он, что станется с ней и ее мужем Вулли, что спит рядом? И что она будет делать? Будет ли жизнь после них такой же, как жизнь до них? Может, она снова будет как Сандра Локхарт до замужества?

С ума сойти, что стало с Сандрой Локхарт? Симпатичная блондинка, она и в школе хорошо училась и поступила в Академию Лейта, тогда как все ее родственники – Локхарты с Теннент-стрит, все учились в Д. К. – Дэвид-Килпатрикс-колледж, или «Дебил-колледж», как зло шутили местные. Сандра была самой младшей в этом клане обутых на приходские пожертвования разбойников, которые теперь, похоже, разлетелись по всему свету. Она была бойкой, живой, избалованной девчонкой, казалось, она уже переросла свое окружение. На всех обитателей домов возле старого порта, откуда было ее семейство, она смотрела свысока. На всех, кроме одного, и он лежит рядом с ней.

Пьяницы ушли, и отголоски их песен доносились уже из ночного далека. Однако их снова сменил бичующий ветер. Еще один яростный порыв врзался в окна, как таран. Он поманил ее мыслью о ночном переполохе, какой мог бы подняться из-за выбитого стекла. Только такое

⁵ «Glorious Hearts» – гимн футбольной команды «Хартс».

происшествие наверняка бы разбудило ее беспробудного мужа и заставило бы его действовать, сделать что-то. Хоть что-нибудь. Чтоб она увидела, что они еще вместе.

Сандра посмотрела на него, он спал так же крепко, как и мальчишки за стенкой. Он погрузнел, и волосы у него стали редеть, однако он не распустил себя, как некоторые, и все еще походил на Рока Хадсона в «Написано на ветру»,⁶ а это был первый настоящий фильм, который она посмотрела еще девочкой. Она стала думать о том, как выглядит сама, и, пробежавшись руками по дряблостям и целлюлиту, утешилась и содрогнулась от отвращения одновременно. Едва ли теперь кто-нибудь скажет, что она похожа на Дороти Мэлоун. А ведь раньше ее так и называли, «голливудская блондинка».

Мэрилин Монро, Дорис Дэй, Вера Эллен; изменяя прическу, она уподоблялась каждой из них, однако больше других была похожа на Дороти Мэлоун из «Написано на ветру». Вот так шутка. Конечно, об этом прозвище она до поры до времени не знала, хотя на вечеринках за глаза ее называли именно так. А если б узнала, стала бы невыносима, призналась себе Сандра. И только Вулли спустя немного времени после того, как они стали встречаться, рассказал ей, что ходит на свидания с девчонкой, известной всем парням как «голливудская блондинка».

Внезапно капли дождя так жестоко застучали в окно, будто посыпался град камней, да с такой силой, что сердце Сандры разорвалось пополам и одна половинка подступила к горлу, а другая бухнулась на дно желудка. Было время, подумала она, когда все это не имело значения: ветер, дождь, пьяницы на улице. Если бы только Вулли проснулся, и обнял ее, и прижал к себе, и любил бы ее, как бывало, всю ночь. Если б она могла сократить расстояние между ними, растормошить его, попросить, чтоб он ее обнял. Но отчего-то таких слов от нее не ждут ни он, ни она.

Как получилось, что несколько сантиметров, их разделяющих, превратились в такую пропасть?

Она лежала, уставившись в белый потолок, и паника накатывала на нее волнами, а в сознании разверзлась ослепительная трещина. Через трещину выскальзывал в бездну ее здравый смысл, и ей оставалась только зомбифицированная скорлупка. Она уже была на грани того, чтобы принять подобную ситуацию и успокоиться, как ее муж Вулли, который все спит, и спит, и проспит так до утра, какая бы вокруг ни творилась катавасия.

⁶ Выпущенная в 1956 г. драма Дугласа Серка, экранизация одноименного романа Роберта Уайлдера; в главных ролях Рок Хадсон, Лорен Бэколл, Дороти Мэлоун.

Терри Лоусон

Соки

Стиви Баннерман иногда ведет себя как сука. Может спокойно просидеть весь день в кабине, пока я прыгаю в любую погоду с этими гребаными ящиками, тягаю их из кузова под дождем и растаскиваю по пабам и клубам, а потом по квартирам здесь на районе. Хотя и жаловаться мне не на что, заметьте; вокруг столько телочек, а ты тут на свежем воздухе, зацениваешь их, вот она – соль жизни. Точняк.

Меня хотели оставить в школе, говорили, что я могу вытянуть пару предметов на отлично, если займусь хорошенько. Но на хера оставаться в школе, если ты уже оттарabasил практически всех телок из тех, что интересуются вопросом? Пустая трата времени. Надо донести эту мысль до моего друга – Соломенной Головы.

С утра дрын прямо дымится. Впрочем, как всегда после вечера в «Классике» с порнухой. Я хотел пойти после этого к Люси, но ее старик не оставляет меня ночевать. Типа, только помолвились и все такое. Вот женишься – будет и время, и место, вот так отмочил старый пердун. Ага, будто они с Люсиной мамашей так и жарятся целыми днями.

Вот это был бы номер.

Мы приехали на район, и Стив притормозил на пустыре. К нам подрулила пара стариканов. Их беззубые рты похожи на пару сношенных ботинок, что валяются у меня в шкафу, такие – с оторвавшейся подметкой. С первой же зарплаты я купил новые шузы, но никак не соберусь выбросить старые на помойку.

– Две бутылки апельсинового сока, сынок, – попросила старушка.

Я вытащил пару банок из верхнего ящика, взял фунт и выдал сдачу. Простите, миссус, вижу я, какого вам сока – который закачивают вовнутрь, а не разливают в бутылки.

От меня вы его уж точно не получите, сорри.

Они пошли своей дорогой, а я заметил птичку, у которой есть все шансы меня подоить. Эту мордашку я знаю, ее зовут Мэгги Орт. Она идет со своей подружкой, тоже вариант, я ее видел, но лично не знаком. Ну, пока, во всяком случае.

– Бутылку лимонада и колу, – сказала малышка Мэгги.

Она училась на год младше в моей школе. Тоненькая, тростинкой перешибешь. Помню, приходилось кормить ее, когда я был дежурным по столовой. Мой дружан Карл, Соломенная Голова, он к ней неровно дышит, еще как. Думаю, он там уже побывал, ведь она тусуется с этой типа рок-группой, которую они с Топси замутили, и с фанами «Хартс» тоже. Слышал, что в прошлую субботу он перед ними немножко облажался. То-то он так вдруг захотел пойти с нами на «Хибз» в эту субботу. Вычислить, чего он там себе думает, – раз плюнуть. Тот еще перец.

– Ты, говорят, колу любишь пососать, – подкатываю я.

Она молчит, даже вроде шутки не поняла, но все равно немного покраснелась. Подружка-то все просекла, но сделала вид, будто жмурится от солнца, и закрыла лицо руками. Длинные черные волосы, карие глаза и красные полные губы. Эх...

Плюс неплохие сиськи...

– Вы же в школе должны быть, – говорю, – ну погодите, вот узнает о вас Блэки.

При упоминании этого упыря Мэгги нахмурилась. Неудивительно.

– Да, знаете ли, мы с Блэки перезваниваемся, даже встречаемся иногда пропустить по кружечке. Теперь мы с ним отличные приятели, он работает, я тоже. Он все время просит меня присматривать, кто из его учеников ведет себя неподобающе. Про вас-то я ничего не скажу, так уж и быть, но вам это встанет кое во что.

Подружка рассмеялась, а бедняжка Мэгги посмотрела на меня, будто я все это всерьез.

– У меня справка, я болею, вот только за соком вышла, – понесла она, будто я и впрямь собираюсь сдать ее в детскую комнату.

– Все понятно, – смеюсь, а сам разглядываю подружку. Да, сиськи – что надо. – И ты тоже болеешь, у тебя справка и все такое.

– Да нет, она ушла из школы, она была в классе Огги, – выпалила Мэгги, прежде чем подружка успела открыть рот. Она заметно нервничала и все оглядывалась, не заметит ли ее кто на улице.

Подружка куда спокойнее. Большие глаза, длинные черные волосы – мне нравится.

– Работаешь, детка? – спрашиваю.

Эта, с большими сиськами, наконец-то заговорила.

– Да, в пекарне. Но сегодня у меня выходной.

Ах вот как, в пекарне? Уж я б помял тебе булки. Не вижу препятствий. Она ни фига не застенчивая, ничего подобного, просто прорабатывает меня.

– Замеча-а-тельно, – говорю. – Так, значит, вы такие остались одни? – спрашиваю обеих.

– Ну да, дядя Алек гуляет, а мама с папой поехали в Блэкпул, – говорит Мэгги.

Блэкпул, ох и круто там, на этой Золотой Миле, куча пабов, все такое. А уж по части ебли там все путем. Я там был с телочкой из Хаддерсфильда и еще с этой, из Линкольна. Та из Хаддерсфильда была просто супер. Так жарились, аж кровать сломали. Сука, этот мудака еще хотел с нас бабки за нее снять, старый мешок кала, разьебанный настолько, что уже и вставить никому не в состоянии. Я ему так и сказал – отсоси. Малки Карсон хотел ему уебать как следует. Завтрак был говно: мне подали сосиску – что малышка Голли причиндалы.

Зато Пляж Удовольствий был просто зашибись. Я залез там на башню. Это было третье по счету приключение! Холодно, сука, ветер с моря дует. А замшелые Орры отправились на юг и оставили малышку Мэгги гулять саму по себе.

– Тебя они, значит, с собой не взяли? – спрашиваю.

– Не-а.

– Вот как, а ведь за тобой глаз да глаз. Я-то всякое про тебя слышал!

– Да иди ты, – смеется, и подружка тоже.

А я, значит, поворачиваюсь к этой, брюнетке:

– Это, значит, она за тобой присматривает, Мэгги?

– Ну да.

Я подмигнул подружке и повернулся к Мэгги:

– Что ж, надо будет заглянуть к вам, попозже вечером, когда закончу. Типа, навестить больную. Принести мои специальные лекарства.

Мэгги пожала плечами:

– Как хочешь.

– Обязательно, – говорю, – беглый осмотр, альтернативный диагноз, – говорю и показываю на себя: – Доктор, – потом на чернявую, – сестра, – и на Мэгги, – пациент.

Чернявая вся разошлась, прямо подпрыгивает на месте, и при этом ее сиськи под лиловым топилом так и трясутся.

– Вау, Мэгги! Больничка! Твоя любимая игра!

Мэгги бросает на меня холодный взгляд, руки скрещены на груди, пыхает сигаретой и убирает с глаз слоеную каштановую челку.

– Да, ты только подумай хорошенько, прежде чем решиться, сынок, – сказала и отвернулась.

И они пошли, поначалу все такие надменные, но по тому, как они оборачивались и хихикали, пизденки были счастливы до жопы возможности потрахаться. Чуть позже обе свое получают, стопудово.

– Нет проблем, о вас, милые дамы, я подумаю с удовольствием, – говорю, а сам смеюсь. – Увидимся позже, выкурим по сигаретке, выпьем по чашечке чаю, идет? – кричу я.

– Пошло, – отбредивается Мэгги, но уже и сама смеется.

– До скорого! – машу я им вслед.

Ох уж эта Мэгги. Если бы чувакам из Биафры показали ее фото в новостях, они бы подсуетились и сами закидали бы нас рисом выше крыши. А вот у подружки ее задница – загляденье. В ее беленьких трусиках будто два младенца борются под простыней.

Водокачка гребаная, а не задница.

Стив этот – тот еще мутила. Мимо букмекера пройти спокойно не может. Целыми днями только и делает, что листает газеты с результатами скачек. Парень он суровый, с усами подковой. Из тех, что на работе все из себя серьезные и разойтись могут только после работы, в пивнухе. Я этого не понимаю, как будто, чтобы как следует водить грузовик, обязательно нужно ебло кривить. Я вот чего: хочу сдать на права и взять себе тачку, так, за ебли ради. На чувака с тачкой телки всегда ведутся, не то чтоб без мотора мне и вставить было некому, как некоторым, не стану называть. Однако колеса – дело полезное.

И вот мы отстрелялись. Стив захотел заехать в «Улей» на пару пинт.

– Нет, – говорю, – у меня другие планы.

– Ну как знаешь, – говорит. И поехал свое, что, мол, денег ни фи́га не зарабатываем. Да мне похуй. Меня зарплата устраивает, за то, что гоняешь, телок высматриваешь. Куда важнее иметь возможность заболтать разных девок, чтобы выяснить, кто готов, а кто – нет. Нужны шмотки – спиздишь у кого-нибудь с веревки или малолетнего какого подговоришь.

Для меня главное – телки. Малышке Люси я подарил кольцо, только чтоб она не возбуждала. Она все время гонит, что я работаю развозчиком соков, типа для нее не слишком круто. Я-то знаю, откуда ноги растут, – это все ее папаша, сраный сноб. Водит автобус и думает, что он – средний класс. Как-то эта сука подвалила ко мне и говорит:

– Развозка соков в смысле денег – не слишком перспективное занятие, а?

Я просто сел и ничего не стал говорить. А про себя подумал: вот тут ты ошибаешься, старина, перспектив на этой работе хоть отбавляй. И твоя дочурка – одна из них. Я без этих перспектив и шагу не сделаю. Это ж соль жизни!

Мэгги – отличная перспектива, и сразу после работы я отправляюсь к ней на хаус. Она живет в одном подъезде с Бирреллами, на этаж выше. Так что от Билли я кое-что слышал о ее родаках. Бухают – пиздец. Я понюхал подмышки, не пахнут ли после работы, все-таки весь день ящики с соком таскал. Ну и постучал в дверь.

Она подошла, открыла и встала такая, ручки скрестила на груди и смотрит так, типа, чего надо.

Я-то отлично знаю, чего мне надо.

– Может, пустишь на чашечку чая, а? Окажешь посильную помощь рабочему парню?

– Ладно, заходи, – говорит, – но только на чашечку чая, и не дольше чем на пять минут.

И мы проходим в гостиную. Кроме нее, дома еще подружка.

– Ты знаком с Гейл, Терри? – спрашивает Мэгги, пока я стряхиваю пепел.

У той на лице выражение типа: я тебя точно где-то видела.

– Не имел еще удовольствия познакомиться, – говорю, а сам подмигиваю Гейл. – Во всяком случае, до сих пор, – добавляю.

Мэгги хихикает, а эта Гейл выдерживает мой долгий взгляд. Телки любят пацанов с чувством юмора, а у меня, видишь, юморок, как у чуваков из «Монти Пайтона». В школе, когда мы с Карлом и Голли начинали стебаться, вокруг никто не подрубался. Думали, у нас крыша сдвинулась, и так оно, наверное, и было. Только вот Карл кое-чего не догоняет, поэтому и с телками у него не клеится. Чувство юмора – это важно, но с девушками нужно давать взрослого, солидного, а не дергаться, как психованный мальчишка. Вон эти хера из «Монти Пай-

тона», они, может, и ебанутые, но не всю ж дорогу. Они все учились в Кембридже, а туда безмозглых не берут. Уж всяко они не корчили рожи и не бредили на экзаменах. Ну вот. Я как раз – взрослый-солидный. Помню, как-то учительница по художке мисс Ормонд говорит – вы, мол, самый незрелый молодой человек из всех, что я учила. Мне пришлось прямо так ей и сказать – я зрелый вполне, мисс, я уже не первый год в большой ебле и перетрахал больше телок, чем кто-либо в этой школе. Сучка очкастая – отослала меня к Блэки на ковер.

По телику идет дневной повтор «Святого». Чувак в этих сериях уже другой, смахивает на младшего брата натурального «Святого».⁷ Я сажусь на кушетку, Мэгги в кресло, Гейл – на ручку другого кресла. Я наблюдаю за представлением бедер Мэгги, выглядывающих из-под ее мини-шотландки, и думаю, что дебют «Америкэн-экспресс» подойдет вполне.

– Ну, скажите мне, рискованные девчонки, – начинаю я и делаю длинную затяжку «эмби-регала», – какие ваши планы. А главное – с кем вы гуляете. Мне нужны все самые скандальные подробности.

– Она гуляла с Аланом Лейтоном, – говорит Мэгги, указывая на Гейл.

– Теперь – все. Он меня достал.

– Я его толком не знаю, – улыбаюсь, а сам думаю, что Лейтон – приятель этого Ларри Уилли, так что, если она тусовалась с этой бандой, всяко у нее все дыры разработаны.

– Да он мудака, – говорит Гейл, да так, что только тупой не поймет, что имелось в виду: я с ним больше не ебусь, но ужасно соскучилась по хорошему хую, приди ж ко мне, да побольше.

Это Теренс Генри Лоусон переводит с языка нуждающихся в хорошем факе.

Соль жизни.

И вот что забавно, я все пытаюсь вычислить эту Гейл. Думаю, может, она из Бэнксов. Точно, она ж подружка сестры Дойла. Да-да, она еще носила очки, такие красивые, в золотой оправе, и в них она смотрелась еще ебливей и сексуальней, чем теперь, если это вообще возможно. А может, это была ее подружка. В любом случае она впишется, без вопросов, это сразу видно. Я поворачиваюсь к Мэгги, которая уже чувствует себя не в теме.

– Странно, что вы ни слова не сказали о Мэгги, – говорю и смотрю, как она снова немножко покраснела. – То есть, наоборот, мне же лучше. Ты мне всегда очень нравилась!

Гейл откидывает голову и смеется, потом закатывает глаза:

– Йо-хоу!

Малышка Мэгги в это время сжала ручонки и потупила взгляд, вся такая скромная, и тихо-тихо сказала:

– Но ты же гуляешь с Люси Уилсон.

Ебать, как будто в церковь пришла. Меня на этом кале не проведешь. Она протестантка, а это значит, что в церковь она не ходит вовсе.

– Нет, теперь это все в прошлом. А что, если б я попросил тебя гулять со мной, ты бы согласилась?

Она вся зарделась. Повернулась к Гейл и засмеялась, не зная, верить мне или же я брешу.

– Терри задал тебе вопрос, Мэгги! – говорит Гейл в полный голос.

– Не знаю, – отвечает она раздраженно и в то же время робко.

Дело в том, что гулять можно по-разному. Бывает, когда ты говоришь, что гуляешь с кем-то, это означает, что ты просто с ними ебешься. С другими у тебя, типа, постоянные отношения. Бред, конечно, тебя как будто заарканили. Так вот, Люси – моя девушка, она всегда аккуратно одета и была еще девственницей, пока я до нее не добрался. Вот с такими ты гуляешь, а с такими, как Мэгги и эта Гейл, – просто трахаешься.

– Кому же знать, как не тебе, а, Терри? – говорит Гейл, а сама подмигивает мне.

⁷ «Святой» (1962–1969) – британский детективный сериал с Роджером Муром в роли «благородного разбойника» Саймона Темплара (то есть Саймона-Храмовника); в 1997 г. был выпущен полнометражный римейк с Вэлом Килмером.

Вот она – сытная тела. Мэгги теперь меня уже не так и беспокоит, на ловца и зверь, как говорится, и даже если мне удастся убить двух зайцев, эта Гейл – просто мега. Без вопросов.

Однако мы в гостях у Мэгги, и не хочется, чтоб нас выставили.

– Может, мне удастся тебя уговорить. Не хочешь присесть ко мне на коленки?

Она вся в сомнениях.

– Иди ко мне, давай же, – склоняю я голову.

Гейл смотрит на нее:

– Давай же, Мэгги, он тебя не укусит, – науськивает ее. Нравится мне эта девчонка, такая проказница. В моем вкусе. Хотя все они в моем вкусе.

– Че вы тут разыгрываете, – смеюсь. – Давай, Мэгги, – говорю уже с нетерпением.

Когда девчонка скромничает – это заебись, но потом становится скучно и хочется, чтоб она быстро разделась и начался экшн. А те, что дразнятся, да не дают, – кому они нужны. Она подходит, я притягиваю ее, сажаю на колени и начинаю двигать ногами, качать ее, тоненькую малышку, и целую ее быстро прямо в губы.

– Ну вот, видишь, не так уж страшно. Я хочу целовать тебя еще и еще, вот что я тебе скажу.

Да кого угодно. Корячусь целый день под ящиками, вместо того чтоб тарабасить телок. Мэгги вписалась. Она обняла меня за шею, запустила пальцы в волосы на затылке. Я смотрю на старый изразцовый газовый камин, такие стоят в этих убогих древних многоквартирниках, не то что у нас, у снобов из новых домов, – современные электрические.

– Мне нравится твоя прическа, – говорит она.

Я улыбаюсь (эту скромную улыбочку я тренирую каждый день перед зеркалом) и целую ее снова, и теперь это неторопливый, долгий поцелуй.

Тут слышится глубокий вздох, это встала Гейл. Мы на секунду прерываемся.

– Коль уж вы тут все из себя такие влюбленные, я пойду наверх, послушаю кассету, – говорит она презрительно, но это все притворство, потому что ей не хуже меня известно: ее очередь настанет стопудово, если не прямо сейчас, то чуть позже.

Дело в том, что я знаю все булочные в западном Эдинбурге. Еще одно преимущество работы развозчика соков.

Мэгги вполсилы пытается ее удержать.

– Поставь чайник, – просит она, но Гейл уже вышла из комнаты, ее крепкий зад в белых штанах исчез из поля зрения, а я только и думаю, как натяну его чуть позже.

Однако начинать нужно с начала. Этому правилу я выучился еще в начальной школе. Эти их дебилские присказки. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. А вот как скажу: одного зайца натянешь – хорошо, а два – лучше.

– Я поставлю чайник, – говорю, – только за один маленький поцелуй.

– Отстань ты.

– Один поцелуй, – шепчу я.

Поцелуйчик, ну да, конечно. Мы сосались минут десять, и за это время я успел снять с нее этот уродский свитер, топ и лифчик, и ее маленькие сиськи уже прыгают в моих ладонях, а она смотрит на них, будто впервые видит.

Йо-хоу, вот ты какая сучка! Да, маза здесь реальная!

Я укладываю ее на кушетку и начинаю ее разрабатывать, моя рука скользит под юбку и в трусы. Мне нравится, как она стонет и подается вперед, навстречу моим твердым пальчикам. Я вспоминаю, что есть такая группа, *Stiff Little Fingers*,⁸ и думаю, имел ли в виду тот уебан, что придумал название, какую-нибудь телу, которой надрачивал. А вот тебе Другой Ольстер, курочка! Соль жизни!

⁸ Твердые пальчики (англ.).

Время действовать. Я стягиваю ее трусы до колен и на лодыжки и прижимаю к себе. Она вся дрожит, когда я спускаю портки на бедра и вынимаю своего бэбика. Одной рукой я сжимаю ее маленький зад, другой – сиськи, ее руки покоятся у меня на плечах. Ей не нужно даже пытаться строить из себя целочку, ее уже имели, из компании Топси – все, кому не лень, я полагаю. Однако такого штыря она еще не видала, это уж точно. Она такая малютка, даже меньше Люси, я принимаюсь фачить ее спокойняком, но она стонет, мол, давай еще, и тут я набираю темп и уже засаживаю ей как надо.

– Ага, ну как, охуенно тебе, а? – спрашиваю, но она ничего не говорит, пока не вскрикивает тихонько, получив свое. Я сам начинаю попискивать, как пидорок, но это так, в пылу страсти и все такое.

Об этих моих столах сучка б лучше не распространялась. Парни думают, что телки об этом между собой не разговаривают, что у них все о чуйствах, хоть бы хуй. Они такие же, как мы. Даже еще хуже, если по правде говорить.

Я потаранил ее еще немного, все равно через десять минут я снова буду готов, но она как будто в трансе. Нечего время терять.

– Пойду отолую, – говорю.

Я встаю, натягиваю трусали, джинсы, футболку, а она уставилась в никуда, собрала и закуталась в свои кишки.

Я поднимаюсь на второй этаж, перескакивая через ступени, покрытые истертым ковролином. В унитазе плавают неспущенный кал, и мне чего-то расхотелось в него писать, как будто говно поднимется по струе прямо мне в хуй, поэтому я поссал в раковину и подмыл свой прибор. Закончив, я засек паука, он полз по ванне. Я прихлопнул его затычкой, смыл гондона в канализацию и отправился в соседнюю спальню.

Гейл лежит на кровати лицом вниз. На ней наушники, длинный провод тянется из музыкального центра, спускаясь по спине до красивых ягодичек и дальше, она даже не слышит, как я вошел. Какая великолепная жопа у нее в этих белых штанах, шов, проходя меж булок, прячется в расщелине ништяка. Она читает книжку на подушке, длинные темные волосы закрывают лицо. Тело у нее что надо, поплотнее, чем у Мэгги, такая вся женственная сучка.

Над ней на стене висит большой постер Гэри Глиттера. Охуенный чувак. Мне нравится одна его тема, там такие слова: я завожу банды и развожу телок. Он такой и есть. Теперь-то я слушаю «Джем» и «Пистолз», но он и «Слейд» из тех старичков, что нравятся мне до сих пор.

Какое-то время я стою и просто наблюдаю да подмигиваю Гэри. Я покажу ему, как заводить телок. И вот мой опять напрягся, твердый, как кремьень. Я подошел к центру и убрал громкость, она обернулась и сняла наушники. Она мне нисколько не удивлена. А вот я удивлен – на ней очки в золотой оправе.

Кого другого это могло и обломать, только вот меня разобрало пуще прежнего.

– Ну что, четыре глаза, – говорю.

– Я одеваю их, только когда читаю, – отвечает она и снимает очки.

– По мне, очки – это сексуально, – говорю, а сам направляюсь прямо к кровати и думаю, что если я ее прижму, а она взбрыкнет, то просто отпущу и скажу, что это была шутка. Но беспокоиться тут не о чем, она уже заглотила мой язык, и никакого сопротивления, так что я достаю свой перец, а она берет его в руку, резвая сучка.

– Только не здесь... сейчас нельзя... – говорит, но сама не торопится отпустить мою шишку.

– Да ладно, хуй с ним, Мэгги знает, во что вписалась, – говорю.

Она смотрит на меня секунду, но я уже стягиваю кишки, да и она не отстаёт. Мы уже под покрывалом. Мне заебись, круто, что шняга у меня дымится, несмотря на то что не так давно я выпустил здоровенный заряд молофьи в малютку Мэгги. Такие как Карл или малыш Голли

отправились бы в отделение интенсивной терапии в Королевский госпиталь, только подрочив, не говоря уже о ебле, а мне по барабану, я сутками могу ебстись.

Такое отношение к вопросу меня приятно поразило, она не юлит, стащила сразу и лифчик, и трусы. Многие телы оставляют трусали, считая это залогом того, что их не лишат прелюдии, но только тупорылые придурки сразу стараются запихнуть девчонке промеж ног, тогда как и до этого можно отлично оттянуться.

Старина Гэри Глиттер смотрит на нас, а я уже вожу языком ей между ног. Сначала она пытается отпихнуть мою голову, но вот уже натирает мою черепушку, тянет за волосы, я начинаю работать языком, и она ослабляет хватку, и ей охуенно. Мои руки у нее под ягодицами, я прихватил ее как надо за батоны, и мой палец скользнул ей в пихву, и я принялся слегка ее надрачивать. Я пытаюсь перевернуться, чтоб она всосала мою шишку своими большими губами, но тут с нас соскальзывает покрывало. Фокус в том, чтобы продержать ее в точке кипения, заставив при этом взять в рот. Уговаривать ее, однако, не приходится, она не отпускает моего молодца, оттягивая крайнюю плоть.

– Круто, Терри. Просто безумие, мы сумасшедшие... – задыхаясь, лепечет она.

– Соль жизни, – фыркаю я в ответ, – я хочу проткнуть языком твои дырки, одну за другой, – говорю я, как тот чувак из порнухи, что была у Донни Несса. Я всегда стараюсь запоминать лучшие реплики и лучшие прихваты.

И вот я расставил ее в позицию «69», мой перец у нее во рту, и она насасывает его что есть мочи, и боже, как она сосет! Я раздвинул ее губки и сперва лизнул ее пихву, как почтовую марку, поработал пальчиками, потом принялся за сраку, которая пахнет сырой землей, и снова вернулся к клитору, он такой большой и напряженный, что сошел бы за мини-перец, а она вынула мой изо рта, и я было решил, что она задыхается, но нет, это она кончает, ее скрутило резкими неровными судорогами, когда мой палец заклинило на ее бутоне любви, как на кнопке громкости, когда по радио вдруг пускают клевую тему.

Она ловит воздух, и приступ ее стихает, но я-то с ней еще не закончил, и вот я выкручиваюсь и поднимаю ее, и у нее на лице шок и безумие, и вот я уже лежу на кровати, а ее голова в районе моего члена, и она сосет его, как сука, и смотрит снизу вверх своими большими глазами, источающими благодарность, потому что она знает: это было только начало и через секунду-другую она еще получит хорошего хуя. Я хватаю ее за волосы, сжимаю черные локоны и притягиваю к себе, потом от себя, настраиваю темп и амплитуду, чтоб она врубилась, чего как, но она-то знает, что делает, потому что голова сразу принимает нужный ритм, и мне даже не нужно самому дергать тазом, ничего подобного. Поработав головой, она отстраняется, и это даже к лучшему, потому что я уже подумывал, не кончить ли ей в рот и припасти фачилово до следующего раза, чтобы шлюшка вся изошлась покуда. Но я подумал: нет, отфачу ее как следует прямо сейчас. Я сверху, ввожу свой, и тут она говорит:

– Нет, Терри, мы не должны это делать, не сейчас...

Слыхал я эту песню.

– Так что, ты хочешь, чтоб я остановился, – выдыхаю я.

Не нужно быть Бамбером Гасконом из «Университетского вопроса»,⁹ чтобы знать ответ. До меня доходит только – «О Терри», – и я принимаю это за сигнал к наступлению.

И вот я сверху и уже начинаю работать в полную силу, и тут Гейл смотрит в сторону и вся такая напрягается, потом издает тихий смешок и притягивает мою голову к себе, и лицо у нее какое-то странное. Я поднимаю голову и вижу, как в комнату входит Мэгги.

Мэгги складывает руки крестом на груди, как будто ее подстрелили. Какое-то время она стоит молча и кривит свой ротик.

⁹ Телевизионная передача; отечественный аналог – «Умники и умницы».

– Вам придется уйти, пришел мой дядя Алек, – в итоге шепчет она нам. Вид у нее при этом очень напряженный.

Гейл снова отворачивается лицом к стене и говорит:

– О боже, как меня все заебало! – Она подхватила одеяло и натянула на себя, как гребаная кошка.

Однако у меня дрын еще горит, и ни одна сука не уйдет, пока я не выпущу заряд.

– Заткнись, Мэгги, – говорю я, а сам смотрю на Гейл, пихать не прекращая, – иди спустись к дяде Алеку... мы скоро...

Хлопнула дверь, и Гейл снова прижимается ко мне, я делаю несколько выпадов, и она уже начинает постанывать. Я хотел поддержать ее в топе и потом, может, даже запихнуть ей в другую дырку, чтобы кончить, но с этим придется повременить, все из-за этой тупой коровы Мэгги, да и хуй с ним, пусть это будет повод для следующей встречи. И вот она кричит и воет, и я тяжело дышу, и она кончает, как артиллерийская батарея, и я тоже кончаю, и, слава яйцам, Мэгги выпучилась и выбежала из комнаты, потому что Гейл разошлась, как бутылка молока, оставленная в пустыне Сахара.

– О Терри... ты просто животное... – кричит она.

Ебыррррь...

Я хватаю воздух, вставляю ей по самые гланды и выжимаю из себя все до последней капли. Потом, восстанавливая дыхание, я представляю ее в булочной и как я трахаю ее на лотках со сдобой. Я целую ее в большие влажные губы, потом поднимаюсь на руках и смотрю ей прямо в глаза.

– У нас с тобой химическая реакция, детка. Ты не можешь закрыть на это глаза. Понимаешь, о чем я?

Она кивает.

Отличная реплика, это из фильма, который я смотрел в «Классике» на Никольсон-стрит. «Прогресс Перси», так, по-моему, он назывался. Там про белого парнишку, которому достался перец черномазого.

Я слезаю с нее, и мы начинаем одеваться.

Тут снова входит Мэгги.

– Вам придется уйти, – почти вопит она, глаза красные, вертит на палец завиток волос.

Гейл ищет свои трусы, но я нашел их первым и зажал, сунул себе в карман. Сувенир. То же самое было с той Филиппой из Хаддерсфильда, которую я фачил в мотеле. Сувенир из Блэкпула. А почему нет? Каждому свое. Лучше ездить на телках, чем на трамваях, и прикладываться лучше к пихвам, чем к каменным развалинам. Я так считаю, по крайней мере.

Однако Мэгги напряглась не на шутку.

– Да ладно тебе, Мэгги, че за проблемы? Твой дядя нам здесь нисколько не мешает, – говорю. – Не ревнуешь же ты меня к Гейл?

– На хуй, – сплевывает она, – пиздуй отсюда, сынок!

Я покачиваю головой, завязывая шнурок на новых ботинках. Какие все-таки тетки незрелые бывают, когда дело касается фачилова. Хочешь ебаться – ебись. Не хочешь – просто скажи «нет».

– Не охуевай так, Мэгги, мы с Гейл здесь просто немножко повеселились, – предупреждаю я опущенную корову.

У каждого есть право на удовольствие. В чем, бля, проблема-то? Нужно было выдать эту реплику из «Эммануэль», так там, по-моему, было, парень говорит: не стоит так нервничать и расстраиваться, детка.

– Повеселились, и все, Мэгги, – говорит Гейл, все еще в поисках своих трусов, – и не надо так напрягаться. Ты ведь даже еще не гуляешь с Терри.

Мэгги сжимает зубы и поворачивается ко мне.

– Так, значит, ты теперь с ней гуляешь? – спрашивает она, вся в обидках.

Не деритесь, девочки, не надо, на всех хватит! Зуб даю! Не стоит так нервничать и расстраиваться, детка!

Я поворачиваюсь к Гейл, подмигиваю ей.

– Нет... не будь душой, Мэгги. Я ж сказал, мы просто почудили, повеселились. А, Гейл? Тебе уже пора рассмеяться, Мэгги. Иди сюда, обними меня, – говорю и похлопываю по кровати. – Ты, я и Гейл, все вместе, – шепчу я. – Дядя Алек не станет нас беспокоить.

Но она стоит на своем, буравит нас взглядом. Помню, когда мы с Карлом Юартом были дежурными по столовой, разносили тарелки, он всегда приносил ей порцию побольше, и второго тоже, потому что она ему нравилась, да, Соломенная Голова запал на нее как надо. Мы, может, спасли эту грязную овцу от голодной смерти, я и Карл, и вот вам благодарность.

Могу поспорить, наш мистер Юарт с превеликим удовольствием преподнес бы опущенной малышке угощение, которым я ее только что попотчевал! Зуб даю!

– Терри, ты не видел моих трусов? – спрашивает Гейл. – Не могу их, блядь, найти.

– Нет, не мой размер, – смеюсь. Положу их под подушку перед сном! Нюх-нюх-нюх!

– Попробуй снимать их пореже, может, тогда легче будет найти, – шипит на нее Мэгги.

– Кто бы говорил, – огрызается Гейл. – Не надо так охуевать только потому, что ты у себя дома!

У Мэгги опять глаза на мокром месте. И ежу понятно, что Гейл враз ее отхуячит один на один. Вот это было б шоу. Я натянул штаны, подошел к Мэгги и обнял ее. Она пытается меня оттолкнуть, но не слишком старается, знаете, как бывает.

– Да мы просто пошутили, – говорю. – Давайте теперь просто сядем и расслабимся.

– Я не могу расслабиться! Как я могу расслабиться! Мама с папой уехали в Блэкпул, а меня оставили с дядей Алеком! Он постоянно пьян, он уже устроил пожар у себя дома! Мне приходится все время за ним присматривать... так нечестно... – Она всхлипнула и разревелась вовсю.

Я пытаюсь ее успокоить, а сам смотрю на Гейл, которая натягивает свои штаны без трусов. Она, наверное, стянет потом пару у Мэгги, иначе ее здоровенный черный куст будет просвечивать сквозь тонкие хлопковые штанишки. Хотя я не думаю, что она прям-таки собралась уже домой.

– Да не обращай ты на него внимания, Мэгги, – качает головой Гейл.

Ее интересуют только трусы. Впрочем, меня тоже.

Мэгги побаивается дядю Алека. Она не хочет спускаться, даже чтобы налить чаю, лишь бы с ним не встречаться.

– Ты не знаешь его, Гейл, – хнычет она, – он всегда пьяный.

А может, это просто отговорка, может, она знает, что, как только она выйдет за дверь, я опять взнуздаю малышку Гейл.

– Ладно, я пойду вниз, поздороваюсь, налью и принесу сюда чай. И маленький бисквит, – говорю я, изображая этого парнишку из Глазго с рекламы Британских железных дорог. Бедный уродец решил, что получить бисквит в поезде – пиздец как круто. Может, в Глазго так оно и есть, для тамошних оборванцев это как золотой песок. Эх, глазговский говорок, ничто с ним не сравнится, во всяком случае, так они твердят всякому мудаку, который готов развесить уши.

И я отправился вниз, надеясь, что этот дядя не окажется одним из местных психов. Доброе слово и кошке приятно, вот в чем дело. Я давно понял, что если ты с людьми по-хорошему, то и они к тебе доябываться не станут.

Дядя Алек

Да, квартирка, прямо скажем, – блевать тянет. У моей мамы денег не много, но даже когда она была одна, до того как сошлась с этим немчурой, наш дом был дворцом по сравнению с этой дырой. Комната Мэгги – самая приличная, даже кажется, что попал в другую квартиру.

Когда я спустился по лестнице в гостиную, я обнаружил, что знаю этого чувака. Алек Конноли. Из местных законничков.

Этот Алек смотрит на меня, лицо у него, как говорит моя мама, насквозь пропитое, все в печеночных пятнах, сползающих за воротник. И все равно, лучше бы такой шатался по квартире, чем этот немецкий упырь, с которым она якшается. Сидит всю дорогу дома, никогда не выпивает и ворчит на меня, если я врываюсь домой на всех парах. Чем раньше мы с Люси получим свою хату, тем лучше.

– Так-так, – тянет Алек ледяным, типа, тоном.

Я просто подмигнул старику:

– Здорово, приятель. Как дела? Мы там с Мэгги и ее подружкой пластинки слушаем.

– Ах, вот как это теперь называется, – говорит он, но уже, типа, в шутку.

Нормальный чувак: на самом деле ему похуям. Такое впечатление, что комната стала еще засранней, чем когда я был здесь последний раз. Подошвы прилипают к потрескавшемуся линолеуму и даже к изодранному квадратному ковру посередине.

Алек сидит в разбитом кресле и пытается свернуть сигарету трясущимися руками. Перед ним на кофейном столике куча банок, полупустая бутылка виски и большая стеклянная пепельница. На нем поношенный синий костюм и галстук почти такого же цвета, что и глаза, вылезающие из орбит на красной роже. Я просто пожал плечами.

– Ты ведь Алек, так? Я – Терри.

– Я тебя знаю, видел на грузовиках с соками. Ты Генри Лоусона парнишка?

О-па. Да он знает старого засранца.

– Да. Ты с ним знаком?

– Я слышал о нем, он меня на несколько лет старше. Он теперь в Лейте бухает. Ну и как у него делишки?

Да не похуй ли.

– Нормально, то есть... я толком не знаю. Вроде все в порядке. Мы особо не общаемся, – говорю я этому Алеку, но думаю, он и сам врубился, когда упомянул старого ублюдка.

Алек что-то прорычал, будто горло прочистил.

– Да, – сказал он, помолчав, – семья, понимаешь. Вот откуда все проблемы. Что тут поде-лаешь? Ты мне скажи. – Он разводит руками с зажатой в одной лапе свернутой сигаретой.

Мне нечего на это ответить, поэтому я просто киваю и говорю:

– Я хочу отнести вашей племяннице и ее подружке чашечку чая. Вы будете?

– На хуй чай, – говорит он и указывает на кучу банок на столе. – Выпей пивка. Давай. Не стесняйся.

– С удовольствием, только позже, выпьем пива, поболтаем, я просто не хочу обидеть своих друзей там, наверху, – объясняю.

Алек пожал плечами и отвернулся, как бы показывая, что ему нечего больше мне сказать. Что-то есть в этом старом упыре, он мне нравится, надо будет потрепаться с ним потом. Ну да, задобрить его, чтоб я и дальше мог обрабатывать здесь малышку Мэгги и Гейл. Да и в «Улье» все говорят, что он в курсе всех подводных течений в округе. С такими чуваками полезно иметь знакомство, быть, типа, приятелями, нужные контакты, все такое.

Я прохожу в кухню и чуть не ломаю себе шею, споткнувшись об отошедший кусок линолеума. Ставлю чайник. Он не электрический, его нужно подогревать на плите. И вот я подни-

маюсь с чайником наверх, где меня ждут эти грязные овцы. Мэгги сидит с кассетной коробкой и списывает в карточку названия треков с пластинки, которую переписывает. Она как будто вся очень занятая – предлог, чтобы не разговаривать с Гейл.

– Вот и чаек, – говорю. Мэгги смотрит на меня, и я говорю: – Не знаю, чего ты там беспокоишься, Мэгги, этот Алек – отличный мужик.

– Ну да, ты-то не знаешь его, как я, – снова предупреждает она.

Гейл все нудит по поводу своих трусов.

– Я просто свихнусь, – говорит.

Если будет тусоваться со мной, трусы ей не понадобятся, это точняк, зуб даю.

Салли и Сид Джеймс

Я просыпаюсь в постели весь взмокший от пота и понимаю, что лежу один. Смотрю, а телки спят на полу. И тут я все вспоминаю: ночью мне удалось затесаться между ними. Я подумывал о шведской тройке, как в фильмах. Я попробовал понадрочивать их немножко, обеих сразу, но они чего-то зачехлялись. И после не дали ни та ни другая, застеснялись друг друга. Так что придется обрабатывать их по отдельности, в тройку они не впишутся. Точняк.

Я корячился всю ночь, но они ни в какую, потом даже попытались столкнуть меня с кровати, и, понятно, у них ни хера не вышло, так что они сдались и легли на полу. В общем, я вздрочнул как следует и провалился в сон. Ночка была, конечно, обломная, но хорошая койка мне как раз оказалась впору, потому что днем – футбол, а вечером – дискач. Соль жизни.

Утром непросто, однако, было встать с постели и пройти меж двух дрыхнувших на полу тел. Я опять слегка вздрочнул на них и спустил большей частью на ковер, но одна капля попала на рукав блузки Гейл. Потом я прокрался вниз, где встретил дядю Алека. Он сидел в том же кресле и смотрел сериал.

Там еще телка с клевыми сиськами.

– Эта Салли Джеймс – тела что надо, – говорю.

– Салли Джеймс, – пренебрежительно буркнул он.

Это спокойно мог оказаться Сид Джеймс, но откуда ему, старому херу, знать.

Бутылка виски пуста, и большая часть банок, похоже, тоже.

– Хочешь чаю? – спрашивает.

– Знаешь, Алек, я вот подумал, как твое предложение выпить – оно еще в силе?

– Теперь только в пабе, – говорит, указывая на кучу пустых банок на столе.

– Идет, – говорю.

И вот мы идем по улице к «Снопу пшеницы». День выдался ясный, и я весь в ожидании матча. Сколько было разговоров о том, чтоб сколотить в районе банду с Дойлом и его тусой. В нашем районе большинство парней болеют за «Хартс», их стадион ближе, однако и фанов «Хибз» то там, то здесь разбросано порядочно. Если собрать вместе всех «хибби», могла бы получиться вполне себе команда, потому что тут есть такие, как Дойл, и Джентльмен, и я, и Биррелл, и все мы «хибз». Об этом постоянно ведутся разговоры, однако дальше болтовни дело обычно не идет. Что бы там ни было, веселье будет. Вот что мне нравится в Дойле, он, конечно, охуевший безумец, но с ним всегда случаются истории, которые потом не стыдно рассказать. Как тогда, когда мы стырили медную проволоку, это ж был пиздец какой-то. Эта сука нам еще ни копейки не заплатила. Я поворачиваюсь к Алеку, когда мы проходим по парку и невдалеке уже вырисовывается паб.

– Значит, ты присматриваешь, чтобы Мэгги не занималась всякой чепухой, пока ее родители в Блэкпуле?

– Ну да, только не очень-то у меня получается, да? – смеется он язвительно.

– Я – джентльмен, Алек. Мы проболтали всю ночь, и я оставил их, когда они уже валились спать. Мэгги – хорошая девочка, она не такая.

– Ну да, – говорит он, не веря ни единому слову.

– Да нет, это верные сведения. Вот подружка у нее вроде как оторва на отдыхе, малышка Мэгги – другое дело, – объясняю. Лучше не давать чуваку повода думать, что я откровенно пизжу. Он задумался; пока мы шли до паба, он молчал. Я заказываю пару пива, и это вернуло на его фейс улыбку. Да, он, конечно, артист первостатейный. – Ну и надолго ты там? – спрашиваю.

Он уставился в пустоту.

– Не знаю. У меня дома был пожар. Там, в Дарли. Плохая проводка. Весь дом сгорел: моя жена попала в больницу, до кучи, – объясняет он. Тут он разошелся: – Суки газовщики, они во всем виноваты... найму адвоката и потяну сучар в суд.

– Это верно, Алек. Они должны выплатить тебе хоть какую-то компенсацию. У тебя на то все права, приятель, – говорю.

– Да уж, – сурово улыбается он, – надо только со страховым иском разобраться... и тогда пойдем по всем инстанциям.

Билли Биррелл

Секс вместо футбола

Я услышал дребезжание бутылок в ящиках, подошел к окну и отодвинул занавеску. Это Терри на своем грузовике с соками, и я слышу, как он выкрикивает цены. Только я собрался высунуться из окна или спуститься поболтать, как вижу, он уже говорит с Мэгги Опп и еще одной девушкой. Мрак; короче, я передумал. Не то чтоб я имел что-то против Мэгги, она нормальная, только вот на прошлой неделе я поцапался с ее папашей.

Этот чудила все время возвращается из пивнухи бухой со своей женушкой, и они еще орут друг на друга на всю улицу. Моя мама не может заснуть. Старик и пальцем не пошевелит, так что я пошел сказать им пару слов. Этот разошелся, типа, я молокосос безмозглый. А я ему говорю, что, мол, выходи, я покажу тебе, кто из нас безмозглый молокосос. Он уже собрался выйти, но жена остановила и потянула его назад. Тут я увидел Мэгги и ушел, потому что она расстроилась и я не хотел ее смущать. Она ж не виновата, она ж ничего плохого не сделала.

Терри разводит Мэгги и ее подружку на базар. Я знаю, ему не нравится, что я делал это с Ивон. Ему, значит, можно фачить все, что движется, притом что он в принципе помолвлен, но когда это делает его сестра, он ворчит, как старый хрен. Что ты хочешь: Терри Лоусон – беспредел.

Для сестры Терри Ивон даже ничего. Терри мой друг, но гулять с такой девчонкой, как он, никто б не захотел. Если б такая вообще могла существовать. Не то чтоб я гулял с Ивон. Я уже пытался ей об этом сказать.

Надо с ней завязывать. Было уже три раза, и только один – с гондоном. Мрак. Только представить: обрюхатить Ивон и на всю жизнь стать Терриным зятем. Мрачваген, какой и не снился.

Нет, связываться ни с кем не хочется. Во всяком случае, не с девчонкой, которая живет в двух кварталах от тебя. С какой-нибудь телочкой из Испании, или Калифорнии, или Бразилии – куда ни шло. Да хоть из гребаного Лейта, лишь бы не отсюда.

Первый раз на последнем этаже в моем подъезде. Коленки дрожат. Нет, тогда она залететь не могла, вся молофья вытекла. Однако шанс всегда остается, ведь когда идет выброс – ты внутри. Потом было в Лошине Колинтона, снова в пристенке, в тоннеле, а третий был в ее спальне, когда мы смотали после обеда из школы. Только тогда я натянул-таки резинового друга. Времени было до фи́га, целая упаковка гондонов, но я сделал только раз, потому что слышал, будто от этого ноги на тренировках херово работают.

Круто дома побыть одному. Обожаю пятничные вечера, прихожу домой, и никого нет. Рэб на продленке, мама и отец – на работе. Можно спокойно посидеть, подумать.

Мэгги и ее подружка ушли, и грузовик Терри отъехал. По улице теперь идут девчонки-первоклашки.¹⁰ Все такие тощие, только одна скорее смахивает на третьеклассницу: жопа, сиськи, всё при ней. Я смотрю на них, и мне становится жалко эту девицу. Она такая же, как ее подружки, по глазам видно: ребенок. Но из-за того, что она уже такая пухленькая, ее будут доставать всякие грязные уроды типа Терри, типа, давай перепихнемся, лапать ее будут и все такое. По мне так – просто мрак. Если б у меня была сестра и какой-нибудь урод доставал ее, я б дал ему в голову.

Может, Терри думает то же самое обо мне с Ивон, ведь она только во втором классе.

¹⁰ Первый класс шотландской средней школы соответствует седьмому в российских школах.

Вот это да! Вот она идет по улице. Волосы собраны на затылке в конский хвост, на ней та юбка, выше колена.

Она не переходит дорогу, что означает, что идет она ко мне. Она, должно быть, знает, что я дома, или, может, так зашла, на шару. Мрак.

Я мог бы отыметь ее прямо сейчас. В своей кровати. Пофачиться в собственной кровати.

Слышно, как она поднимается по лестнице. Я вспоминаю ее ноги и как мне нравилось, притворившись, что я завязываю шнурки, смотреть снизу, как она идет по лестнице.

Она звонит в дверь.

У меня матч завтра с утра. Не хочу, чтоб у меня ноги тряслись. Говорят, приедет человек из «Данди юнайтид» разведать, че-как.

Опять звонит.

Открывается почтовый ящик, и я слышу, как она приседает и вглядывается, нет ли в коридоре каких признаков жизни.

Хорошо б было пофачиться прямо здесь, скоротать вечерок. Но не хочется, чтоб она думала, что мы гуляем.

Да к тому же завтра футбол.

Я так и не подошел и смотрю, как она выходит из подъезда и идет по дороге.

Судью на мыло

Я побежал на середину поля за длинной подачей от Кенни, принял мяч, но не смог его как следует обработать. Мяч уходит, и на него выскакивает этот «фетовец». Мы сталкиваемся, я удерживаюсь на ногах, а он валится на газон. Судья дает свисток и назначает мне фол.

Вот урод.

– Ты сработал шипами, сынок, у меня на поле так не пойдет, – визжит он, – ты понял?

Я отхожу. Мы были на равных. Мрачваген.

– Ты меня понял? – повторяет он.

Я уже хотел сказать, что мы были в одинаковой позиции, но нет, даже не буду разговаривать с таким мудилой. Эти уроды думают, что они крутые, а на самом деле они просто старые пердуны, у которых и друзей-то нормальных нет, им нравится понукать молодыми парнями. Знаете таких. На них просто не стоит обращать внимания, не говорить с ними, и все. Им это ох как не нравится. Наш Блэки из школы – такой же. Этот мудака вчера совсем с катушек съехал, что он нам, мне, Карлу и Голли, устроил. Если б его поймал Макдональд или Форбз, досталось бы ему, а не нам. Если б они вели себя так со своими сверстниками, им бы тут же по зубам надавали. Они в курсе и поэтому упражняются на таких, как мы, чтобы почувствовать себя сильными и умными.

Знаете таких.

Короче, судья снова дает свисток, матч окончен, мы сделали их, шесть очков в плюс, потому что Салви не играл до середины недели. В раздевалке быстро собираюсь, сегодня ведь «Хибз» играют с «Рейнджерами» и атмосфера ожидается отличная. Мы будем биться, если, конечно, никто не наложит в штанишки.

На выходе я встречаю своего брата Рэба с друзьями, шатающихся вокруг поля после игры. Этот здоровый Алекс совсем не похож на мальчика из средних классов. Сеттерингтон. Он вроде как двоюродный брат Мартину Джентльмену или типа того, это, видать, у них семейное, все таких размеров невыебанных. Они сейчас в том возрасте, когда думаешь, что ты крутой, а на самом деле ты просто пацаненок, малой. Хорошо, что я закончил средние классы как раз перед тем, как в них перешел Рэб. Иметь в школе младшего брата под боком. Позориться перед друзьями и девчонками, сдохнуть можно. На холод мне все это нужно.

– Так-с, – говорю.

Мелкий напялил на себя мою старую куртку. Да я ее, наверное, отдал. Ему она все равно велика, прям висит.

– Идешь вечером на футбол? – спрашивает.

– Не знаю, – говорю, а сам треплю его за отворот куртки. Она еще вполне себе ничего. Видать, подарил я ее по пьяни. – Ты че здесь, ворон пугаешь?

Его друзья заржали. Мелкие эти – дикари.

– Смешно, – говорит и указывает на карман моей куртки. – А почему же у тебя шарф из кармана торчит?

– Ну да... мы еще не решили, пойдем или нет. Я взял его так, на всякий случай. Слушай, мне нужно ехать прямо в центр, я встречаюсь с Терри, Карлом и малышом Голли. Не отнесешь домой мой рюкзак?

Рэб шуруется на солнце.

– Карл болеет за «Хартс», чего же он идет на «Хибз»?

Этот уродец просто мистер Вопрос. Всю дорогу «а почему» да «отчего».

– У него выходной. «Хартс» на выезде в Монтрозе или еще где-то играют в этой своей недолиге. Он не смог поехать, вот и идет с нами.

– Мы тоже пойдем, так-то, Рэб, – говорит Алекс Сеттерингтон и, повернувшись ко мне, спрашивает: – А вы будете махаться с чуваками из Глазго?

На это я сурово вперился в веснушчатое лицо молодого задиры. А этот щекастый стоит и лыбится на меня как ни в чем не бывало. Я взглянул на Рэба, потом опять на Сеттерингтона и увидел, как за ним по дороге идет Мэкки, а за ним увиваются Кейт Сайм и Доджи Уильсон, все только потому, что он забил тут парочку голов и числится среди претендентов на место в «Хибз». Я б никогда не стал лизать ему зад.

– А кто сказал, что мы собираемся биться на матче?

– Не знаю, так говорят, – отвечает Сеттерингтон, а сам улыбается, совсем забурел, молодой.

– Не стоит верить всему, что говорят.

– И где вы встречаетесь? – спрашивает Рэб.

– Тебе-то чего, – говорю и всучаю ему рюкзак, – просто отнеси это домой. Вы с отцом идете на матч?

Рэб покачивается на пятках, потом говорит:

– Может быть, точно не знаю.

Не пойдет ни с отцом, ни с кем другим, это стопудово. Так же точно ни отец, ни мама не знают, что он вообще ходит на футбол. Они не разрешили бы ему пойти ни на «Рейнджеров», ни на «Хартс», ни на «Селтик», ни на одну игру большого кубка. Я помню, как они и со мной такие же были, – вот был мрачваген. Но я не хочу позорить его перед друзьями и выдавать его не стану, но потом надо будет с ним переговорить.

Он смотрит на меня недовольный, что ему придется тащить мой рюкзак домой, поворачивается и уходит.

На автобусной остановке два пацана из команды «Фет». Смотрят на меня.

– Ну че, – говорю.

– Да ничего, – бросает один из них.

Другой просто кивает. Хорошо, что они не докапываются. Хорошо для них.

Медная проволока

Подошел автобус, и «фетовские» парни на него сели. «Фет» – странная команда, вроде должна быть хорошая, но играют мрачно. Тетушка на остановке говорит, что двадцать пятый только что прошел. Ничего, времени куча. Я стал думать о той ночи, о Дойле и его тусе. Надо,

чтоб Терри напомнил ему о нашей доле за проволоку. Прошло уже больше двух недель. Мы все рисковали, и рисковали не по-детски, когда перли эту проволоку. Этот упырь нам должен, и надо ему сказать. Ему и Джентльмену. Мне плевать, кто они такие.

Ночка была, конечно, безумная, там, на проволочном заводе, полный беспредел.

Интересно, что именно Карл стал подбивать всех стырить эти мотки и его-то на дело и не взяли. Если узнает – разобидится. Сам виноват: нечего при Терри язык распускать, если не хочешь, конечно, чтоб об этом узнали все. Я-то выучился этому на собственной шкуре. Конечно, Терри рассказал Дойлу, а потом вписал и меня.

– Я и ты, Билли, – сказал он. – Карл и Голли – наши друзья, но для таких, как Дозо Дойл и Джент, – они просто сопляки. Они не захотят вписывать их в тему.

Однако Терри сам так считал. Я подумал, ладно, пусть так, но мне все равно было не по себе, что Карла слили. Он был там со старым бакалейщиком, на которого работает. Они поехали в крантонский «кэш-энд-кэрри» закупаться продуктами для магазинчика. И вот там, на погрузочной площадке за стенами фабрики, которая видна еще с Шор-роуд, Карл увидел огромные мотки медной проволоки, просто брошенные под открытым небом.

Вот Терри и обратился к Дозо, просто потому, что его папаша – известный бандит, или жулик, или хер его знает, кто он там такой. Все зовут его Герцог. Уж не знаю, чего он там герцог, может, Обоссанных подъездов. Такие, как он, любят вообразить бог весть что, тот еще народец. Короче, на «Юнайтид уайр» было уже много сокращений, так что остался только костяк. Выяснилось, что одним из ночных сторожей там был старый Джим Пендер, который выпивал в «Улье». Конечно же, Терри принялся его обрабатывать, втираться в доверие к старому лоху. Он сказал Дозо, что уверен в честности Пендера, как в сорокавосемипенсовой монете, и что он готов вписаться с нами стырить эту проволоку. Это, конечно, был полный беспредел, потому что у бедного старикана и выбора-то не осталось, после того как Терри представил ему Дозо, Мартина Джентльмена и двоюродного брата Дозо громилу Брая. Старый лох пересрался, оказавшись промеж головорезов, а в случае Джентльмена еще и громил. Мрачваген полнейший, а что делать?

Вот тут-то Дойлы и стали всем заправлять; а мы с Терри – так, на подхвате. Дело в том, что вечерами на районе делать просто нечего, нужно ведь нам с чего-то прикалываться.

Итак, Дозо Дойл, криминальный авторитет нашего квартала (на которого так хочет походить обуревающий Терри), разработал план.

Въезд на площадку был только один – с улицы, и один выезд – на завод. Через Сильверноуз и Крамонд проезда не было, дорогу перекрыли газовщики из Грантона. Это означало, что единственный путь до добра лежал через прибрежную дорогу. Дойл знал, что копы в поисках несунув постоянно курсируют по ночам по этой дороге в районе промзоны Грантон.

Дойл решил, что мы должны оставить микрик на разгрузочной площадке на день. Машина простоит там весь день, а Пендер из своей сторожки присмотрит, чтоб ее никто не трогал. С неделю мы ждали, пока Пендер перейдет с дневной смены на ночную, чтобы получилась двойная смена. Тогда он все время будет на месте приглядывать за всем.

Была только одна серьезная проблема. Пендер сказал нам, что каждую ночь охранник оставляет там сторожевых собак. В сторожку на погрузочной площадке они, конечно, не заходили, но по плану Дойла выходило, что мы как раз там с ними и пересекаемся. Если собаки поднимут лай, Пендер должен, по идее, вызвать полицию. И это далеко не самое страшное: псы были злобные и натасканные на воров.

Дойл, однако, не дергался. Когда кто-нибудь поднимал этот вопрос, он запускал пятерню в свою шевелюру, черные пряди спадали на лоб, и говорил:

– Этих сучар мы возьмем на себя. Большинство сторожевых собак – ссыкуны. Больше лают, чем кусают. Отсюда поговорка и пошла.

Терри такой ответ не убеждал:

– Не знаю я, что с этими собаками...

– Оставь их нам, – улыбался Дойл и поглядывал на здорового Марти Джентльмена.

Охуевший громила отвечал таким взглядом, что об участии овчарок можно было только пожалеть. Я никого не боюсь, но схлестнусь лучше с двумя Дойлами, чем с одним Джентльменом. Какой он здоровый, это ж монстр, уродец. Пятнадцать лет? Куда там. У нас на районе золотое правило: завелся к Дойлу, будешь иметь дело с Джентльменом. И конечно, муило Дойл знает это не хуже других.

Брайан Дойл, двоюродный брат, поехал к Пендеру днем, чтобы оставить там белый «форд-транзит». Старикан провел их по местности, показал, где привязаны собаки и где навалены мотки медной проволоки.

Встретились мы в «Улье». Брайан Дойл вроде ничего чувак. Он был постарше нас, но даже он, казалось, был настороже со своим младшим братцем. Он предупредил нас, что проводочные мотки очень тяжелые и что хорошо, если мы сумеем оттащить до автобуса хотя бы пару.

Пендер, старый пень, оплывший, с нездоровым цветом лица, постоянно сосал свой ингалятор. Он ужасно нервничал, особенно из-за собак. Он никогда не выходил из сторожки и избегал всякого контакта с ними. Он ставил машину у крыльца и забегал в дверь. Но он слышал, как они бродят снаружи, а бывало, псы подпрыгивали и били лапами в окно, отчего несчастный, который сидел, вперившись в телик, обсирался чуть не до полусмерти.

– Великолепные особи, – говорил он Джентльмену и добавлял: – Но злобные, твари.

Еще в деле был один чувак по имени Маккарри, но все звали его Полмонт, потому что он ходил в тамошнюю исправительную школу. С этим чуваком была одна неприятная история. Когда он ходил в нашу школу, он пытался наехать на одного моего дружка – Артура Бреслина. Малыш Артур – хороший, безобидный пацан. Я осадил этого Полмонта, и он приссал. Это было сто лет назад, еще в первом классе, но такие вещи не забываются.

И вот я, Дозо, Дойл и этот Полмонт поехали ближе к ночи в Грантон, чтобы посмотреть на месте, как мы это обделаем. Мы потусовались возле местной забегаловки «Юбилей», потом встали на автобусную остановку и, жуя картошку, принялись рассматривать заводскую территорию.

Мне не понравилась большая табличка с силуэтом овчарки и надписью:

Внимание:
территория завода
охраняется сторожевыми собаками

– Забор пиздец какой высокий, – сказал Терри, – и дома напротив. Какой-нибудь шебутной пиздюк нас точно заметит, пенсионер какой-нибудь, которому не спится.

– Да, знаю, поэтому мы не будем через него перелезать, мы пройдем сквозь него, – сказал Дозо, пережевывая рыбу и провожая взглядом двух парней, которые зашли в ларек.

Мы с Терри наострили уши.

– У меня есть большие промышленные кусачки, такой возьмут, – он указал рукой на забор. – Здоровые, сука, всякие замки перекусывают, только двумя руками удержишь, – улыбнулся он, демонстрируя, как держать кусачки.

В этом упыре я совсем не был уверен, но хотя б посмеяться есть над чем. Хоть занятие какое от скуки.

– Ну, мы прокусим вот здесь, – он указал на секцию в ограде, – а эта херовина, – ткнул он в сторону большого серого навеса для автобуса, – прикроет нас и от домов, и от проезжающих тачек. Потом разберемся с собаками, ворвемся в офис и свяжем Пендера. Там даже может оказаться небольшой бонус в виде кассы. Знаю, он говорит, что там ничего нет, но я этому старому херу не верю. Затем погрузим проволоку в автобус. Мы перекусим цепь на нижних воротах и выедем прямо через них. Автобус могут увидеть другие охранники, но это может

быть сторож, у которого кончилась смена и он поехал домой: мы не должны вызывать больше подозрений, чем въезжающий вэн. Делов-то, как два пальца обоссать.

– Но все мы в автобус не влезем, – сказал Терри.

Дойл посмотрел на Терри, как на дебила. Я, помню, еще подумал, что ни от кого другого Терри бы такого взгляда не потерпел.

– Марти и Брай оба водят, – сказал Дойл нетерпеливо, как будто объяснял малым детям очевидное. – Мы возьмем вторую машину, поменьше, и припаркуем вон там, – он кивнул в сторону парковки. – Потом все встретимся на пляже в Галлейне.

Я посмотрел на Терри, чего он скажет.

– А почему в Галлейне? – спросил он.

– Потому, тупорылый ты осел, – и черные глазенки Дойла при этом выпучились, – что нам нужно сжечь пластиковую изоляцию, чтобы можно было толкнуть металл. И лучшего места, чем пустынный пляж, для этого не найти.

Терри медленно кивнул, выпятив нижнюю губу. Дойл явно произвел на него впечатление. Терри нравилось изображать из себя законничка, но у таких, как Дойл, это в крови. Они обтяпывают делишки уже не первое поколение.

Все прошло по плану. Если не считать выходки Дойла. Он зверствовал сверх меры.

Той ночью я зашел к Терри. Мы выпили банку пива в его спальне и послушали первый альбом «Клэш». Про «Полицейских и воров» – как раз в тему. Его мама бросала подозрительные взгляды, как будто что-то знала. Когда мы вышли, было одиннадцать. *Полицейские и воров, о йе-е-е...*

Мы встретились с Дозо и Брайаном Дойлом в забегаловке на Кроссе и отправились к Лонгстоуну за Джентльменом и Полмонтом. Этот парень о себе особо не распространяется. И мне это, в общем-то, нравится, я не люблю таких, что мелют языком всю дорогу. Как говорят – пустопорожняя болтовня? Посмотрите на политиков по телику – вот кто умеет базарить как надо. Всегда так было и будет. Зато вопросы решать они как надо не могут. А может, они просто не торопятся решать вопросы таких, как мы.

Туса в кузове, и мы едем в Грантон. Кругом – ни души. Только кучка пацанов возле забегаловки, которая уже давно закрылась. Простые местные пацаны, такие же, как мы, выпивают, шатаются от скуки по району, домой идти неохота. Дойл злобно зыркнул на них из вэна.

– Вот суки... пойду сейчас скажу им, чтоб съabyвали, – проворчал он и запустил пятерню в волосы. Когда он оттягивает челку, видно, что на лбу у него волосы растут треугольником, как у графа Дракулы.

– Они могут завестись, – сказал Брайан.

– Тогда мы их выебем, – сплюнул Дойл.

– Я приехал воровать, а не махать с какими-то чуваками, – сказал Брайан. – Стоит только начать, и все повывлезают: копы, мудаچه из дома напротив, вся туса.

Дойл уже собирался что-то сказать, но тут встрял Терри:

– Они, похоже, сваливают.

И действительно, парни расходились, но два чувака все никак не могли расстаться.

– Съabyвайте на хуй, на хуй, на хуй, – прошипел Дойл. – Так, – сказал он, после того как парни уже в сотый раз попрощались, – этим уродам хана, – и открыл переднюю дверь.

Брайан схватил его за плечо.

– Стоять, сука, мы приехали сюда дело делать.

Дозо Дойл взглянул на него, глаза искрят, желваки гуляют.

– Ты хочешь меня осадить, Брай? – спросил он, понизив голос.

– Нет... я просто сказал, что...

– Даже не пытайся меня осадить, – мягко сказал он и сплюнул сквозь зубы. – Ни одна сука меня не осадит! Понял?

Брайан молчит.

– Понял, что говорю! – прошипел Дозо.

– Я не пытаюсь тебя осадить, я просто хотел сказать, что мы сюда приехали дело делать.

– Отлично, – заулыбался Дозо и повернулся ко мне, как будто всю дорогу со мной разговаривал. – Ну, если ты не хотел меня осадить, – вроде как напел он.

– Всё, они съебали, – прорезался Терри, – давайте-ка уже покатимся, поваляться в вэне с кучей телочек я совсем не против, но не с вами, мудаками. Эта сука, – говорит, а сам смотрит на меня, – уже пустил шептуна. Ты грязный урод, Биррелл!

– Иди на хуй, – говорю, – собаки сперва свою сраку лижут. – Наглый, сука, этот Терри. Беспредел.

Дверь открылась, и мы выскочили из вэна уже с инструментом. У Дойла была длинная перчатка и такая штука из дорожного конуса, которую он надел на руку. Старую куртку он взял с собой. Пахнет она ужасно – тухлым мясом. И хоть на улице – никого, смотримся мы, должно быть, сильно. Шесть пацанов вылезают из вэна на Грантон-роуд посреди ночи. Полный беспредел: мы же, в сущности, не профессионалы – так, любители.

Хорошо еще, что мы так быстро почикали проволочную ограду – огромные кусачки раскусили ее на раз-два. Полмонт и Брайан остались в автобусе, на шухере. Мартин Джентльмен пролез первым, потом Терри, потом Дойл, потом я. Я дал знак Брайану и Полмонту, чтоб снимались.

Только мы пролезли, залаяла собака, и тут – выбегает, откуда ни возьмись, и прямо на нас! Пес, похоже, увидел, что нас много, и застыл в паре метров, наострив уши, будто вокруг нас силовое поле. Терри отпрыгнул и попятился. Полмонт сразу полез обратно в дырку в заборе. Дойл же пригнулся, принял боевую стойку, выставил руку в пластмассовой трубе. Пес попятился, прижал уши и отошел, рыча, на пару метров. Дойл зарычал на него в ответ и стал наступать, потряхивая защищенной рукой и волоча по земле старую куртку, как испанский матадор на плакате, который привезла мне тетя Лили из Испании. Он висит на стене у меня в спальне. Я уже давно хочу его снять, но мамаша ноет, что это подарок:

PLAZA DE TORRES

EL CORDOBES

BILLY BIRREL

– Сюда, сука... сейчас застонешь... ты думаешь, ты крутой... – разошелся Дойл.

И тут случилось нечто. Здоровый пес, еще больше прежнего, выбежал, перепрыгнул рычащую собаку и набросился прямо на Дойла. Тот выставил защищенную руку, и собака вцепилась в нее зубами. Я рванул на другого пса, тот отскочил, поджал хвост, прижался к земле и зарычал, раздувая ноздри. Дойл продолжал бороться с большой собакой, но к ним уже подошел Джентльмен, встал позади и повалился на нее всем телом. Пес взвизгнул и медленно распластался по земле под его тушей.

Терри подошел ко мне, мы взяли того, другого пса на себя.

– Че с этим-то делать? – говорит.

– Ничего, он уже обосрался, – говорю.

Я делаю шаг, и пес пятится.

Джентльмен все еще прижимает пса к земле, обхватив его морду обеими руками, а Дойл уже высвободил свою руку.

У Брайана бейсбольная бита, у меня и Терри тоже: и все мы уставились на нашего пса.

– Смотри за его пастью, – говорит Брайан. – У них только челюсти да зубы, толкнуть или ударить они не могут, могут только укусить. Давай, сучонок...

Полмонт вернулся и передал кусачки Дойлу. Джент лежит на собаке, сжимает ей челюсти своими ручищами и тянет голову назад, упершись в нее грудью. Дойл зажимает в кусачках

переднюю лапу, следуют страшный шелчок и приглушенный визг. Когда он оттяпал вторую лапу, неслышанный вой отозвался как эхо. Тут Джентльмен отпустил собаку, она попыталась встать, но взвизгнула и принялась подпрыгивать, будто танцует на углях, поскуливая, прихрамывая, заваливаясь. Однако пес все еще порывается и, отталкиваясь задними лапами, пытается добраться до Дойла.

– Борзый, сука, – сказал Дойл и заехал ему со всей дури сапогом по морде. После чего он пару раз прыгнул псу на грудь, и тут уже рык сменился жалобным воем и стало понятно, что пес сломался.

Джентльмен быстро заматывает песью морду широким коричневым скотчем, какой используют при переезде, чтобы паковать вещи и все такое, и то же самое проделывает с задними ногами.

Дойл подбежал к нам и второй собаке, бросил в нее свою куртку, и сучий пес схватил ее зубами. Пока он не отпустил ее, мы все рванули и давай пинать его, сбили с ног, и я прижал ботинком его голову к мягкой траве. Терри дрожит как осиновый лист и держит пса с Брайаном, в то время как Полмонт фигабит ему в бок, отчего пес изгибается и чуть не вырывается из моего зажима.

– Не пинай, держи его! – прикрикнул я на урода, и он пригнулся и прижал пса.

Полмонт встает и пинает второго пса в живот. Тот взвыл, и из его ноздри выдулся большой пузырь.

– Сука заслуживает смерти, – сказал он.

Подожел Джентльмен, перевернул пса на спину и накрепко связал ему пасть, передние и задние лапы.

– Мы еще с вами не закончили, – улыбнулся Дозо, и мы ушли в темноту, оставив беспомощных псов валяться в грязи.

Чем дальше от забора, тем больше трава под ногами пропитана грязевой жижей.

– С-с-сука. – Влага стала просачиваться в мои кеды.

– Тссс, – прошептал Терри, – мы почти пришли.

Темень, хоть глаз выколи. Увидев свет в окне сторожки у подножия холма, я почувствовал облегчение. Ближе к берегу спуск становился круче и вел к парковке на прибрежном шоссе. Вдруг кто-то закричал. Я весь напрягся, но зря – это всего лишь Полмонт сверзился. Джентльмен молча одним рывком поставил урода на ноги.

Мы еще немного прохлюпали по грязи, и когда добрались до бетонной погрузочной площадки, ноги уже промокли наскрозь. И все равно мне прикольно, мы как в фильме про Бонда или про командос, атакующих штаб противника.

Мы подходим к сторожке, а Пендер не пускает Дойла.

– Открой, сука, дверь, старый мудила! – кричит он в окно.

– Не могу, если я вас пушу, они поймут, что я с вами заодно, – заныл Пендер.

Джентльмен отошел, разбежался и в два удара вышиб дверь.

– Точно, лучше, будто мы сами сюда ворвались.

– Здесь вам делать нечего, – занудил Пендер, пересравшись. – То, за чем вы пришли, – на улице!

Однако Джентльмен уже зашел и осматривается, как Лёрч из «Семейки Аддамс». Полмонт сбросил со стола кипу бумаг и пытается вырвать телефон из розетки, как в кино, только вот он дергает раз, два, а провод не поддается. Джентльмен покачал головой, вырвал провод у него из рук и выдернул с корнем.

Терри принялся за шкафы. Тут старина Пендер залупился.

– Терри, не надо, оставь мои книги в покое!

– Нам придется тебя связать, вот что, – сказал Дойл, – чтоб уж никаких подозрений.

Старикашка понял, что тот не шутит, и у него чуть припадок от страха не сделался.

– Нет, мне нельзя... у меня больное сердце, – заныл он, а Полмонт, гондон, оскалился. Я решил вступить за старика, его уже запугали до смерти.

– Да оставь ты его, – говорю.

Дойл медленно на меня обернулся, за ним Джент. Даже Терри прервал свой обыск и, положив мне руку на плечо, сказал:

– Да никто старика Джима не тронет, мы это делаем, чтоб его потом не дергали. Если мы его так оставим, будет понятно, что он с нами заодно. – Сказал и повернулся к Пендеру: – Мы свяжем тебя после того, как все сделаем, а охранники найдут тебя, когда придут забирать собак.

– Но дверь-то сломана... собаки могут наброситься на меня...

Мы дружно рассмеялись.

– Не, собаки сюда не доберутся.

Терри снова посмотрел на Пендера:

– Так, значит, налика здесь нету, а, Джим?

– Нет, здесь нет. Это ж просто складской офис, да здесь уже никто и не работает...

Терри и Дойл вроде как смирились с этим. Терри засек мои кеды и грязные следы, идущие через парковку и по всему офису.

– Что я говорил тебе о подходящей обуви, Биррелл, обуви, которая нужна для работы? Ты же не станешь играть в футбол в тапочках, верно? – начал он своим менторским тоном, какой они с Карлом так любят.

Дойл стал ржать, и этот мудака Полмонт туда же. У всех чуваков на ногах ботинки, и только у меня – кеды, и я стою как осел. Сука, беспредел. Помню, мне очень не понравилось, что Терри так оборзел, всё, чтобы перед Дойлом выебнуться. Продолжил бы в том же духе, получил бы по ебалу.

Но мы таки пробрались. Справились, и это главное.

Джентльмен и Брайан принялись за большие мотки, и нам удалось затащить их в «форд-транзит». Мы откусили несколько кругов от третьего мотка и тоже погрузили. Потом Джент взялся за цепь на воротах. Кусачки все в собачьей крови. Ворота открылись, но перед тем, как линять, мы завели старину Джима в сторожку.

Старый хрен, бедняга, в шоке. Мы привязываем его скотчем к стулу. По его виду понятно, что не было такого уговора, когда он сидел в «Улье» и Дойл с Терри проставляли его пивком. Нарвался, бедняга, на беспредел. Он все бредит, рассказывает о всех, кто здесь до него работал, сколько их было, откуда они родом и все в том же духе.

– Ну что ж, Пендер, – говорит Дойл, – все эти люди уже слились, как и медная проволока! Верно, парни?

Мы все кивнули, а Терри и Полмонт чуть животы не надорвали от смеха.

Полмонт взял бейсбольную битую и стал вертеть ее, как мастер кунфу, медленно продвигаясь к старине Джиму:

– Сделаем, чтоб все было реалистично, Пендер, будто ты бросился на врага, как гребанный герой...

Я схватил мудилу за руку, и Джентльмен тоже дернулся, надо отдать ему должное.

– А хочешь, тебя этой битой по репе? – говорю.

– Да я же пошутил, – говорит.

Пиздит, сука. Довольно было тени одобрения с нашей стороны, и голова Пендера раскололась бы, как орех. Дозо посмотрел на меня, как будто собираясь что-то сказать, потом на Полмонта, типа, не суйся, куда не просят. Видно было, что этот мудака поставил его в неловкое положение.

– Джим, – сказал он Пендеру, – когда придут охранники, если они спросят, где собаки, просто скажи, что они сбежали.

– Но... но... как они могли сбежать?

- Да через дырку, которую мы проделали в гребаном заборе, чучело, – объяснил Дойл.
- Но они-то там лежат связанные, – сказал Брайан, указывая на верхнюю дорогу.
- Ну да, лежат пока, – подмигнул Дойл.

Когда мы пошли обратно, я понял, на что он намекал. Терри, Брайан и Полмонт поехали прямо через ворота, по прибрежному шоссе, груженные проволокой. Это был самый рискованный путь, однако мне, Джентльмену и Дойлу тоже не в кайф: мы пошли обратно через темень и грязь. Собаки были на месте, все пытались вырваться, у той злобной культи сильно кро-
воточили. Через скотч пробивалось их стихающее повизгивание.

Дойл склонился над раненой овчаркой и потрепал ее, как бы утешая.

– Ну что, мальчик. Что за суматоха, – заворковал он и, имитируя детский лепет, повторил: – Што жа шуматоха.

Потом подошел Джентльмен, и они за руки за ноги протащили пса через дыру в заборе. Джент припарковал белый «форд» и, чтобы открыть заднюю дверь, отпустил свой конец собаки. Потом они закинули собаку в багажник, и, ударившись об пол, она завывала от боли.

Я подождал, пока они сходят за вторым псом, которого Джент держал за ошейник, чтобы не тягать за обрезанные передние лапы, а Дойл за задние. Он отправился туда же, куда и первый.

Мне это все не нравилось. Что меня взбесило, так это то, что никто мне не сказал, что за хуйня тут происходит с этими собаками.

– Че за хуйня? – спрашиваю. – Это ж беспредел. Что вы задумали?

– Заложники, старик, – подмигнул Дойл и засмеялся вслед за Джентом, который аж пополам согнулся. Смеющийся Джентльмен – зрелище не для слабонервных, настоящий маньяк-убийца с бензопилой. Дойла понесло: – Эти суки слишком много знают. Они могут нас всех сдать. Копам достаточно будет вписать в дело какого-нибудь доктора Дулитла,¹¹ и все – нам хана. Да ладно, Биррелл, садись спереди с Марти, а я составлю компанию своим ребятам сзади.

Я сел, а Джентльмен мне и говорит:

– Мне восточноевропейские овчарки никогда не нравились. Этой собаке нельзя доверять. Если б я хотел завести собаку, взял бы пограничную колли.

Я молчу, а Дойл все не понимает.

– Это не восточноевропейские, а немецкие овчарки, так? – промурлыкал он и загоготал. – Гребаные ссыкуны, ротвейлер или питбуль так просто не дался бы.

У него был спид, и он решил поделиться. Я лизнул совсем немножко, и то чтобы школу не проспять, а большая часть содержимого фольги осталась на большущих влажных пальцах Джентльмена. Мы катились, довольные такие, по Галлейн-роуд, и только Дойл портил картину своими нездоровыми шуточками по поводу собак. Он, конечно, псих. По мне, так у него точно не все дома.

– А знаете, в африканских племенах, бля нах, – говорил он, и челюсти у него ходили ходуном, а глаза вылезали из орбит, – считается, что если ты кого-то убил, его сила переходит к тебе. Такой охотничий приблуд. Значит, нам достанется сила этих собак! Как мы их мощно захуячили!

Джентльмен молча смотрел на дорогу, он вел. У меня в голове все крутилась эта тема, «Полицейские и воры». От Джента Дойл реакции и не ждал, поэтому обращался исключительно ко мне, что мне совсем не нравилось.

– Ты четкий парень, Биррелл, лишнего не скажешь, прям как Марти. Языком ты не мелешь, но припечатать можешь как надо. И на пиздеже тебя тоже никто не ловил. Совсем другое дело Лоусон. Я знаю – вы друзья, он мне и самому нравится, но, пойми меня правильно,

¹¹ Доктор, понимавший язык животных, из выпущенного в 1920-х гг. цикла сказок шотландского писателя Хью Лофтинга («Айболит» К. Чуковского – их частичное переложение).

он – пиздун-самоучка. А как зовут вашего мелкого друга, того, что распорол руку какому-то чуваку в школе?

– Голли, – говорю. И не то чтоб распорол. Просто малыш показал одному обуревавшему, что к чему. Все так преувеличивают.

– Ну да, Голли. Он вроде пизденый хороший. Борзый такой. Я как-то раз видел его на футболе. Через пару недель «Хибз» играют с «Рейнджерами» на Истер-роуд. Надо всем собраться и сходить всей тусой с района, ну и кто поборзее – с нами. Я знаю пацанов из Лейта. Круто было бы собрать несколько четких чуваков и помахаться с парнями из Глазго.

– Я впишусь, – говорю, потому что это, конечно же, будет круто. Нужно же как-то развлекаться, иначе жить становится скучновато.

Джентльмен молча ведет машину и передает мне жвачку.

Дозо принялся рассказывать анекдоты.

– А что говорят в Глазго, если видят, как два упоротых чувака дерутся на ножах? – спрашивает он и подмигивает Дженту: – Не говори, Марти.

– Не знаю, – говорю.

– За душу берут. – Дойл громко рассмеялся и, подняв голову одной из собак, посмотрел ей в глаза. – За душу берут! Неплохо, а? Просто о-ху-иительно...

Когда мы приехали в Галлэйн и встретились с остальными, я даже почувствовал облегчение. Они разгружали медную проволоку, и Терри с Полмонтом как раз катили один моток к пляжу.

Они аж присели, когда мы выпихнули собак и протащили их, визжащих, через всю парковку. Одна из них – думаю, та, с пораненными ногами – засрала и зассала весь вэн. Дойл был в бешенстве.

– Ты умрешь, грязная скотина, – проскрежетал он, нависнув над ней. Тут он внезапно переменился, превратившись в Барбару Вудхаус,¹² и заголосил: – Неряяха!

Как только мы уложили мотки, Дойл смочил их керосином и поджег. Сначала занялась деревянная катушка, а потом пластик стал плавиться, и вдруг вспыхнуло и засверкало высокое пламя, и медь стала проступать. Ядовитые испарения наполнили воздух, мы отошли и встали по ветру, все, кроме Полмонта, которому как будто было пофиг. Пламя стало зеленоватым – потрясающее зрелище, хоть всю ночь смотри. Это как в школе, когда нам показывали горелку Бунзена и говорили, что синяя составляющая пламени – холодная. Казалось, войдешь в этот зеленый огонь – и окажешься в сказке. Я старался не думать об усталости, которая проступала даже через спид и возбуждение, о школе поутру и о том, что скажет матушка, когда я вернусь крадучись домой.

Потом Дойл пошел к машине, принес длинную веревку, на каких развешивают белье, сделал петлю на ошейнике первой собаки, потом второй и перекинул другой конец через крепкую ветку на дереве. Он потянул, тушки приподнялись, Полмонт и Джентльмен принялись ему помогать. Псы забились, лишенные воздуха, а Полмонт схватил битку и ебнул одного со всей силы. Терри хоть и покачивал головой, лицо его растянулось в широкой улыбке. Дойл схватил канистру керосина. Мне было противно, но в то же время интересно, мне довольно часто приходила в голову мысль, каково это – смотреть, как сжигают живое существо. Когда он плеснул на собак керосина, обе дернулись. Он схватил одну за пасть и грубо резанул своим «стэнли» по скотчу. Брызнула кровь – прорезав пленку, нож добрался до десны.

– Послушаем, как эти суки горло дерут, – заржал он, приступая ко второй.

Собаки, задыхаясь, дергались и выли. Брайан, до сих пор молчавший, вышел и сказал:

– Все, хватит, наигрались.

¹² Барбара Вудхаус (1910–1988) прославилась как ведущая английской телепрограммы об обучении собак, выходившей с 1980 г.

Дозо направился к своему кузену, подняв руки вверх, будто сдается. Подойдя, он вдарил лбом ему по носу. Послышался треск, кровь потекла струей. Удар четкий, отточенный. Брайан закрыл лицо руками. Через пальцы виднелись только его глаза, в которых читался страх и шок. Понятно было, что о сдаче не может быть и речи.

– Тебе достаточно, Брай? Хватило? – Он вышагивал вокруг братца по парковке, потом снова направился к нему.

Терри отвернулся и стал смотреть в морскую даль, как будто не желая быть свидетелем. Я взглянул на Джентльмена.

– Все в порядке? – сказал тот преспокойненько.

– Да не, все путем, – отвечаю.

– Ты-то ничего против не имеешь, Биррелл, – улыбнулся Дойл, поглядывая на собак.

Одна уже даже не бьется. Глаза открыты, она все еще дышит, просто повиснув на ошейнике. Связанная, облитая керосином, она как будто слишком слаба, чтобы продолжать бороться. Вторая, с ранеными лапами, все еще брыкается. Одна нога повисла, вся искореженная. Теперь уже смерть для них – наилучший исход. Таких уже никто не возьмет, все равно усыпят или отправят на живодерню.

Я просто пожал плечами. Никто не может остановить Дойла. Он уже все решил. А кто попытается ему помешать, рискует последовать за собачками.

– Терри? – не унимается Дозо.

– Если ты не продолжишь, я обращусь в Международный суд в Гааге, – сказал тот, улыбаясь и приглаживая мелким бесом вьющиеся волосы.

Это, однако, полный беспредел. Просто пиздец какой-то. Брайан сидит на песке, все еще держась за свой нос. Дойл обернулся к нему и тычет в него пальцем.

– Не забываете, что вы здесь с нами. Потому что *мы* эту тему разрушили! Не забываете. И не надо говорить нам, что делать, а что нет. И не думайте, что можете просто заявиться и командовать тут!

Дойл поджег собаку. Потом другую. Пока их охватывало пламя, они кричали и дергались. Долго смотреть я не смог, отвернулся против ветра и стал смотреть на пустынный пляж. Тут что-то шлепнулось. Должно быть, веревка пропиталась керосином, зажглась и лопнула. Одна собака упала, попыталась подняться и отползти по песку к морю. Это была та, борзая, с перебитыми ногами, так что далеко она не ушла.

Другая издала тихий вопль и перестала биться, и когда веревка лопнула, она упала и лежала уже неподвижно.

– Какой пикник обойдется без гребаных хот-догов, – сострил Терри, но вид у него был далеко не довольный.

И тут он, Полмонт и Дойл заржали как сумасшедшие, истерическим таким смехом. Я и Джентльмен молчали, молчал и Брайан.

Потом по дороге домой мы с Терри договорились никому не говорить о том, что произошло этой ночью. В школу я так и не пошел. Когда мама спросила, где я был, я просто ответил, что ходил к Терри. Она закатила глаза. Я заставил Рэба подтвердить, что я вернулся раньше, чем на самом деле. Он вообще нормальный пацан, наш Рэб.

Какое-то время собаки не выходили у меня их головы. Стыдно. Псы – безжалостные убийцы, это да. Их так натаскивают. Но вытворять такое с собакой – это свинство. Убить тварь – да, это по-честному. Но то, что устроил Дойл, показывает, что у него не все в порядке с головой. Да, Дойл, конечно, ух. Я решил держаться от него подальше и уже жалел, что мы договорились идти вместе на футбол. На самом деле этот урод мне никогда не нравился. Не говоря уже об этом ссыкуне и подлипале Полмонте. О Джентльмене я мало чего знаю. Лично мне он ничего такого не сделал, но на пару с Дойлом они, сука, крутые, как козий кал.

Я че-то размечтался, бля, а автобус мой пришел. Я не собираюсь воевать с таким беспредельщиком, как Дойл, из-за нескольких фунтов за медную проволоку, но все равно ему будет сказано.

Сажусь в автобус и забираюсь наверх. Денек складывается неплохой. Когда мы проезжаем по Принцесс-стрит, со второго этажа открывается отличный вид на замок. Пробки, правда, пиздец. Тут понимаешь, почему люди из Глазго так недовольны Эдинбургом, ведь у них нет ни такого замка, ни садов, ни магазинов, ничего такого. В Эдинбурге, говорят, трущобы, и это правда, только вот Глазго – это *сплошные* трущобы, в этом-то и разница. Они как кочевники. Беспредельщики вроде Дойла здесь выделяются как паршивые овцы, в Глазго они затерялись бы в толпе себе подобных.

Ронни Алисон из боксерского клуба сел в автобус. Я отвернулся, но он меня заметил, подошел и сел рядом. Он сразу засек шарф «Хибз», свисающий из моего кармана.

– Так-так.

– Ронни...

Он кивает на шарф.

– Чем торчать на трибунах, ты бы лучше в боксерском клубе позанимался. Я как раз туда сейчас еду.

– Ну да, ты так говоришь, потому что сам – «джем-тарт», – отшучиваюсь я.

Ронни качает головой.

– Нет. Послушай, Билли, ты играешь в футбол, и тебе нравится его смотреть, и все такое. Но твое настоящее призвание – это бокс. Заруби себе на носу.

Может быть.

– Да у тебя боксерский талант, сынок. Не закапывай его.

Я хочу играть в футбол. За «Хибз». Чтобы выйти в форме на Истер-роуд. Алану Мэкки это и не снилось. Его просто не заметят. Слишком цветастый, пиздобол.

– Мне выходить, Ронни, – говорю я и встаю, заставив его подняться, чтобы пропустить меня.

Он смотрит на меня, как тот актер из «Перекрестка», там, где ты думаешь, что фильм уже кончился, а они еще выдают шуточку.

– Запомни, что я тебе говорю.

– Увидимся, Ронни, – поворачиваясь и скатываясь по лестнице к выходу.

Это, конечно, не моя остановка, и лучше б мне проехать до следующей, но хочется побыть одному. С таким движением по Принцесс-стрит я с тем же успехом дойду до Уимпи пешком.

Эндрю Гэллоуэй

Опоздание

В каком-то смысле это Каролин Уркхарт виновата в том, что мы опоздали. Вчера на переключке она была в коричневой мини с пуговками по краям и в лосинах с прошитыми дырочками по внешней и внутренней стороне ноги. Именно об этом я и думал, когда мама растолкала меня, поставив чай и тосты.

– Пошевеливайся, Эндрю, ребята зайдут за тобой с минуты на минуту, – как обычно, сказала она.

Чай совсем остыл, потому что я все думал, что если б эти ее дырочки на лосинах шли по всей внутренней стороне, то одна должна быть там, где пихва, а если бы на ней не было трусиков, то мне всего-то нужно было бы задрать юбку и вставить свой перец и трахнуть ее прямо за партой на английском, и никто бы ничего не увидел и не услышал, как в кино или во сне, все просто уставились бы на доску, и я достаю носок, который держу под матрасом, и натягиваю его на упругий хер, а у Каролин подведены глаза, и накрашены губы, и строгое лицо с миной превосходства, как тогда, когда мы катались на великах по Колинтон-Дейл и видели ее идущей за руку с этим здоровым засранцем, счастливчик, ему, наверное, за тридцать или около того, но теперь-то она со мной и ей это нравится, она хочет и...

...уф-ф-ф...

...сяк... сяк... сяк...

...все, носок снова полон.

Еще минуту я прихожу в себя. У меня в ухе сережка со вчерашнего вечера. Я надел ее в клубе, когда играл в настольный теннис. В пятницу, однако, я не забыл ее снять, потому что мисс Дрю сразу отправляет к этому уроду Блэки, если видит тебя с серьгой в школе. Вытягиваю слаксы (мудила запретил носить «левиса»), шузы на шнуровке, синюю тенниску «Фред Перри» и желтую с черным бейсбольную куртку на молнии.

Быстро заглатываю чай и бегу умыться. Лошбаны – Билли и Карл – уже подходят к двери, я слышу. Мама снова стонет, и я плескаюсь на скорую руку – лицо, подмышки, яйцы, срака – и натягиваю кишки, дожевывая тост.

– Скорее, сынок! – кричит она.

Я заглянул в шкаф возле кровати, проверил, на месте ли ножик. Вспоминаю, как я достал его и давай тыкать в этого чувака, порезал постер «Джем», все такое. Мне немного даже жаль, плакат был хороший, да и чувак этот нормальный. Из «Джема» чуваки круто одеваются, это да. Английские пидора все равно.

Не могу удержаться и беру клинок в руки. В ту пятницу меня подмывало взять его в школу, но лишних проблем наживать совсем не хочется. Запихиваю обратно в шкаф. Мама опять кричит. Я ломанулся по лестнице и чуть не споткнулся о собаку, которая лежала на ступеньках и даже не пошевелилась.

– Съеби отсюда, Кропли! – заорал я, он вскочил, мы выбежали из подъезда и двинулись по улице.

Билли был не в духе, но поначалу отмалчивался. Мы перешли дорогу с разделительным бортиком.

– Почему ты заставляешь всех ждать, – запиздел на меня Карл, но ему-то по большому счету насрать на опоздание, он просто хотел подзавести Биррелла.

– Понимаешь, если Блэки дежурит... – начал Билли, покусывая нижнюю губу.

– По пятницам Блэки никогда не дежурит! Он дежурил вчера и поймал Дейви Лесли, – говорю.

Стояло лето, но утро было унылое, и похоже было, что собирается брызнуть. Идти нам было не то чтоб очень далеко, и все равно я вспотел как свинья, так быстро мы хуячили.

Только мы перешли через объездную дорогу, как раздался гудок. Мы оглянулись и увидели грузовичок развозки соков. Терри сидел рядом с водителем, и его кудрявая копна высывалась из окна.

– Поторапливайтесь, мальчики, а не то опоздаете в школу! – завыл он высоким надменным голосом.

Мы отсалютовали ему.

– Не забудь про завтрашнюю игру! – прокричал Билли.

Терри показал фак, высунув руку в окно.

Предвкушение завтрашнего дня развеселило нас, и мы хихикали всю оставшуюся дорогу к школе. Завтра суббота! Круто!

Когда мы пришли в школу, дежурным таки оказался Блэки. Мы разглядели его, притаившись за живой изгородью, идущей вдоль школьного забора. Сучара, стоял там на крыльце, руки сцеплены за спиной. Билли не смог удержаться и вытолкнул Карла из-за кустов, Карл запрыгнул обратно, но гондон нас засек и прокричал:

– Ребята! Я вас вижу! Идите сюда! Карл Юарт! Ко мне!

Карл оглянулся на нас и вышел такой весь запуганный, раболепный, как пес, который сбежал, гонялся за сучками черт знает сколько и вот наконец вернулся. Я знаю, каково ему сейчас, бедняжке, надеюсь, ему повезет больше, чем мне!

– Остальные! Я знаю, Карл не один! Выходите, иначе вас ждут серьезные проблемы!

Мы с Билли переглянулись и пожали плечами. Нам ничего не оставалось, как только войти в школьные ворота и, миновав бетонную игровую площадку, подруть к дверям, где стоял этот гондон, прямо Гитлер гребаный. Не просто гондон, гондон штопанный, со своими усиками и очочками. Слава яйцам, я не забыл вынуть серьгу из уха.

– Я не потерплю опозданий, – начал Блэки и посмотрел на Карла. Мистер Юарт. Я мог бы догадаться. Потом он уставился на меня, как будто стараясь припомнить, потом на Билли. – А это Биррелл, не так ли?

– Ну дык, – ответил Билли.

– Ну дык? Ну дык? – почти завизжал он, стуча себе пальцем по голове. Казалось, будто кто-то схватил его за кокосы. – Вынь это свое «ну дык» из головы, глупый мальчишка! Здесь мы разговариваем на королевском английском. На каком языке мы говорим?

– На королевском английском, – сказал Билли.

– В самом деле?

– Да.

– Да, что?

– Да, сэр.

– Так-то лучше. Так, заходите все, – скомандовал Блэки, и мы пошли за ним через холл по коридору.

Дойдя до двери своего кабинета, он остановил нас, крепко схватив меня за плечо. Он посмотрел на Билли и начал:

– Биррелл. Биррелл, Биррелл, Биррелл, Биррелл, Биррелл. Спортсмен, не так ли?

– М... да, сэр.

– Футбол. Бокс, все верно. Футболист и боксер, не так ли, мистер Биррелл? – спрашивает, а сам все впивается мне в плечо своими пальцами.

– Да, сэр.

Блэки оглядел Билли с неподдельной грустью в глазах и отпустил мое плечо.

– Как это печально. Ты прежде других должен быть лидером, показывать положительный пример, Биррелл, – сказал Блэки и зыркнул на нас с Карлом, как будто мы – дерьмо собачье. Потом снова посмотрел на Билли, который уставился в пустоту прямо перед собой. – Лидерство. Спорт, Биррелл. Спорт и время – понятия неразделимые. Сколько длится футбольный матч?

– Девяносто минут... сэр.

– А раунд в боксерском поединке?

– Три минуты, сэр.

– Верно. Так вот, школа также работает по часам. Во сколько начинается переключка?

– В восемь пятьдесят, сэр.

– В восемь пятьдесят, мистер Биррелл, – говорит и поворачивается к Карлу: – В восемь пятьдесят, мистер Юарт. – Тут он посмотрел на меня. – Как тебя зовут, мальчик?

– Эндрю Гэллоуэй, сэр, – говорю.

Головойка, которую задал нам сучара Блэки, – убийственное зрелище: мимо проходят чуваки из других классов, девчонки, и все смеются над нами.

– Скажите «сэр» по буквам, будьте так добры, мистер Гэллоуэй.

– М... – начал я.

– Неверно! В слове «сэр» нет буквы «м».

– С-Э-Р.

– Верно. С-Э-Р, а не С-Е-Р, – говорит. – Эндрю Гэллоуэй... – Он посмотрел на свои часы. – Итак, мистер Гэллоуэй, переключка, как утверждают ваши товарищи, начинается в восемь пятьдесят. Не в восемь пятьдесят одну. – Тут он сунул мне часы прямо под нос и постучал по ним. – И уж точно не в шесть минут десятого.

В какой-то момент я подумал, что он нас отпустит и не станет наказывать плеткой, уж так он распинался, так развыступался. Нужно было, чтобы кто-нибудь из нас сказал «простите, сэр» или что-нибудь в этом роде, он прямо-таки ждал, что мы что-нибудь скажем. Но нет, мы ничего такого не сказали этому гондону. Ему пришлось препроводить нас в свой кабинет. На столе лежит плетка, и это первое, что я вижу. Кишки у меня скрутило.

Блэки хлопнул в ладоши и потерял их. Его синий пиджак был запачкан мелом. Мы стояли в ряд у стенок. Я положил руки на радиатор за спиной, чтобы прогреть их перед экзекуцией. Блэки хлещет больно. Его плетка считается самой злобной после трудовика Брюса и, наверное, Мастертона, физика, хотя Карл утверждает, что от Блэки он получал пожесть, чем от Мастертона.

– Наше общество основано на ответственности. А один из краеугольных камней ответственности – это пунктуальность. Тот, кто опаздывает, никогда ничего не достигнет, – сказал он и посмотрел на Билли, – ни в спорте, ни на каком другом поприще. Школа, где допускаются опоздания, – школа плохая по определению. А плохая школа – заведение, не способное подготовить своих учеников к жизни и трудовой деятельности.

Карл собрался что-то сказать. Он всегда знает, что сказать, надо отдать ему должное. Он вроде как колебался, готовил реплику. Тогда Блэки вытянул шею, выпучил глаза и посмотрел на него.

– Ты что-то имеешь сказать, Юарт? Давай же, говори!

– Пожалуйста, сэр, – начал Карл, – дело в том, что сейчас и работать-то особо негде. Например, у моего отца на работе, на заводе «Ферранти», недавно были большие сокращения.

Блэки посмотрел на Карла с нескрываемым отвращением. Наступил гондону очкастому на большую мозоль. Видно, что он таких, как мы, за говно не считает. Тут и я вступил.

– На «Юнайтид уайр» тоже много народа сократили, сэр. А «Бартон бисквитс» пошли с молотка.

– Молчать! – рявкнул Блэки. – Будешь говорить, когда тебя спросят, Гэллоуэй! Наглый мальчишка, – сказал он и оглядел нас с ног до головы, как солдат на плацу. – Для тех, кто готов трудиться, всегда найдется работа. Всегда так было, и всегда будет так. Бездельники и тунеядцы, с другой стороны, всегда найдут оправдание своей праздности и лени.

Забавно, что, когда он заговорил о праздности и лени, я вспомнил о Терри. Ведь он, пожалуй, единственный из всех, кого я знаю, работает, пусть и на развозке фруктовых вод. Я старался не смотреть на Карла и Билли, потому что ясно было, что Карл вот-вот начнет давиться от смеха. Это было ясно как день. Я и сам еле сдерживался. Я уставился в пол.

– Что бы было... – завел Блэки, прохаживаясь взад-вперед. Он лениво поглядел в окно, а подойдя к столу, взял плетку и помахал ею. – Если б Иисус опоздал на Тайную вечерю.

– Ему бы жрачки не досталось, – процедил Карл уголком рта.

Блэки разорвало:

– ЧТО-О-О? Кто... кто это сказал... вы... вы... вы... животные!

Глаза его выкатились из орбит, как у чуваков из мультиков, когда они видят привидение, ну, как в «Каспере». И давай гоняться за нами вокруг стола, размахивая гребаной розгой. Это было похоже на финал шоу Бенни Хилла,¹³ мы все гоготали как ебанутые. Хотя и приссали мы, но смеялись все равно. Но тут он поймал Карла и давай его лупить. Карл закрыл лицо, но Блэки уже совсем очумел. Билли вскочил и схватил Блэки за кисть.

– Отпусти меня, Биррелл! Убери свою руку, глупый мальчишка!

– Так бить учеников не положено, – стоял на своем Билли.

Блэки уставился на Билли, потом опустил руки, и Билли его отпустил.

– Руки вперед, Биррелл.

Билли посмотрел на него, а тот:

– Живо!

Билли вытянул руки. Блэки выдал ему три удара, но не слишком сильных. Билли даже не поморщился. Потом он проделывает то же со мной. Карлу, однако, не досталось. Он потирает ногу, где его достала Блэкина плетка.

– Молодцы, ребята. Вынесли наказание, как подобает мужчинам, – нервно промямлил он. Сучара сообразил, что нафордыбачил. Он кивнул в сторону двери. На выходе мы слышали, как он сказал: – Так вынес бы это Иисус.

И вот мы выскочили из кабинета и понеслись на переключку, пока нас снова не запасли. Наверху первая, кого я увидел, была Каролин Уркхарт, которая выходила с переключки. Теперь на ней не коричневая мини, а длинная черная облегающая юбка. Я смотрел, как они с Эмми Коннор идут по коридору.

– Телочки, – облизнулся Биррелл.

Мисс Дрю взглянула на нас и поставила галочки против наших имен в журнале. Я показал ей большой палец, и мы разбежались по классам.

Спортивная жизнь

Первая толпа вышла со станции Уэйверли. Мы сидели в кафе «Уэмбли» возле стадиона, без флагов, только Билли вытащил шарф и, надевая его, устроил целое представление. Карл болел за «Джамбо», так что ему было все равно, но ни я, ни Терри шарфов не надели.

– Сними шарф, Билли, эти гондоны через минуту будут здесь, – сказал я.

– Отъебись, зассыха. Пидоров из Глазго мне бояться нечего.

Биррелл готов был все испортить. Мы так не договаривались. Я посмотрел на Терри.

¹³ Бенни Хилл (Альфред Готорн Хилл, 1924–1992) – английский комик, в 1955–1989 гг. вел популярную телепрограмму «Шоу Бенни Хилла».

– Мы же договаривались, Билли, – сказал Терри. – Эти мудаки берут количеством. Один на один они трусливые упыри и на поединок никогда не идут.

– Так везде принято, – сказал Карл, – вот, например, парни из Вест-Хэма, мой двоюродный брат и его друзья повстречали их после «Уэмбли». Они рассказывали, что на выездах в Ньюкасл или Манчестер они никогда не вытаскивают флаги. И мы так же должны сделать, смешаться с толпой гуннов, вычислить, кто самый выебистый, и отхуячить.

– Только трусы прячут флаги, – сказал Биррелл. – Шарф нужно носить с гордостью, даже если ты один против всех.

Терри щелкает зажигалкой и качает головой. От него несет бухлом. Он рассказал нам, что оттарабасил эту Мэгги, отчего Карл на время заткнулся, потому что он сам ее пытался натянуть.

– Послушай, Билли, кто придумал это идиотское правило? Уроды глазговские, с этим их ирландским дерьмом, оранжевый с зеленым. Для них – это то, что надо, потому что они берут количеством. Несложно лезть в залупу, когда за тобой пятнадцать тысяч ублюдков скарферов. Стопудово. Но кто из них согласится встретиться с нами равным числом? Ответь, если сможешь.

Хоть раз в жизни Терри сказал что-то толковое. Видно, что Билли прислушался. Он щелкнул себя по подбородку.

– Хорошо, Терри, но это не только ирландская, это и шотландская история, и происходит она из Каллодена, когда англичане запрещали нам носить клановые цвета. Об этом нам твой старик рассказывал. Карл, вспомни.

Карл кивает и потирает лого на полиэтиленовом пакете. Его старик всегда рассказывает нам об истории, когда мы приходим к Карлу. Но это не та история, которой учат в школе, английские короли и королевы, весь этот кал, который мало кого интересует.

– Да, но кто поддерживает эти традиции? – говорю. – Терри прав. Ты играешь им на руку. Оранжевые и «Сельтик» всегда выражаются как психи в свои цвета, нацепляют значки, заворачиваются во флаги. Как маленькие девочки на карнавале в Лейте. Они обступают тебя толпой, потому что знают, что каждый с ходу впишется. Так вот, мы пойдем небольшой командой и возьмем на прицел группу, равную нам по количеству. Одни парни против других, чтоб никто не прятался в толпе. А самый попс в том, что остальные не узнают, что мы – «Хибз»!

Билли посмотрел на меня и рассмеялся.

– Гондонов глазговских за версту видать и без флагов. Так же и нас смогут вычислить.

– Не знал, что вшей можно искать на расстоянии, – рассмеялся Терри, и все поддерживали. – Кстати, телка из вчерашнего фильма? У нее точно мандавохи.

– Иди ты, – говорю.

– Не, правда, Голли, тебе просто необходимо взглянуть на эту шмару. Полный пиздец. А какой был у чувака, который ее обрабатывал...

По четвергам Терри ходит в «Классик» на Никольсон-стрит посмотреть порнуху. Я как-то попробовал пойти с ним, но меня отшили, сказав, что я слишком молодо выгляжу.

– Что крутили? – спрашиваю.

– Первый назывался «Твердь», а второй «Я чувствую, как он поднимается». Но мы остались на последний сеанс, на «Голубого солдата». Охуенный фильм.

– А слышал, что говно, – сказал Билли.

– Нет, Биррелл, ты должен это посмотреть. Там есть момент, когда телке отрубают голову и она летит прямо в экран, я думал, сейчас упадет мне прямо на колени.

– Ты, наверное, сбился с ритма, сидел себе спокойненько, надрачивал на заднем ряду, – сказал Карл, и все заржали.

Терри тут же заткнул его строчкой из песни Рода Стюарта:

– «О Мэгги, я большего сделать не мо-о-ог... – И, указывая на Карла: – Она тебя так одурачила...»

Теперь мы смеемся над Карлом, а он смотрит в окно на проходящих мимо гуннов.

– Голубых солдат там порядком, – говорит он, пытаясь сменить тему.

Терри не обращает на него внимания и начинает потешаться надо мной.

– Постоянно приходится пересказывать этому пизденышу фильмы из «Классика». Но расслабляться рано: пока он подрастет настолько, что его станут пускать, пройдет хуева туча лет.

Билли заржал, Карл тоже, хотя я не помню, чтоб он сам когда-нибудь пытался проникнуть в «Классик».

– Отдыхайте, мистер Лоусон, – говорю, – я могу пойти в «Ритц».

– Серьезная заявка, мистер Гэллоуэй. Вы, наверное, скоро начнете бриться. А что потом? Молофья?

– Молофьи и так хоть отбавляй, мистер Лоусон.

– Теперь остается найти, куда б ее всю запулить, – сказал Терри, и все засмеялись. Хитро-жопый гад. Мы давно завели себе условный язык – говорить как учителя в школе. Тут я вспомнил про «Ритц», самое время сменить тему. – Никто не хочет сходить в «Ритц» на неделе? Там крутят «Зомби». А вторым сеансом идет «Большой британский стриптиз».

– Поезжай во Францию, – смеется Терри, выглядывая в окно, – зачем нам-то это? У нас тут зомби на всех хватит, лупи не хочу. – Он указал на проходящих гуннов. – А потом, вечером, когда мы нахватим себе по дырочке в «Облаках», будет «Большой британский стриптиз». На хуй фильмы, превратим кино в реальность!

Я на время задумался, но тут с улицы донеслась эта песня «Мы не сдадимся», и кишки у меня подвели. Я не был уверен, надо ли мне все это!

– А как там Дозо и все эти, где они? Посмотрите туда! – Высокий мужик с длинными волосами в джемпере завернулся в флаг Ольстера. Этот гондон казался мне стариком. – Я не собираюсь биться с чуваками под сорок, – говорю.

Мне-то всего пятнадцать, бля.

– Пизди любого, кто вписывается, малыш, – ответил Билли.

– Как вы сыграли с утра? – спрашиваю, чтобы переменить тему. Ненавижу, когда меня называют «малыш».

– Четыре – один.

– В чью пользу?

– А как ты думаешь? Мы играли с «Фет-Лор». Говно команда. Я забил один. Алан Мэкки – два, – сказал он, понижая голос.

Билли пришел с субботней игры. Он играет за «Хатчи-Вейл», он капитан нашей школьной команды. Думаю, он немного завидовал Алану Мэкки, который уже сто лет как подписал контракт с «Хибз», а вот Билли никто контракта не предлагал.

– И Дуджи Уилсон отнес твою форму домой?

– Нет, я отдал ее мелкому, а сам поехал сразу сюда, чтоб ничего не пропустить, – сказал он, кивая мне, чтоб я посмотрел на соседний столик, а потом на Карла и Терри, которые вылупились так, что чуть глаза не выпадают.

За столиком напротив сидели две девчонки. Одна ничего себе, крупные зубы, длинные каштановые волосы. Довольно высокая. На ней красная кенгуруха «Вранглер». Вторая – поменьше, черненькая, с короткой стрижкой. На ней пиджак из кожаменителя, во рту – сигарета. Терри посмотрел на них, они взглянули на него и рассмеялись.

– Привет, ты понравилась моему другу, – крикнул он одной, указывая на Карла. Карл, однако, спокоен, даже не зарделся. Не то что я.

– Спасибо, сыта по горло, – отвечает та.

Терри запустил пятерню в свою шевелюру. Она такая густая и кудрявая, даже больше, чем обычно, я даже решил, что он втихаря сделал себе перманент. Вообще-то, выглядит он отлично в синей тенниске «Адидас» и коричневых «Вранглерах».

Я почувствовал тычок под ребра.

– Не ссы, Голли, – тихонько сказал Биррелл.

Вот тоже хитрожопый.

– Отдыхай, Биррелл, если кто и ссыт, так это ты...

– ...как я...

– Просераешь разработанный нами план. Мы собирались вычислить парочку самых выбеистых и разделить их под орех. Вспомни, мы даже собирались надеть гуннские шарфы для маскировки, – говорю. – Вот о чем мы договаривались.

Билли завертел головой:

– Гуннский шарф ни за что не надену.

– Ну и хуй с ним, – сказал Терри.

Карл уже ждет своей очереди.

– Мне все равно, мог бы и надеть. Гуннского шарфа у меня, конечно, нет, но вот что я с собой прихватил в качестве камуфляжа, – говорит он и вытаскивает из своего пакета ольстерский флаг с красной рукой.

Терри смотрит на меня, потом на Билли, который уже вскочил, вырвал флаг у Карла из рук и вытащил свою зажигалку. Он успел дважды щелкнуть вхолостую, прежде чем Карл забрал свой флаг после тяни-толкая, который уже начинал всем действовать на нервы.

– Ты че, Билли, – сказал Карл, весь красный, как рука на гребаном флаге.

– Нечего при мне гуннские флаги вытаскивать, – отрезал Билли.

Карл сложил флаг, держа его подальше от Биррелла, но убирать не стал.

– Это флаг протестантов, а не «Рейнджеров». Ты даже не католик, Биррелл, чего ты доебался до моего протестантского флага?

– Потому что ты хитрожопый белобрысый уебан, который болеет за «Хартс» и сейчас получит в рыло, вот чего.

Обстановочка накалилась, на Билли сегодня нашло чего-то. Терри повернулся от телок и взглянул на него.

– Остынь, Биррелл, чувак, вокруг столько гуннов, которых нужно отмахать. Что толку биться меж собой?

– Не надо было брать этого перебежчика, – забухтел Билли. – Спорнем, что Топси и все твои дружки по автобусу, которые не поехали с «Хартс», придут сюда с гуннами, – злобно усмехнулся он.

– Но я-то здесь, с вами, разве не так? – отпарировал Карл.

Как только он это сказал, я засек группу гуннов, где-то нашего возраста, может, чуть постарше. Они зашли в «Уимпи». Мы притихли. Они увидели нас и тоже притихли. Видно было, что они смотрят то на красную руку на флаге Карла, то на шарф Билли и пытаются что-то понять. Биррелл уставился на них в упор. Терри же все пофигу, он смотрит на девок.

– А парень у тебя есть? – крикнул он.

Девчонка с длинными каштановыми волосами, та, зубастая, обернулась:

– Может, и есть. Тебе-то что?

Я пытаюсь заценить, какие у нее сиськи, но под кенгурухой ни фи́га не видать.

– Да нет, просто, сдается мне, я видел тебя однажды с парнем в «Аннабель».

– Я не хожу в «Аннабель», – говорит она, а сама смотрит на Терри вся такая довольная, готовенькая, а этому только того и надо.

– Значит, просто та была похожа на тебя...

Терри встал и уже трется возле нее в их кабинке. Он чувак не из робких.

Парочка гуннов запели «Орденскую ленту». Шустрые суки, как никогда. А все потому, что по телику сказали, что Папа собирается в Шотландию. Мне на это воще поебать. А вот то, что какие-то гондоны здесь обуревают, на это мне не поебать. Биррелл, однако, доволен: на него они больше не смотрят.

– Суки... мы их сделаем, – сказал он мне.

Среди прочих выделяются чувак с ирокезом и точечным рисунком на щеках и жирдяй, белобрысый и кудрявый.

Я нащупал в кармане перо. Однажды я порезал одного чувака в школе, хотя порезал – не совсем то слово. Глен Хендерсон. Я, конечно, нафордыбачил, чувак не то чтобы так уж обуревал. Помню, как он заламывал мне руку еще в первом классе, когда он ходил с пацанами, с которыми учился в начальной, так что я ему задолжал, но в этот раз я просто выебнулся. Я не хотел, чтобы так все получилось. Ему досталось в руку, я засадил ему в кисть. Несколько дней я жидко какал, ожидая, что это дойдет до копов, учителей или до мамы. Однако парень ничего не сказал. В чем-то это было даже круто, потому что после этого со мной впервые заговорили такие пацаны, как Дозо Дойл или Марти Джентльмен. Однако я до сих пор подсываю, когда вспоминаю, что я натворил. Здесь-то все будет по-другому. Никаких камбэков, просто какой-то мудила из Глазго, которого ты больше никогда не увидишь. Мне, в общем-то, не нравится эта тема – иметь при себе перо, однако всем известно, что у этих помоечников ножички всегда найдутся. Имейте в виду, что половина этих охотников за удачей сами вовсе не из Глазго, а из Перта, из Дамфри, из всяких дыр. Все говорят с деланным акцентом. Они хотят, чтоб все думали, что они из Глазго и поэтому круты немерено. Хотят, чтоб мы думали, что каждый из них, что тот спецназовец. Ебать мой хуй. Нет, таскать с собой нож мне не нравится, однако дополнительная поддержка всегда пригодится. Просто чтобы хотя б напугать гондонов.

– Снимешь свой шарф, тогда впишусь, и мы пойдем за ними, – ответил я Бирреллу.

Биррелл не обращает на меня внимания. Он берет бумажную тарелку, поджигает ее и держит аккуратненько, чтоб она сгорела полностью. В зале убирается девчонка в форме «Уимпи», но ей, похоже, все равно.

Билли совсем распоясался. Он считается самым крутым в нашей школе после Дозо и Джента, с тех пор как отмахал Топси во втором еще классе. Думаю, он и Дозо сделал бы один на один, он ведь боксом занимается и все такое, но с такими, как Дойл, честных поединков не бывает. Карл ужасно переживал, когда Биррелл и Топси устроили мочилову в парке, потому что и тот и другой были его друзьями.

– Билли, едрена вошь, нас ща попрут отсюда, – простонал Карл и повернулся ко мне: – Смотри, чтоб этот не шалил с огнем...

Тарелка догорает, Билли поворачивает ее так, чтобы не обжечься, и бросает ее в чашку.

– Спалим вас, ублюдки оранжевые, – мягко говорит он.

Бабулька, вся седая, в очках, в шляпке и желтой кофте, обернулась и уставилась на нас. Офонарела, бедняжка. Дерьмо, наверное, быть старым. Я никогда не состарюсь. Только не я.

Проехали.

Потом подошел Дозо Дойл со своей тусой: Марти Джентльмен, Джо Бегби, Али Джеймисон и этот безбашенный с прилизанными черными волосами и кустистыми бровями. Этого чувака выгнали из Огги, и он перешел в нашу школу. У нас он продержался всего несколько недель, но его и отсюда поперли. Он был на год нас старше. На какое-то время его отправили в Полмонт. Джеймисон и Бегби сами из Лейта, но с Дозо и Джентом познакомились в городе.

Они подошли к нам. Гунны, все, кроме одного, тут же перестали петь – круто. Они вроде как разобрались немножко и занялись кто чем, стали бургеры заказывать.

Заметив произведенный эффект, парни Дозо дожали свою проходочку, каждым шагом демонстрируя, что «Рейнджеры» тут ничего поделывать не смогут.

– Билли, Голли... что это? – Дозо заметил флаг у Карла в руках. Карл тут же пересрался, мне пришлось вписаться:

– Ну... мы отняли его у одного тупого гунна на станции. Для маскировки, как ты говорил. Без опознавательных знаков. Снимай, Билли, – легонько пнул я Биррелла, и он снял, хоть и без энтузиазма.

Я всегда за Карла вписываюсь, потому что конкретно с ним я стал ходить на футбол еще лет сто назад. Его старик водил нас одну неделю на «Хибз», другую на «Хартс». Тогда-то я и выбрал «Хибз», а Карл – «Хартс». А самый приколы в том, что мистер Юарт сам из Айшира и болеет за «Килмарнок». Я помню, как нам было стремно, когда он надевал свой шарф «Килли», когда они играли на Истер-роуд или Тайни.

Моего отца футбол никогда особо не интересовал. Он говорил, что болеет за «Хибз», но на стадион не ходил. Все потому, что однажды он выиграл викторину в «Вечерке». Там была фотка, скорее со стадиона Истер-роуд, но отец поставил победную галочку под Тайни. Помню, соседи говорили, что мы, наверное, купим большой дом, но маме досталась новая стиральная машина, а мне собака – Кропли. Папаша все приговаривал:

– Хоть что-то мне перепало от «Хибз». Я болею за команду, которая болеет за меня.

На самом деле ни за кого он не болел.

Когда отца не бывало подолгу, мистер и миссис Юарт всегда присматривали за мной. Бирреллы тоже вписывались, и мой дядя Дональд брал меня в поездки: Кингхорн, Пиблз, Норт-Бервик, Уллапул, Блэкпул, где мы только не были. Но чаще всего меня брали Юарты, они никогда не выпячивались по этому поводу, не показывали, что делают одолжение.

Поэтому я всегда приглядываю за Карлом, чтобы как-то отплатить за это. За ним и впрямь иногда нужен глаз да глаз. Он не такой, как все, и народ иногда неправильно его понимает. Не то чтоб он обуревал, просто он не стелется перед крутыми. Всегда у него свое на уме, такой он чувак.

В любом случае, с Дозо все как-то устаканилось, и я вздохнул свободно. Карл, наверное, тоже: чувак все-таки главный у нас на районе.

– А где Джус? – спросил Дозо.

Это у Терри такое погонялово, потому что он развозит соки-воды. Я кивнул на соседнюю кабинку. Девчонка вытянула ладонь, а Терри, типа, гадал ей по руке.

– Да вот он, – говорю, – судьбу предсказывает. Я всегда подозревал, что он гребаный цыган!

Дозо обернулся:

– Ну че, Терр?

Терри так увлекся телочками, что не заметил, как они вошли, или *сделал вид*, что не заметил.

– До-озо! Джен! Элли! Как вы, парни! Повыбиваем говно из гуннов, а! – чуть не прокричал он, и гунны, ввалившиеся шумною толпою, стали потихонечку выкатываться. Терри тешил себя мыслью, что в школе он был четвертым по крутости. Ебались.

Дозо Дойл засмеялся в ответ, оба знали цену подобным выступлениям, и посмотрел на телочек.

– Твоя подружка? – спросил он Терри.

– Работаем над вопросом, дружище, в процессе... – ответил Терри, поворачиваясь к той, что сидела ближе к нему. – Будешь со мной гулять?

– Посмотрим, – говорит.

Девчонка уже подзавелась. Она не хочет этого показывать, но и так видно.

Терри не тормозит, и пукнуть не успел, а уже сосется с ней. Парни ободряюще заулюлюкали.

Дозо это не в кайф. У него свои планы, он не хочет, чтобы телки путались под ногами.

– Пора валить, – говорит он.

Мы все встаем, и даже этот свинтус Терри разжимает тиски. Обуревающий напрочь чувак. Я слышал, как он проговорил:

– Под часами на Фрейзерс, в восемь.

– Ага, мечтай, – отозвалась девчонка.

– Может, тогда встретимся в «Облаках», – не отступал Терри.

– Посмотрим, – говорит она, но этот пес смердящий присунет ей сегодня же, стопудово.

Иногда мне хочется быть таким, как Терри, он всегда найдет что сказать, знает, как себя повести. Временами меня прибивает, что я так молодо выгляжу и от этого теряюсь на фоне таких, как он и Билли, и даже Карл. От этого, однако, моя решимость показать им и таким, как Дозо и Джентльмен, что при встрече с упырями из Глазго я вовсе не потеряюсь, только растет.

Мы выкатились из «Уимпи» с ощущением силы, которое испытываешь, зная, что ты часть большой тусы. На футболе всегда найдутся чуваки, которые готовы помахать в толпе, но один на один выйти пересрутсся. Таких не должно быть большинство. Однако с этими парнями чувствуешь себя на высоте: все-таки самые крутые школы и района собрались. Уж они-то не приссут даже уебков из Горбалз, или как там называется район вороватых упырей, что таскают перышки в карманах. Не приссут даже мужиков лет за двадцать. Хорошо, что я не надел сережку. Если за нее кто-нибудь схватится – тебе пиздец.

Мы идем!

Сердце у меня колотится, бум-бум-бум, но я стараюсь не показывать виду.

Я заметил, как Дойл передал втихую Билли что-то похожее на купюры. Он сказал что-то про проволоку и копов, так, может, это на штрафы, если нас накроют! Вот это я понимаю – подготовка! Да мы настоящие гангстеры вместе с Дойлами и все такое!

Только вот Карлу все нейдет. Ему все хочется узнать, что тут происходит. Однако у него достаёт мозгов не спрашивать при Дойле.

Сперва на Роуз-стрит. Мы разделились на группки по трое-четверо. Я иду с Дозо, Терри и Мартином Джентльменом. Я зову его Марти, потому что Джентом его зовут только его кореша. Я заглянул в паб и увидел, что у них там «Астероиды».

– Тебя, значит, отшили, да, Терри? – подзуживаю я.

– Хуй там был. Да она спит и видит, чтоб ее натянули, та, с зубами. Получит свою писю-заебису, если только заявится вечером в «Облака», говорю тебе без пизды, – отвечает Терри, и мы все смеемся.

– Эта Каролин Уркхарт – сытная тела. Вчера на английском она расстегнула на блузке пару пуговиц, чтоб сиськи были виднее, – говорю.

Заглядываю в следующий паб, а там «Спейс инвейдерз», это круто. Мне, правда, здесь никогда не наливают. Несколько взрослых мужиков в шарфах «Хибз» выходят из паба и недовольно качают головами. Внутри группа гуннов орет песни, а один – худощавый такой, с длинным хайром, лет тридцати, вышел на улицу и крикнул вдогонку пожилым: «Старые фенианские¹⁴ ублюдки!» – те даже не обернулись.

Я глянул на ребят, чего они об этом думают, но им плевать, нам нужны упыри нашего возраста.

– Каролин Уркхарт... высокомерная маленькая сучка, – говорит мне Терри.

– Ты б ее оттопырил, если б случай подвернулся, – говорю.

– Ни за что, – сказал Терри, и, похоже, он не врет.

– Я б ее враз натянул, – вступил Марти Джентльмен, – но сперва трахнул бы эту – Эмми Коннор.

¹⁴ *Фениш* – члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от британского владычества.

Эмми Коннор могла бы и дать Джентльмену, выглядит он старше своих лет, кроме того, он здоровый крутой чувак. А вот Каролин Уркхарт вряд ли, она такая снобка, даже не сказать снобка, просто стильная телка. Но для меня вопрос открытый, кто из этих двух сытнее. Дозо заметно на взводе, кивает на ублюдков, что вопят «Саш». Мы прибавили шагу и пошли за ними. Их человек пять, все завернуты в «юнион-джек». На одном белыми буквами написано ARDROSSAN LOYAL. На нем же девятидюймовые «мартенсы». Дозо пнул его по каблуку, нога зацепилась за ногу, и чувак рухнул на булыжник. Джент добавил ему по корпусу и заорал с глазговским акцентом:

– «Саш» без нас не запевать!

Сработало на все сто! Они попятились, а один даже перебежал дорогу. Остальные притихли. Кучки гуннов вокруг все прихуели, но никто не дернулся. Если бы на нас были шарфы, нас бы запинали. Любого чувака в зеленом они бы разорвали в клочья, а так они думают, что это гунны против гуннов – гражданская война. И никто не захотел ввязываться, разбираться! Наш план сработал! Изолировать небольшие группы, разобщить упырей, перевести разборки с футбольного на личный счет, даже если их больше, на шару – мы против них, а не «Хибз» против «Рейнджеров».

На автобусной остановке нас даже немного понесло. Под руку попадались все чуваки нашего возраста. Джо Бегби размочил парня, даже близко на гунна не похожего, он, может, и на футбол-то не собирался. Так просто, панк какой-то с ирокезом.

– Знай скинхедов, – крикнул он парню, который стоял в шоке, держась за расквашенный нос.

Я, в общем-то, не против. Не люблю панков. То есть так, для смеху, можно приодеться, чтоб все от тебя шарахались, мы тоже так забавлялись еще в первом классе. Но наряжаться в натуре как бомжи любят только сынки толстопузых. Они любят такие игры. Панки тусуют на Гарденз и Принцесс-стрит и по субботам бьются со стилигами. Если хоть один попадется нам после матча, отымеем по полной.

И тут я чуть сам не обосрался, душа ушла в пятки. Я заметил, что на нас и на забитого панка смотрит мужик. С ним девчушка, она тоже уставилась. Это мой дядя Алан, а малышка – кузина Лиза. Я вспомнил, как он говорил маме, что собирается поехать с Лизой в город, чтобы выбрать ей подарок на день рождения. Я отошел за автобус. Не думаю, чтоб он меня заметил.

– Это не твой ли дядя там, а, Голли? – поддразнивает Терри. – Пойди скажи ему «здорово»!

– Отъебись, – говорю. Но с автобусной остановки ухожу побыстрее.

Ситуация усложняется. Мы подошли к Лейт-стрит, где, выходя со станции Колтон-роуд, все новые и новые группы гуннов сливаются с теми, что тусовались по пабам на Роуз-стрит. По другой стороне движется несколько групп «Хибз», они смеются и поддразнивают гуннов. Мы смешались с толпой болельщиков «Рейнджеров», но вокруг столько копов, что затевать что-нибудь бессмысленно, так и будет, пока мы не окажемся на трибунах. Поэтому мы идем дальше по Лейт-Уок, а все упыри сворачивают на Лондон-роуд к заднему входу. До матча еще куча времени, так что стадион будет битком.

Мы идем по Лейт к Пилригу, где стоит кучка пацанов «Хибз», парни нашего примерно возраста. Это брат Бегби, его вроде Фрэнком зовут, и пара его корешей. Одного из них – Томми – я знаю еще по детсаду, нормальный чувак. Там еще Рентон и еще один чахлик какой-то облезлый, которого я не знаю.

Карл засек на Рентоне шарф «Хибз» и говорит:

– А я думал, что ты за «Хартс» болеешь.

– Хуя с два, – отвечает ему Рентон.

– Однако твой братец – фанат «Хартс», я видал его на Тайни.

Парнишка Рентон только головой качнул. А Джо Бегби сказал:

– Если его пиздобратец – мудака, это не значит, что он обязательно должен примкнуть к стану «Пирожков с повидлом»,¹⁵ верно Марк? Каждый пацан имеет право болеть за ту команду, которая ему больше нравится.

Рентон только пожал плечами, но Карл на этом заткнулся. В любом случае это всего лишь разговорчики в строю, потому что приказы раздает Дозо.

– Снимайте свои гребаные шарфы, заткните за пазуху и пошли с нами. Мы пойдем в сектор к гуннам и затеем там бучу. Потом еще на выходе добавим, – сказал он, улыбнувшись, и провел пальцем по лицу, изображая шрам. Он стал пританцовывать: – Пиздец пришел, пиздец. Этим выблюдкам хана.

Брат Бегби и Томми подчинились, потом и Рентон, и тот чувак, по-моему, Мерфи его зовут. У него за пазухой уже что-то имеется.

– Че это у него там? – спросил Карл.

Он стал немного обуревать, думает, что тусует с Дозо и Джентом, самыми крутыми на районе, думает, он теперь котируется. Не мешало б ему помнить, что он болеет за гребаных «Хартс» и корешится с Топси, а сейчас здесь только потому, что мы за него поручились.

Этот чахлик вынимает что-то из-под свитера. Пакет замороженного гороха и рыбные палочки.

– Я, типа, спер их в том магазине...

– Да выбрось ты их на хуй, Спад, – говорит Томми.

Фрэнк Бегби схватил у него из рук мороженный горох, подбросил и пнул носком. Пакет разорвался, горох покатился по дороге.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – заорал Франко.

Спад отпрыгнул и говорит:

– Рыбные палочки я, типа, оставлю.

Фрэнк Бегби посмотрел на Спада, типа, он его дружан и ему за него стыдно.

– Вот бродяга, бля, это весь его ужин, на хуй. По рыбной палке каждому. Цыганье гребаное. – Потом посмотрел на Томми и Рентона: – Вот вам и Эдди Мерфи!

Джо Бегби – нормальный пацан, но вот его младший брат решил, что он немерено крут, с тех пор как отхуячил одного чувака из Сазерленда. Все об этом слышали. Что называется, неожиданный результат.

– Да оставь ты его, – протянул Джо. – Пацан хоть на стрелку явился. А то многие говорили, что придут, и где они? Нелли и Ларри, вся эта туса. В какой пизде они застряли? – Тут он посмотрел на брата: – А эти, из Лейта, куда пошли перед матчем?

– Писбо сказал, что они собирались к Мидлтону.

Настоящая лейтовская туса, реальные пацаны с сопляками вроде нас не якшаются. У них свои планы, и с нами они хрен станут ими делиться. Все мы здесь только выделяемся, нейм-дропинг, одним словом.

– Кто не хочет, пусть сидит дома. Нам такие не нужны, – говорит Дозо. – Все здесь – ребята борзые, – продолжает он, оглядывая нас, как на параде.

– Много народу нам тоже ни к чему, налетят копы, и все накроется, – добавил Джеймисон.

– Несколько борзых пацанов, – мягко повторил Дойл, оглядывая нас.

Он медленно кивнул и улыбнулся в сторону. От его взгляда иногда аж мурашки по коже.

Мы стали смотреть друг на друга. Не сказал бы, чтоб я чувствовал себя таким уж борзым, это точно. Вот если б мы могли сказать себе, мол, в городе у нас кое-что вышло, давайте ж забьем на все и посмотрим матч в свое удовольствие. В конце концов, сегодня играет Джорджи Бест, если только не застрял в какой-нибудь пивнухе. На хуя нам мудохаться с толпой бухих упырей из Глазго, которые в отцы нам годятся.

¹⁵ *Jam tarts* – презрительное прозвище болельщиков клуба «Hearts».

Однако Дозо, Джо Бегби и Марти Джентльмен уже все за нас решили. И по правде говоря, лучше протаранить толпу гуннов и быть запинанным напрочь, чем приссать и встретиться с этими беспредельщиками возле школы в понедельник. Короче, пошли мы к дому Дуджи Спенсера, где продавали навынос. Хули стоять на стадионе, когда до матча еще целый час. Так что мы пошли к пакистанцу и купили пива и дешевого вина. Нам всем нет еще восемнадцати, но Терри и Джент выглядят на все двадцать пять, так что их всегда обслуживают. Меня ситуация устраивает: мне все равно ни в одном пабе не наливают. Набухиваться мы не хотим, но бахнуть немного для куража мне просто необходимо.

Дуджи Спенсер сначала не очень-то восхитился. Он был намного старше нас, давно за двадцать. Он тусовал с Дозо, и Джентом, и Полмонтом, и пацанами из Лейта, но заметно было, что те держат его за пидорка, так, пользуются им, потому что у него своя хата. Такой тусе он, конечно, не слишком обрадовался, однако вскоре потеплел к нам с Карлом и Билли, потому что мы сидели и слушали его байки про махачи с «Хартс» в конце шестидесятых – начале семидесятых, тогда как Дозо и его кореша смотрели на него как на мудака. Видно было, что Карлу не терпится что-то сказать, сам-то он «джамбо» и иногда ходит на футбик с другой тусой с нашей стороны. «Хартс», может, сейчас топовая команда, но с теми молодыми пацанами, что готовятся в «Хибз», все может снова измениться, и довольно скоро.

Я пошел отлить и, проходя через коридор, увидел Полмонта, который стоял там совсем один. Он отвернулся от меня, как будто чем-то расстроен. Может, он вообще там, пиздец, рыдал, что ли.

– Ну чего, чувак, – говорю.

Он не ответил, так что я просто прошел в тубзалет.

Ясно было, что большинство баек Спенсера – полное дерьмо, однако с пивком и винишком они подогрели нас как следует, когда мы отправились обратно на стадион. Мы прошли через толпу «Хибз», но, дойдя до Альбион-роуд, отправились вдоль улицы, там где она огибает трибуну, перелезли через ограждения и прошли мимо конных полицейских.

– Вы за «Рейнджеров» болеете, парни? – спросил нас здоровенный коп.

– Ну конечно, дяденька, – ответил Дозо с их жопомыльным акцентом, и мы прошли метров двадцать ничейной земли и через еще один кордон, чтобы слиться с толпой гуннов и войти с Данбарских ворот.

Карл вытащил флаг Ольстера с красной рукой и накинул на плечи. Видок у нас был, конечно: целая туса – никаких цветов; а гунны, все как один, будто на школьный карнавал собрались: флаги, шарфы, значки, береты, кепки, футболки. Но видно было, что худшее, что они могут подумать, – мы чуваки «Хартс», принявшие их сторону.

Дозо сныкал полбутылки водчонки. Он передает ее по кругу, пока мы стоим в очереди. Пузырь доходит до меня, и я делаю глоток. Во рту она такая холодная, покалывает и будто тает, но, когда дошла до кишок, меня чуть не вывернуло бургером, который я съел в «Уимпи». На хуй пить водяру неразбавленной. Я передаю пузырь Томми, и мы продолжаем вычислять чуваков вокруг нас: кому сколько лет, кто крутой, а кто не очень, кто в тусе, а кто сам по себе, и все такое.

Некоторые выглядят так, что смотреть жалко: прикид, я имею в виду. Свитера «роллер-стар» и весь этот кал, который у нас уже никто не носит, с тех пор как панки вышли из моды. Никакого «Фреда Перри», совсем редко «Адидас», в принципе – ни хуя. Но вот что неприятно, все эти чуваки выглядели пиздец какими взросляками. А ведь все говорят, что в Глазго народ любит наряжаться, типа, когда выходят вечером в город и все такое. Днем они, похоже, вообще за собой не смотрят, если, конечно, по этим мудилам можно о чем-то судить. Думаю, они тоже на нас поглядывали, потому что все мы были одеты лучше ихнего: футболки с рукавами-манжетами и слаксы или «левиса». Несмотря на то что большинство из нас жили в новостройках или многоквартирниках, мы все равно были на срез выше этих грязных уба-

нов, половина из которых в глаза не видела мыла и крана, стопудово. Наверно, это совсем не смешно, на самом деле им стыдно, должно быть, жить в трущобах без горячей воды и теликов, но мы тут ни при чем, и нечего приезжать сюда и отрываться на нас.

На самом входе Дозо затянул песню: «Все мы здесь из Бриктин-Дерри, в жопу Папу и Деву Марию», – и многие гунны подхватили. Мы смеялись, как легко их завести, не сложнее, чем заводного зайца. И все равно видно, что некоторые сомневаются на наш счет, тем с большим облегчением они начинают подпевать боевую песню, проходя через турникеты и поднимаясь на трибуны. Мы потеряли Рентона, брата «джем-тарта», и этого урода Спада, они куда-то сныкались. Наверное, пошли на трибуны «Хибз», ссыкуны гребаные. Не припомню, чтоб они были с нами, когда мы проходили через заграждения. Хотя мне наплевать. Этот Мерфи такой же оборванец, как и любой из глазговских мудаков. Стыдобища, по правде говоря. Значит, здесь я, Биррелл, Карл, Терри, Дозо, Марти Джентльмен, Элли, Джо Бегби, его брат, и Томми, и еще этот странный чувак из Полмонта, который всю дорогу молчит. Вроде как Макмюррей его зовут. Он на год меня старше, но выглядит молодо. Я вот его еще не раскусил. Постоянно смотрит в рот Дозо Дойлу да вроде только с ним и разговаривает. Мы встаем справа от ворот, почти посредине трибуны. Водяра опять идет по кругу, но я засовываю в горлышко язык и притворяюсь, что пью. И все равно чуть не сблевал, от одного только запаха. Передаю пузырь Дженту.

Мы в кольце гуннов. Сердце у меня стучит, бум-бум-бум. Карман оттягивает перо. Будто сейчас с цепи сорвешься, такое напряжение невыносимое. Смотреть на стадион с этой стороны очень странно. Болельщики «Хибз» размахивают шарфами и затягивают песню, но смотрится это паршиво, потому что все они разделены на небольшие группы и единого фронта не получается. Даже отсюда видны Лейт, Нидри, Драйло, Порти, Толлкросс, Лохэнд и так далее, все сами по себе. Есть такие группировки, которые никогда не сойдутся вместе даже против «Рейнджеров». Чуваки, которые с незапамятных времен мочат друг друга каждые выходные, а иногда и на буднях, не способны забыть о своих разногласиях на пару часов субботнего вечера даже перед лицом глазговского мудака. Против «Хартс» – еще может быть. И вот они затянули «Его звать Джорджи Бест». «Хибз» выходят на поле, их встречают, а мы переглядываемся. Бест на поле! Приветствия тонут в неодобрительном мычании с нашей стороны и снова обращаются приветственными воплями, когда на поле появляются «Рейнджеры». Затягивают «Дерри Уоллз». Смотреть на толпу «Хибз» даже забавно, видеть себя, каким тебя видит противник.

Матч начинается, какое-то время еще слышны песни, потом общая атмосфера устаканивается. Мы тоже потихоньку успокаиваемся. Мы сечем, кого бы нам поиметь. Есть тут рыжий паренек в белых слаксах, нашего примерно возраста, просто рта не закрывает. Все орет – фенианские ублюдки то, подпездыши ИРА се. Иногда даже удивляешься, с какой планеты эти упыри.

– Этот чувак первый на очереди, – говорит Дозо.

Джентльмен кивнул.

Примерно посредине первого тайма Дозо подал нам знак, и мы все пошли в сортир. Там ссали пара гуннов, и Джентльмен ебнул одному. Это был настолько неожиданный и бешеный удар по репе сбоку, что мне самому схудло на пару сек. Кишки снова обожгла водяра. Чувак согнулся и упал в собственную лужу, а мы принялись пинать его ногами. Я пнул в ляжку, задержав удар, чтоб ему не было слишком больно. Дело сделано. Этот урод Полмонт слишком увлекся, и Билли пришлось его оттащить. Дозо дал второму по яйцам.

– Мы из УДА,¹⁶ а вы что, из ИРА? – заорал он ему прямо в лицо, изображая Джонни Роттена.

¹⁶ UDA – Ulster Defence Association – Общество защиты Ольстера – военизированная организация североирландских протестантов, противостоявшая католикам Ирландской республиканской армии.

– Да уж, смахивает на боевика, – заржал Дозо, и мы все чуть не обоссываемся от хохота. Бедняга стоит, согнувшись, держится обеими руками за яйца и дрожит. Карл подмигнул ему, а Полмонт подошел и дал по зубам внешней стороной ладони. Тут мы выходим из сральника и идем обратно в толпу.

Как только мы садимся на места, «Хибз» забивают и стадион на другой стороне взрывается. Пиздец как круто, хочется просто заорать гоооооооол... но мы ничего не кричим, сидим себе спокойненько, выжидаем. Дозо смеется в рукав. И тут случилось: два гунна стали препираться, и один сунул другому. Друг того вскочил, и началась потасовка!

Это был наш шанс. Джентльмен встал и как залепит этому в белых слаксах такого красавца. Нос у парня раскuroчен пиздец, он отшатывается в толпу, поливая всех своей кровью. Его друзья подхватывают его за руки. Все в шоке. Один из них говорит:

– Да ладно вам, пацаны, все мы здесь одного цвета!

Джус Терри подбежал и вмазал этому гондону, а Биррелл просто стал раздавать всем без разбору. Взрослый чувак, лет, наверное, сорок, который сидел на ряд выше, встал и давай волтузить Биррелла. Биррелл охуевший, не отступает, уклоняется от ударов, боксирует. Тем временем толпа разделяется. Я подбежал и пнул чувака по ноге, хоть и целился в яйца, а Джентльмен залепил ему пузырем по макушке. Это вывело чувака из равновесия, и хотя бутылка не разбилась, он прочувствовал все, что надо, и отступил, пошатываясь.

Нам снесло всем башню, и Дойл в самой гуще событий, врывается в кучку гуннов. Брат Бегби вырубил чувака, ебнув исподтишка локтем в скулу. Этот отморозок орет мне, охуевший, находясь в метре от меня, и проводит пальцем по щеке, изображая шрам. Вокруг лопочут с глазговским акцентом «беспредельщики» и «звери гребаные», и тебе и стремно, и круто, когда ты вспоминаешь, сколько раз они ловили и избивали нас. Я прыгаю вверх-вниз, как гребаный раскидайчик, меня носит по волнам толпы, а я пытаюсь удержать равновесие и выдать кому-нибудь. В одну секунду вокруг тебя летают туши, а в следующую ты на пустом пятачке, который расчищается непонятно как. Я двинул одному в челюсть, пизденышу прижало толпой руки по швам и приплющило к бордюру. Гунны в смятении, никто из тех, что ближе к нам, высываться не хочет. Они стоят и дерут глотки, не давая пройти целой куче реальных убийц, которые хотят до нас добраться. Карлу кто-то харкнул в рожу, он озверел, подбежал и отпинал того чувака. При этом его кореша даже не подумали за него вписываться, просто стоят и смотрят, как чувака разделявают. Я увидел, что на нас надвигается, и, сказать по правде, охуенно обрадовался, когда копы добрались до нас первыми. Мимо рожи просвистела бутылка, но попала в гунна, что стоял за мной. Другая разбилась о бордюр возле Томми, и нас всех окатило битым стеклом. Похоже, до гуннов наконец дошло, что мы тут затеяли, и нас сейчас размажут по полу хотя бы только общим весом. Слава яйцам, полицейские уже протаранили толпу своим клином. Никогда не думал, что могу быть так рад появлению этих гондонов!

Тут начинается пиздец какая неразбериха. Все стали тыкать друг в друга пальцем. Копы замели Джентльмена, Джуса Терри и Фрэнка Бегби. Их потащили вниз по трибуне, из толпы в них плюют и норовят пнуть. Брат Бегби огрызается и пытается вырваться из лап копа, чтобы броситься на них. Рукав на его куртке «харрингтон» разодран в клочья. Джентльмен орет: «ИРА!», а Терри просто улыбается и посылает толпе гуннов воздушные поцелуи. В них летит еще больше бутылок и банок, тут и там вспыхивают потасовки. Одна упала прямо Бесту под ноги, как на подачу. Он поднял бутылку и сделал вид, будто пьет из нее. Фаны «Хибз» приветствуют, смеются даже многие гунны. Говорят, что игроки заводят толпу, но я уверен, что Бест вот этим вот движением остановил настоящий бунт. До этого атмосферка была – чистый яд. Мы вышли: Билли, Карл и я в одну сторону, остальные разбежались кто куда. Джо пошел с Дозо и Полмонтом. Этот Полмонт ни хера не сделал, ни разу никому не сунул, стоял там себе в уголке весь на нервах и смотрел, как остальные врываются в толпу. Я удивился, что Терри так удачно вписался, раньше его такие штуки вроде не очень-то интересовали. Хотя Терри есть

Терри, приколоться может от чего угодно, лишь бы был спортивный интерес да посмеяться над чем.

Мы пробираемся сквозь толпу ближе к табло и видим там, как Марти Джентльмена, Джуса Терри и Фрэнка Бегби проводят под конвоем по дорожке вокруг поля. Поднимается огромная волна, потому что Терри умудрился вытащить свой шарф «Хибз» и машет им. Фаны «Хибз» безумствуют. Полицейский смотрит на Терри, как полоумный, даже не отнимает у него шарф. Но тут подбегает другой коп и вырывает его. Малыш Бегби идет весь надутый, как гангстер, как Джеймс Кэгни, что шел на электрический стул и ему было похуй,¹⁷ а Марти Джентльмен идет с суровым лицом, весь такой собранный. Терри, правда, скалится, как Боб Монкхаус в «Золотом выстреле».¹⁸

Старичок рядом со мной говорит, что они животные, а я ему в ответ с глазговским акцентом:

– Это точно, Джимми.

Игру мы досматриваем в удовлетворенном молчании.

Джорджи Бест вальсирует меж «Рейнджерами» посреди поля. Это не «Хибз» против «Рейнджеров», а «Рейнджеры» против Беста. Они просто не в состоянии отнять у него мяч. Бест меняет направление, несется как ураган к гуннским воротам и заталкивает его в сетку! Я стою и кусаю кожу на подушечках пальцев, пока она не начинает зудеть и кровоточить. Проходит еще как будто сто лет, и наконец свисток. Мы победили!

Мы сделали уродов!

Карл все отплеывается, кашляет, как будто хочет, чтоб его вытошнило. Обоссаться можно было от смеха, когда он набросился на того парня, ведь он всегда говорил, что ему это все по барабану и что ходит он только ради атмосферы.

Вываливаем, окруженные надутыми гуннами, плетущимися к станции. Мы едва в состоянии смотреть друг на друга. Я пересрался, не дай бог, кто-нибудь из той заварушки нас увидит, хочется вырваться из этого красно-бело-синего месива как можно скорее. Они вконец озверели и называют Беста предателем, потому что он де протестант из Ольстера, а играет за фенианские клубы, сначала за «Ман юнайтид», теперь за «Хибз». Как можно называть «Манчестер юнайтид» фенианским клубом? Умники. Ебанько.

Копы перенаправляют движение на Эббихил, но мы сворачиваем на Лондон-роуд и направляемся к Лейт-Уок. Сначала, вырвавшись из толпы синих тел, мы вздыхаем с облегчением, но тут же видим, что приближаемся прямо к полю битвы. Месятя повсюду, небольшими группами. Несколько ребят «Хибз» атакуют два гуннских автобуса, которые имели глупость припарковаться на пустыре возле Плейхауса. Здесь кучка борзых гуннов из автобусов принялись штурмовать возвышенность, но их тут же остановили градом камней и битого кирпича. Творится беспредел. Одному парню раскололи репу. Он стоит за огромным постером Макса Бигрейвза,¹⁹ который рекламирует его фестивальное шоу в Плейхаусе. Копы тоже обуревают, врзаются в толпу, мы решаем, что нам уже хватит, и идем обратно к Спенсеру, чтобы встретиться с остальными. Меня всю дорогу трясет, я заранее боюсь всякого, кто наедет на нас, потому что у меня не осталось энергии, чтобы кому-то противостоять, как будто из меня всю душу вынули. Единственное, что я чувствую, как кислота гуляет по кишкам, а страх по хребту. Слава богу, мы уже в Лейте, и вокруг одни «Хибз», но тебя все равно могут отдубасить чуваки из другого района.

Карл все кашляет и отплеывается.

– Че такое, – говорю.

¹⁷ Имеется в виду криминальная драма Майкла Кертиса «Ангелы с грязными лицами» (1938).

¹⁸ *Боб Монкхаус* (1928–2003) – британский актер-комик, телепередачу «Золотой выстрел» вел в 1967–1975 гг.

¹⁹ *Макс Бигрейвз* (р. 1922) – британский комик.

– Этот грязный глазговский ублюдок плюнул в меня, и я почувствовал, как его слюна попала мне в рот, и я ее проглотил. Жирный такой харчок.

Мы поржали, но ему не до смеха.

– Это ж пиздец как опасно, Голли, можно гепатитом заразиться! Джо Страммер²⁰ так и подхватил. Провалился в больнице. Чуть не помер!

Карл расстроился не на шутку, но смотреть на него сил нет как смешно. К счастью, до Спенсера мы добираемся без всяких приключений. Все на топе. Единственный, кто помалкивает, – это Полмонт. Терри и еще несколько парней идут в паб, туда, где «Спейс инвейдерз». Я пытаюсь притулиться, но парень за стойкой засек меня и заорал:

– Я тебе уже говорил, сопливый, пшел вон отсюда! Из-за тебя у меня лицензию отнимут на хуй!

Терри заржал, а Билли вышел со мной, я дал ему денег, и он принес мне бутылку сидра.

Мы тусуем по Лейту в ожидании выхода «Пинк ньюз». Мы с Билли пьем сидр на двоих, не хочется набухиваться до вечера. Все трутся вокруг паба, половина внутри, другая – снаружи. Мы купили чипсов, кишки наши подуспокоились. Вокруг полно пьяных, распевающих песни «Хибз» и «Его зовут Джорджи Бест». Потом Карл идет в газетный киоск и возвращается с «Пинк». Круто! В отчете про матч написано про нас:

этот промах послужил сигналом к началу серьезных беспорядков на трибунах. Похоже, что несколько болельщиков «Хибз» проникли в чужой сектор стадиона. Полиция быстро отреагировала, удалив зачинщиков потасовки.

А в выносе сказано, что на стадионе арестовали восемь человек и еще сорок два после матча.

– Могло быть и лучше, – высказался Дозо.

И все равно мы довольны. Я даже дал этому оборванцу Карлу глотнуть сидра.

«Облака»

Мы сели в автобус и поехали обратно. Заняли широкое кресло на втором этаже в самом конце и стали зыркать на всех чуваков, которые заходили на остановках. Все опять были на взводе, куда там, мы же возвращались в наш район. Когда мы сошли с автобуса, Биррелл пошел наискосок в сторону Авеню, где старые дома, он там живет. А нам с Карлом пришлось идти через дом Терри. Его мама, должно быть, увидела нас, она вышла на порог и нас окликнула.

Мы пошли вдоль дороги ей навстречу, а она выдвинулась в нашу сторону. Руки скреплены на груди. Сестренка Терри тоже вышла и встала у мамы за спиной. На ней такие классные брючки небесно-голубого цвета, те, с кокеткой, на которую я однажды даже дрочил. Я бы трахнул Ивон, если б она не была так похожа на Терри. Биррелла, однако, это не остановило.

– Ивон, живо домой, – сказала мама, и та ломанулась обратно. – Ну и что там у вас произошло?

Мы с Карлом переглянулись. Не успели мы и слова сказать, как она выпалила:

– Мне позвонили из полиции. Позвонили мне и еще миссис Дживон, нашей соседке. Их обвиняют в нарушении общественного порядка и хулиганстве. Сказали, что вся ваша компания оказалась на чужой трибуне. Как это произошло?

– Все было не совсем так, миссис Лоус... э, миссис Ульрих, – говорю.

Я все время забываю, что она теперь Ульрих, потому что вышла замуж за этого немца.

²⁰ Лидер вышеупомянутой группы *Clash*.

– Терри тут ни при чем, мы вообще ни в чем не виноваты, – вступил Карл. – Расскажу, как все было: мы опоздали, и пришлось бежать на ближайшую трибуну, чтоб не пропустить начало матча. Мы сняли наши шарфы, никаких речевок не выкрикивали, скажи, Эндрю?

Он назвал меня Эндрю, наверное, первый раз в жизни. А ведь это даже не его команда, он же болеет за «джер-тарт». И все равно он хочет помочь, так что я вписываюсь:

– Ну да, но парни там слышали наш акцент и стали до нас докапываться. Плеваться и все такое. Один ударил Терри, а тот дал ему сдачи. Тут все и началось. А остальные просто хотели помочь Терри.

Сигарета у миссис Ульрих догорела до фильтра, она бросила ее и затоптала туфлей на каблуке. После чего прикурила следующую. Чувствую, что Карл думает, не стрелкнуть ли у нее, но теперь, пожалуй, не самый удачный момент.

– Он считает, что ему все можно, коль он работает. Но мне-то он что дает на свое содержание? Кто будет платить штраф? Я! Всегда я! Где я возьму деньги, чтобы оплатить судебные издержки? Это не... это просто не... – Она покачала головой и посмотрела на нас, как будто ждала, что мы скажем что-нибудь. – Это просто никуда не годится, – сказала она, глубоко затачиваясь и качая головой. – Для чего они с Билли пошли заниматься боксом? Чтобы прекратились все эти безобразия. Занятия должны были их как-то дисциплинировать, мне, во всяком случае, так говорили. Дисциплинировать, черт возьми! – Она уставилась на нас и вдруг засмеялась, неприятно так. – Билли-то небось не прихватили? А?

– Нет, – ответил Карл.

– Конечно нет, – зло сказала она, будто и так знала все наперед.

Действительно забавно, что Терри пошел на бокс вслед за Билли и его-то как раз и забрали. Это обстоятельство, похоже, бесило его матушку больше всего. Из дома снова вышла Ивон. Во рту у нее локон, и она крутит его и посасывает.

– Билли ведь не забрали, правда, Карл? – спросила она.

– Нет, он пошел домой, мы только что расстались.

Миссис Ульрих обернулась к Ивон:

– Я сказала тебе – живо домой.

– А что, уже и постоять нельзя?

– Беспокоишься о чертовом Билли Биррелле, когда твой родной брат сидит в чертовой тюрьме! – ответила мать.

Тут вышел мистер Ульрих.

– Заходи в дом Эллис, так ты ничего не решишь, – начал он. – Нехорошо, так ничего не добьешься, Ивон. Заходи в дом! Пошли!

Ивон зашла, мама Терри поежилась, вошла в дом и хлопнула дверью. Мы с Карлом переглянулись и растянули рот до ушей.

Когда я пришел домой, мама уже накрывала на стол. Фиш-энд-чипс – круто. Я взял две горбушки, намазал маслом и засунул между ними почти всю еду, смочив соевым соусом. Мама всегда оставляет мне горбушки, они нужны, чтобы сделать четкий сэндвич. Простые ломти для этого не подходят, они пропитываются маслом и разваливаются прямо в руках. Шина уже поела, они с ее подружкой Тессой сидят на диване и смотрят телик.

– Не было ли каких беспорядков на матче? – спрашивает мама, подливая из чайника.

Я уже собрался выдать свою обычную формулировочку, а именно: «Ничего такого не заметил». Просто всегда говоришь так, не важно, был ли там настоящий беспредел или вообще ни хера не было. И тут я вспомнил, что Терри, может, покажут по телику и пропишут в газетах! Поэтому я рассказал ей, как мы с Терри потерялись, как он в итоге пошел по ошибке на чужие трибуны и как его там замели.

– Надо держаться от него подальше, он смутян, – сказала мама, – такой же, как его отец. Все они пропащие. Мне звонил Алан, он ездил в центр с малюткой Лизой, весь город заполонили футбольные хулиганы...

Бля...

Она учуяла запах изо рта.

– Ты что, пил?

– Немного сидра, всего-то...

Блядь... гребаный Алан...

Она посмотрела на меня, покачала головой и стала прибирать со стола.

– Да-да, Алан сказал, что на футбол теперь ходят только звери какие-то. Он сам больше не ходит. И Раймонда не пустит.

Слава яйцам, он меня не заметил! Я-то думал, она все это говорила, чтоб вывести меня на чистую воду.

Да пошли они, и Алан с Раймондом, и Лиза с перекошенным личиком, уроды снобские.

По телику показывают сучку Тэтчер. Это англичане ее выбрали. Не выношу ее, голос ее сучий. Какой мудака мог проголосовать за такую пиздосу? За человека с таким голосом голосовать нельзя. Все равно мистер Юарт говорит, что шахтеры ее скоро скинут. Короче, присел я, расслабился, стал бодать телик. Там идет «Старски и Хатч»,²¹ и я вхожу в то состояние, когда уже не важно, соберусь ли я тусить или останусь дома, но тут в дверь звонят, и это Билли и Карл. Они зашли, но сами хотят, чтоб я пошел с ними в «Облака». Только я втянулся в «Старски и Хатч», да и времени переодеться у меня не было. Шина и Теса все раскраснелись, им обоим нравится Билли, я даже собирался устроить встречу, сходить куда-нибудь всем вместе, но теперь мне как-то стремно. Я забежал наверх, вмиг переоделся и вставил в ухо сережку. На подбородке у меня нарисовалось какое-то пятнышко, но у меня все никак руки не дойдут проверить как следует, что там такое. Прыщи вообще ни к чему, тем более в «Облаках». Когда мы выходили, этот гаденыш Карл щелкнул по сережке и говорит:

– Привет, морячок!

В автобусе я сообразил, что нож все еще при мне. Я его брать не собирался. Хуй с ним, сегодня ничего такого не предвидится. Я ужасно обрадовался, что не вытащил его на футболе. Просто так раздухарился, раздавая направо и налево, что про перо даже не вспомнил.

Короче, вечером все пошли в «Облака», или то, что раньше так называлось. Теперь клуб называется «Кавендиш», но известен он всем по старому названию. Забавно, я ведь помню, как я бесился, когда папа и дядя Дональд называли всякие места типа пабов старыми именами. Теперь я делаю то же самое. Как бы он там ни назывался – здесь круто. В очереди на нас смотрят, как на героев. Есть тут компания смурных чуваков из Клери, но они помалкивают. По дороге мы с Карлом выпили еще одну бутылочку сидра и, когда пришли туда, оба были уже немного в ауте. На входе нужно держаться, потому что, если ты на кочерге, охранники тебя не впустят, и я боюсь, как бы они не нашарили мой нож, но мы проплываем мимо них и вовнутрь. Там целая толпа, Дозо и его туса, и мы снова и снова пересказываем свои истории. Тут заходят Терри и Марти Джентльмен, и Дозо с Полмонтом встречают их радостными возгласами, и другие парни им вторят. Каждый спрашивает, что там было в полиции. Смотрят на них, как на героев, пиздец. Круто.

Терри, однако, это особо не колышет, надо отдать ему должное. Типа, он сходил на футбол, а теперь его занимают исключительно телочки.

– Люси не с тобой? – спросил Карл.

²¹ Полицейский телесериал, выходил в США в 1975–1979 гг.

– Да нет, она выпучилась, что меня замели. Все равно сегодня я не хотел ее сюда брать. Субботний вечер – это мое, а с ней мне лучше всего на неделе и по воскресеньям, – объяснил он.

Ну и житуха у этого засранца. Терри знает, как пробраться в «Аннабель» и «Волюнку», куда хочешь, везучий гад. Он иногда даже в «Массовке» бывал. А ходит он везде известно зачем, только ради телок. Сначала он танцевал с этой Вив Маккензи, потом тискал ее в углу. Потом смотрю – он уже с этой девчонкой из «Уимпи», но не с той, зубастой, а с другой, малюткой в кожаной куртке, с ней он удалился. Вив пофиг, она пошла с Томми, приятелем этого парня из Лейта, Саймона Уильямсона.

Мы с Билли и Карлом пошли вниз, чтоб найти парня, который продает таблы, и взяли себе по целой. Нас начинает вставлять, когда мы с Билли играем в «Галаксиан». Нормальная игрушка, не такая навороченная, как «Спейс инвейдерз» или даже «Астероиды», но других здесь нет. Тут таблы начинают вставлять нешуточно, и мы понимаем, что на хуй «Галаксиан», где телочки? Телочки, конечно же, наверху, и мы туда же. Самое время потанцевать.

Мы стоим на краю танцпола и смотрим на девчонок, которые танцуют в лучах зеркального шара вокруг сваленных в кучу сумочек. Тут пошел дым, зарядили стробоскопы. Билли рассказывал, что видел однажды, как этого замарашку из Лейта, Спада Мерфи, поймали, когда он пытался украсть сумочку, думая, что с дым-машиной его никто не заметит. Меня, однако, волнуют совсем не сумочки, разбросанные по танцполу. Здесь такие давалки, с ума сойти. Четкие задницы под облегающими, как вакуумная оболочка, юбками. Когда ты вставленный, подобное зрелище учащает пульс еще больше. Девчонка, из тех, что была с парнями из Клери, смотрит через танцпол прямо на меня, но проблемы, которые через это можно нажать, мне не улыбаются. Парни из Клери засекли нас, им не нравится, что нам уделяют столько внимания. Просто потому, что им не пришлось в голову выкинуть такой фокус прямо на матче. Мудачье завистливое. Этим уродам не хватило бы ни мозгов, чтоб додуматься, ни борзости, чтоб осуществить. Половина из них все равно «джем-тартовцы». Мимо прошел этот Рентон с футбола. Я кивнул.

– Неплохой результат показали, – говорит.

– Результат-то хуй с ним. Куда вот вы со своим дружком подевались, а? – спрашиваю.

Карл заржал, а Билли недобро уставился на него. Надо отдать ему должное, если парень и занервничал, то виду не показал.

– Копы заметили гребаный шарф, кончик вылез из-под свитера, меня отослали. И хорошо еще сделали, потому что я сам не заметил, а уж гунны могли бы. Спад пошел со мной, чисто по дружбе, – объяснил он.

Билли смеется, похоже, он не очень-то верит этому Рентону, но докапываться не в настроении. По мне так откровенный пиздеж, и по тому, как Карл смотрит на этого чувака, можно сказать, что он со мной согласится. Да пофиг все равно. Пусть Фрэнк Бегби скажет Рентону, ведь это он его привел.

– Увидимся, – сказал он, удаляясь.

– Ну да, – ответил я.

Карл показал его спине фак.

Мы треплемся с Карлом и Билли, и тут я вижу ее. Это она. Она такая сытная, смотреть больно. Каролин Уркхарт. Она проходит мимо нас в группе девчонок. Я и не думал, что увижу ее здесь, я думал, она ходит в места для взрослых, типа «Аннабель». Я отвернулся и стараюсь сохранить равновесие. Я в легком ахуе, но по-хорошему, меня прет табл. Карла забирает посвоему, он, как обычно, гонит ахинею.

– Послушайте, Билли, Голли, слушайте сюда. А можно от сиськи сифак подхватить? Чисто от прикосновения?

Я захохотал, Билли тоже.

– Ты мозгоеб, Юарт.

– Да нет, я просто...

– Да ты еще не фачился ни разу, видать? – выдал Билли.

Карл слегка побледнел, но сохранил спокойствие.

– Да фачился я, просто я где-то читал, что парень зацепил, только мацая сиську, – говорит.

Прикол, некоторые, когда смущаются, краснеют, другие, как Карл, бледнеют.

– Иди ты на хутор. Он ее так и не трахнул? – подначивал Билли.

– Нет, он подцепил сифу просто от того, что касался ее груди.

– Что за пурген! Послушай, Голли, послушай, что он порет, – покачал головой Билли.

Карл любит строить из себя большого знатока по части телочек, но серьезно сомневаюсь, что он успел кому-нибудь засадить. Он подтусовывал с несколькими телками и даже гулял какое-то время с этой Элисон Льюис, но сомневаюсь, что он от нее что-то получил. Не, никого он еще не фачил. Да и я тоже, сказать по правде, а пора бы уже, бля. Я уже мял сиськи, совал палец, мне драчили и даже отсасывали, так что я уже помираю от желания пофачиться по полной программе. Девчонка, с которой я гулял, Карен Мур, не хотела идти до конца. Ну и хуй с ней, я ее послал; пиздой дразнить можно еще сто лет. Хотя она была хорошая девчонка, и маме нравилась, она даже рассердилась, когда я сказал ей, что отослал Карен. Я еще хотел сказать ей, ну и гуляй с ней сама. У тебя, может статься, больше шансов присунуть ей, чем у меня!

Короче, сегодня я готов. Диджей ставит «Одисси», вот эту тему «Use It Up and Wear It Out», а я все наблюдаю за Каролин Уркхарт, которая пляшет посреди танцпола со своей подружкой. На ней шикарное красное платье с черными полосками на бедрах. И подружка у нее ничего, сиськи такие нормальные. Ебать мой хуй, так это ж Эмми Коннор! Она в зеленом топе, с макияжем, волосы подняты, выглядит совсем по-другому. Старше. Билли их тоже заметил.

– Телочки, – говорит, а потом посмотрел на меня: – Подкатить не желаешь?

Я осекся. Занервничал. Потер там, где затвердела шишка. Вибрация уже как будто дошла до головы! Вдуть Каролин Уркхарт в лучах стробоскопа! Но если я слажаю и меня отошьют, придется каждый день встречать ее в школе.

– Не хотелось бы заморачиваться с телками из школы, – выдохнул я немного торопливо. С Билли такое проканает, а вот с Терри едва ли. Да, кстати, он-то тусует со своими новыми друзьями, крутыми, борзыми парнями. – Лажовая тема, – говорю.

– Отмаз, – отрезал Биррелл.

– Не, ну послушай, Билли, телочек здесь жопой ешь. – И я указал на двух пташек, танцевавших в одиночестве. У одной прямые светлые волосы. Крутая телка. У другой – длинные темные волосы и отличная обтянутая мини-задница. – Вот, пожалуйста, чем не вариант.

– Четкие, – соглашается Билли, и мы подкатываем к ним, начинаем танцевать рядом.

Я кивнул блондиночке, она кивнула мне в ответ. Я бы и улыбнулся ей, но друзья могут решить, что я пидорок. Сегодня мы сделали гребаных гуннов, поэтому лебезить перед телками и вообще выдрючиваться не стоит. Таким, как Терри, это сходит с рук, такой уж он человек. Диджей ставит «Блонди», тему «Atomic», и я использую это как предлог заговорить с ней.

– Так это ты, Блонди, волосы у тебя светлые, – начал я, слегка прикоснувшись к ее волосам.

Она только улыбается, но от такой улыбки чувствуешь себя мудаком. Вот если бы Терри прогнал нечто подобное, они б все загудели, вау... вау и все такое.

– Был сегодня на футболе. На Истер-роуд. Сделали мы этих гуннов гребаных, – прокричал ей прямо в ухо. Пахнет она охуительно.

– Футболом не интересуюсь, – ответила она.

– Но ты ж не «джем-тарт»?

– Мне футбол не нравится, отец болеет за «Мазервел».

– «Мазервел» – говно команда, – говорю.

Может, и не стоило так резко, но они и впрямь говно, она должна это знать.

Мы уходим с танцпола, и она идет к своим друзьям.

– Ладно, увидимся, – говорю.

– Ну да, – сказала она, пошла и села рядом со своими.

Подваливает Билли.

– Отшили?

– Считаю, что я уже там, – говорю, – она аж повизгивает, как ей хочется.

Его вроде не отшили. Еще на что-то надеется. Тут завели «Start!» группы «Джем», это та песня, что выбила с первой строчки «Ashes to Ashes» Боуи. И все равно она мне нравится, мы все подпеваем, но слова как будто бы о гуннах... «если я никогда больше тебя не увижу... это будет начало!» Ду-ду-ду-ду... Охуенная тема.

Таблы что надо...

...не успел я сообразить, что сейчас будет последний медленный танец, как диджей стал советовать парам собраться и выйти на танцпол, хотя в его подбадривании никто не нуждается. Я снова несусь к блондиночке. Песня старая, Оливия Ньютон-Джон поет «Hopelessly Devoted to You»²² из «Бриолина».²³ Мы немного пообжимались, но тут у меня встал, и я почувствовал, как она слегка отстранилась. Я прямо как мой пес Кропли.

Песня кончилась, мы разнялись, она улыбнулась. Сжала мою руку и смотрит на меня, а я будто застыл, не знаю, что сказать.

– Ну, я вернусь через минутку, – сказала она и направилась туда, где стоял Билли и разговаривал с Рентоном и Мэтти из Лейта. Карла не видно. Блондиночка ушла к друзьям.

Музыку вырубili, включили свет, нас стали подгонять к выходу. Мы шарим глазами в поисках Карла. Карл, похоже, свалил с какой-то рыжей толстухой, Билли говорит, что видел, как они улизнули. Видать, даже для него это дерьмовый вариант, коли он свалил так по-тихому. Я стараюсь сохранять спокойствие, но сам ищу ее, не Каролин Уркхарт, а эту блондинистую штучку.

Я увидел малышку, когда мы вышли в фойе. Ее подружка подошла ко мне, кивнула в ее сторону и сказала:

– Ты ей нравишься.

Я посмотрел и увидел ее лицо, такое напряженное, серьезное, с каким-то вызовом. Вот бы она улыбнулась, как раньше, а не смотрела так, будто собирается предложить мне выйти один на один, но я и сам не могу улыбнуться, слишком много вокруг чуваков, пиздежа не обещаться. Поэтому я кивнул в сторону выхода, мы зашли за угол и поплелись по аллее, идущей позади «Облаков», сразу за Толлкросс. И вот мы идем, и я прижимаю ее и пытаюсь ухватить за сиську, но она отводит мою руку, даже за сиську не дает мне подержаться, это совсем никуда не годится...

...мне нужно настоящее фачилово...

...я не хочу оставаться девственником...

– Че ты, как лесбиянка, бля, – говорю.

– Послушай, бля, мальчик, я не лесбиянка!

– Чего ты тогда охуеваешь?

²² «Безнадежно предана тебе» (англ.).

²³ Выпущенная в 1978 г. экранизация Гордоном Клейзером одноименного мюзикла Джима Джейкобса и Уоррена Кейзи, в главных ролях Джон Траволта и Оливия Ньютон-Джон.

Она отпрянула и пошла в сторону своей компашки. Я стал что-то говорить, она повернулась и такая:

– Отвали, понял?

Ее подруга, похоже, борзая такая девица. Темные волосы, упрямое лицо. Из тех, что носят лифчики безумных расцветок, это видно с первого взгляда. Она смотрит на меня и говорит:

– Давай, мальчик, пошустрей. Понял? Пошустрей давай!

Тут из клуба выходит Каролин Уркхарт со своей подругой Эмми, с ними Терри и этот чувак из Лейта Саймон Уильямсон. Он вроде как дружок Рентона, и Томми, и Мэтти, а также брата Джо Бегби. Терри смеется, его рука лежит на ее талии, а Каролин глядит на меня, как будто я... хуй знает... ничто.

Тут я услышал крики, и все обернулись туда, где начался махач. Это дало мне предлог, чтобы съехать, и я пошел туда. Билли схватил меня за руку и говорит:

– Не суйся, Голли, это Дозо Дойл разбирается с чуваками из Клери. К нам это не имеет никакого отношения.

– Отъебись!

Я вырвался, вытащил перо, и вот он я. Тут я остановился и подумал: чего это я здесь делаю? Дозо мочит одного из Клери, а его дружки, заметив нож, поспешили удалиться. Перо сработало! Полмонт стоит себе, ничего не делает. Тот парень из Клери уже на земле, а Дозо пинает его ногами. Полмонт кивнул мне и потянулся за ножом, а я возьми и отдай. А он наклонился и разрезал этому чуваку щеку до скулы. Сердце у меня колотится, я вижу, как расходится кожа, и секунду ничего не происходит, потом рана заполняется, кровь течет.

– В Клери все гребаные мудаки! – кричит парню Дойл.

Парень сжимает свое лицо и говорит бред, без всякого смысла, а я стою и смотрю на него. А ведь это должна была быть драка один на один... Дозо и этот парень...

Я стою, как к месту прирос, а Полмонт сует мне в руку нож. Я беру его, не знаю зачем. Потому, наверно, что он мой. Полмонт посмотрел на меня и скорчил рожу, а Дозо покачал головой. Они заржали и пошли себе спокойненько.

Двое парней подошли ко мне, посмотрели на меня, на парня, на кровь. Ушли. Один из них что-то сказал, но я ничего не слышу. Парень, все еще сжимая свою щеку, посмотрел на меня и увидел в моей руке нож. Он посмотрел на меня с отвращением, как будто я зверь какой-то.

Я повернулся и дал деру через парковку, по аллее, на главную дорогу. Я бежал и бежал, останавливаясь, только чтоб перевести дыхание. Потом я выбросил нож в один из больших мусорных баков. Какое-то время я соображал, где нахожусь. Бежал я, оказывается, не туда. Я пошел обратно окружным путем, избегая больших дорог, пробираясь переулками и дворами домой.

Пошел дождь. Уличные огни отражались в иссиня-черном тротуаре, отчего у меня закружилась голова и стало подташнивать. Я застегнул свой «Харрингтон» и поднял воротник. Кишки с каждым шагом обжигает, как огнем. Каждый раз, услышав сирену или заметив полицейскую машину, мне кажется, что это за мной. Сердце выпрыгивает из горла, в жилах стынет кровь. Я вижу, как меняется город: за большими магазинами пошли особняки богатеев, потом многоквартирники, потом долго вообще ничего, потом двухполосное шоссе и за ним огни спальных районов.

Солдатская песня (девственника)

В воскресенье с утра мы шатались по магазинам на Стенхаус-Кросс. Я не люблю воскресенье, чем они дольше, тем херовей. Кроме как перетирать события субботы, делать нечего, и

ты чувствуешь, как подкрадываются страх и депрессия, и так до утра понедельника. Однажды я спросил своего дядю Дональда, который работает на стройке в Рентокиле: «А когда заканчиваешь школу и идешь на работу, лучше становится?» Он просто покачал головой и рассмеялся надо мной, как будто говоря: да, становится просто охуенно.

Теперь, однако, еще утро, и субботние победы еще свежи в памяти. Особенно у вконец оборзевшего Терри. Он такой:

– От этой малышки, нашей однокашницы, у меня до сих пор залупа огнем горит. Ох, какая она мягкая телочка. – Он развел руки и медленно покачал бедрами.

Ничего он от нее не добился. Кто угодно, только не Каролин Уркхарт. Все он пиздит, этот гондон.

– А что же ты выступал, типа: «Пальцем ее не трону»? – говорю.

– Ну, – улыбнулся Терри, – я подумал, что теперь я работаю и неплохо было бы время от времени натягивать телочку из школы.

Билли явно поражен его брехней, и видно, Терри прямо упивается этим. Биррелл выступил на футболе, как настоящий пацан, собственно, он-то всех и сделал, ну, он и еще Джент, и не важно, что забрали Терри. При этом он никогда не подмазывается к Дойлу, как Терри. Думаю, что Билли запал на Каролин Уркхарт и Эмми Коннор. Как, впрочем, и все, что бы они там ни говорили, как Терри.

– Она же гуляла с этим взросляком, разве нет? – спросил он.

– Не, этот чувак ее прокинул. Он теперь с другой телкой гуляет. Так что я был как раз вовремя, полон сочувствия, чтоб она могла сесть на ухо... – осклабился Терри, – а также с полным сочувствия прибором, – засмеялся он и снова сделал несколько выпадов бедрами. – Мне бы отблагодарить этого взросляка, он научил ее делать в постели все, что надо. Я думал, она будет дергаться, зажиматься, как маленькая девственница, – он сплюнул «девственница», как «проказа», – но нет, чувак, видать, выбил из нее все это, дал ей наесться досыта, а тут и я подтянулся. Сучка сосет отменно. Ох уж это она умеет! Чуть всего меня не высосала!

Пиздеж.

Не стала бы она брать в рот грязную шишку потного ублюдка.

– А кто это свалил с ее подружкой? – спросил Билли.

Терри глотнул из бутылка «Айрн-Брю».

– Пацана зовут Саймон. Хороший парень. Он просунул Эмми Коннор меж сисек. Он друг брата Джо Бегби, этого упыря Франко, которого забрали вместе со мной. Надеюсь, я ничего не подцепил от малютки Каролин, ведь сегодня у меня воскресный ужин у Люси, а уж что после – известно!

– Она разве не рассердилась на тебя, что вас прихватили? – спросил Карл.

– Да этот мудила, ее папаша, пытается настроить ее против меня. Но дело в том, что это без понта. Если у девчонки случилось с Теренсом Генри Лоусоном, она уже испорчена, ей ничего больше не нужно, только самое лучшее. Им просто не насытиться! Стопудово!

Головастый упырь передал мне бутылку. Я замотал головой в отказ, он передал ее Карлу, тот сделал глоток. Тот весь такой собой довольный. Может, он таки присунул этой рыжей толстухе. Надеюсь, нет, потому что тогда получится, что я здесь единственный, кто еще не фачился. Билли давали Катлин Мюррей и сестренка Терри, Ивон.

Мэгги Орт, из парадной Билли, идет по улице, с ней еще та девчонка в очках. Симпатичная. Остановились возле забегаловки.

– Терри, давай сюда. – Она машет ему, чтоб он подошел.

Терри, однако, стоит на своем:

– Нет уж, давайте вы сюда, – наглый весь из себя.

– Не, – симпатичная в очках кивнула на Мэгги и скорчила рожицу, мол, Мэгги не хочет встречаться с Карлом или Билли.

Билли пофиг, он читает газету, а Карл просто смотрит в сторону, руки по швам. Билли скрутил газету и треснул его по голове. Карл сказал что-то, типа – мутило. Терри пожал плечами и пошел к девчонкам.

Та, классная, с длинными черными волосами и в очках, посмотрела на меня и засмеялась. Сердце у меня упало. Она просто чудо как мила, не то что другие. Тут Терри на меня обернулся, потом засмеялся вместе с ней, толкнул, схватил и стал вроде как щекотать. Она смеется и говорит, чтоб он перестал. С какой стати он так ведет себя с этой милой девчонкой. Прихватывать всяких шлюх – это пожалуйста, но не таких вот девочек. Мэгги это тоже не нравится. Терри заметил, подошел к ней и давай щекотать ее, схватил ее на руки, она кричит: «ТЕРРИ!» – нам видны ее трусики. Он опустил ее, она густо покраснела. Они пошли, и та, что побольше, симпатичная, смеется, а Мэгги красная, как помидор, и глаза на мокром месте. Но вот она уже тоже смеется. Терри подбежал к нам.

– Вот парочка неразлейвода, всегда рады потрахаться, – смеется он, смотря им вслед. Тут он заметил, что я на них смотрю. – Вау, – это он мне, – та, здоровая, Гейл, ты ей понравился, Голли. Она такая: «А что это за пупсик с большими глазами?»

Хитрый гад: все пиздит. Карл и Билли смеются, и Билли щиплет меня за щеку. Я не обращаю внимания на этого мутилу Терри, вообще ни на кого.

– Ну да, – говорю, – конечно.

Билли снова открыл «Санди мейл». Терри – гребаная знаменитость, сам чуть не обосрется от счастья. Они так раздули эту херню на матче. Мудацкие глазговские газеты: когда их шелупонь устраивает погром здесь – им похуй. Дурацкая Террина харя с дурацкой прической. На всю полосу. Он-то думает, что он пиздец какая звезда. Хуйня все это.

СТАЛО ИЗВЕСТНО ИМЯ ГОЛОВОРЕЗА «ХИБЗ»

Эта ухмыляющаяся без тени раскаяния физиономия головореза, который опозорил Истер-роуд, принадлежит продавцу газированных напитков Теренсу Лоусону (17 л.). Миллионы болельщиков смотрели по телевидению популярную программу «Спортсцена», где «Хибз», воодушевленные Джорджем Бестом, вырвали победу у «Рейнджеров». Однако матч омрачили серьезные беспорядки на стадионе и вокруг него. «Таких людей нельзя назвать поклонниками футбола, – говорит инспектор полиции Роберт Тол. – Настоящие фанаты должны отмежеваться от тех, кто любой ценой хочет помешать игре».

Нахальная ухмылка Лоусона, которого уводили с места спровоцированных им же столкновений, для многих истинных болельщиков стала последней каплей. Говорит Бил Маклин (41 г.) из Пеникуик: «Это первая игра, на которую я пришел за много лет, она же последняя. Слишком уж много теперь хулиганов на стадионе».

МАФИЯ

Лоусон предположительно один из главарей пресловутой банды футбольных хулиганов из Эдинбурга, известной как «Изумрудная мафия». Кроме своей принадлежности к ф/к «Хибз», они известны крайней безжалостностью.

НАСИЛИЕ

Насилие для Лоусона не в новинку. В прошлом году мускулистый головорез с химической завивкой был обвинен в жестоком нападении на молодого человека возле городского кафетерия. Мы также располагаем информацией, что у него имелись приводы за вандализм: он разгромил телефонную будку и злонамеренно поцарапал кузов дорогой машины связкой ключей. Машина принадлежала эдинбургскому бизнесмену Артуру Ренни.

УСТАЛОСТЬ

Вчера мать Лоусона, миссис Эллис Ульрих (38 л.), выступила в защиту своего сына: «Мой Терри, может, и дурной, но он никакой не головорез. Он просто связался с дурной компанией. Я уже устала от всего этого». Вместе с Лоусоном были арестованы еще двое подростков шестнадцати и пятнадцати лет, имена которых мы не имеем права разглашать. Слушания по этому делу пройдут через две недели в областном суде Эдинбурга.

– Да не завивка это, – заладил Терри, – бля буду.

Конечно, свое говно не пахнет. Скользкий выебистый водовоз.

– Это потому, что твой старик – ниггер гребаный, – говорю.

Лучше б я этого не говорил. Терри не видится со своим отцом. Я ожидал, что он полезет в залупу, но он даже не рассердился.

– Что ж, хоть кожа у него была хорошая, – ответил он, указывая на мое лицо. – Такая кожа и ебля с телочками не вяжутся, старичок, – подмигнул он, и все чуть не обоссались от смеха. – Понятно, почему ты В. Е. Д.

Тут он сделал серьезное лицо, а я задумался, о чем это он.

Билли решительно посмотрел на Терри:

– Это еще что?

– Все еще девственник.

И они давай надо мной смеяться. Они тряслись, прямо заходились. Когда уже они вроде бы остановились, когда наши с Терри взгляды пересеклись и в его глазах я заметил нечто похожее на извинение, его тут же смыла вторая волна ослиных криков. Я машинально прикрываю прыщ на лице. Свести его мне так и не удалось. А тут еще один набухает. Они, конечно, смеются пуще прежнего. Карл срулил с этой рыжей жабой и думает, что он последний герой-любовник, потому что ему дала какая-то овца, которую никто больше и трахать бы не стал. Биррелл, который и целоваться-то не умеет...

– Иди ты на хуй, мудак, – слышу я себя как со стороны, но я так завелся, что у меня аж дыхание сперло.

Терри.

Суки.

Да пошли они все. Какие они друзья...

– ИДИ НА ХУЙ, ЛОУСОН, ПИДОР!

– Может, ты меня и нагнешь? – сказал Терри и вперился в меня.

Я отвернулся и думаю, он догадывается, что я боюсь не того, что сделает он, а того, что могу сделать я.

– Да не лезь ты в залупу, как ребенок прямо, Голли. Ты сам первый начал пиздеж про ниггера.

– Да я, бля, пошутил.

Джус Терри. Взросляк, на хуй. Таскает по районам фруктовую воду, мудака...

– Ну а я шутил о твоих прыщах, – говорит он, а Юарт и Биррелл опять давай ржать. Уроды...

Я делаю шаг вперед и грудь в грудь к Терри. Ни хуя я его не боюсь. И никогда не боялся. Конечно, они все считают, что теперь он весь из себя взрослый и крутой, но мне виднее. Сучонок забыл, что мы выросли вместе. Он не сдвинулся с места, но чувствуется, что осторожничает.

Билли встал между нами.

– Хватит наезжать друг на друга. Мы вроде как друзья. Вы двое вконец обурели.

Мы все еще пялимся друг на друга через Биллино плечо.

– Я говорю, харе наезжать. Ясно? – сказал Биррелл, упершись ладонью мне в грудь.

Сука, он меня нервирует почти как Терри. Я был не прав, так говорить нельзя, но он должен был принять это за шутку. Я чувствую, как пружина на Биррелла, так, чтобы он либо уж отпихнул меня нормально, либо ослабил руку. Он кивает мне и отступает.

– Харе, Голли, – говорит он строго, но по теме.

– Да хватит вам выпучиваться, пацаны, – сказал Карл и прихватил Терри за шею, потянул его, отчего тому пришлось отвести глаза.

Терри недоволен, но Карл начал в шутку бороться с ним и заставил того вступить в игру.

– Юарт, отъебись, сучка белобрысая...

Тут я говорю:

– Я это в шутку сказал. Не надо думать, что ты пиздец какой охуевший только потому, что тебя приняли на стадионе, Терри. Не стоит, – говорю.

Терри оттолкнул Карла и посмотрел на меня.

– Ты тоже не думай, что пиздец какой охуевший только потому, что у тебя нож в кармане. Нож.

Лицо того пацана.

Мне холодно. Я чувствую, что остался один, что все меня ненавидят.

Биррелл подхватил:

– Да-да, спрячь подальше это говно, если не хочешь серьезных заморочек, это я тебе говорю, Голли. А говорю я тебе это, потому что мы друзья. Ты совсем уже стал обуревать.

Это он мне говорит

И белобрысый туда же

Лицо того пацана. Полмонт сука. На футболе ни разу не саданул, ссыкло гребаное. Ныл там в одно жало, как девчонка у директора. Не вписался за Дозо, когда пацаны из Клери уже готовы были вступить, пока не увидели меня с ножом. А то, что он сделал с этим парнем, это же полный беспредел, ни в какие ворота не лезет. Дозо уже пинал его ногами. Никакой нужды в том не было. А я стоял как истукан и позволил ему вложить мне перо обратно в руку. И я взял его, как хуй в руку. Мне пиздец как страшно. Я повернулся к Карлу.

– О чем это вы?

– Ты не в себе, Голли. – Карл показал на меня пальцем. – Что за перья?

Юарт, сука, болеет за «Хартс» и говорит, что я не в себе. Ну да. Конечно.

Билли тоже уставился.

– Вчера, когда ты сделал ноги, приходили полицаи. Всех расспрашивали, что произошло.

Я смотрю на них. Они пялятся на меня, как будто это не они, а какой-нибудь Блэки или еще какой-нибудь урод из школы. Друзья называется.

– Ну и что вы им сказали? Небось сдали меня, сучары!

– Ну да, конечно, как иначе, – сказал Биррелл.

Терри посмотрел ненавидящим взглядом, а Карл отошел немного и качает головой.

– Ничего вы не знаете, – говорю, поворачиваясь и ухожу.

Карл кричит:

– Да брось, Голли!

Билли:

– Да бог с ним.

А мудила Терри вопит тоненьким голоском с американским акцентом:

– Пи-ро-жо-чек... пи-ро-жок... приходи ко мне, дружок...

Кровь у меня закипает. Сука, он свое получает.

Я прошел мимо церкви и парадной Биррелла и напрямик в наш квартал. По дороге я увидел старика Пендера, он спускался по дороге из «Улья», и крикнул ему «привет», но он быстро отвернулся и сделал вид, что не заметил. Что с ним такое? Я ему ничего не делал.

Проходя мимо парадной Терри, я заглянул в окно, посмотреть, дома ли Ивон или кто-нибудь из ее подружек. Удивительно, как это Терри получился такой мудака, а Ивон такая милашка.

Ивон – чудо.

Но там никого, я зашел в свой подъезд и поднялся по лестнице. И как раз вовремя, из подъезда я увидел большую тусу пацанов «Хартс». Топси с друзьями шли в нашу сторону. Топси нормальный чувак, друг Карла, но некоторые из них просто обязаны были докопаться, увидев меня одного. А я сейчас совсем не в настроении, чтоб до меня кто-нибудь докапывался. На стене в подъезде красным фломастером написано:

Лин Холкорт
+
Терри Лоусон
Вместе навсегда

Сучара, сам, наверное, это и написал. Я плюнул и смотрел, как краска стекает по стене. Дешевые чернила. Терри, сука, решил, что он пиздец какой крутой, с его нигерской прической, а маму его жарит гребаный фашист. Охуевший жирный пидорас. Типа, он отфачил всех телок и побил всех пацанов на районе. Хуй там был. Крутой пацан. Пиздеж. А эти Биррелл и Юарт... за него... суки.

Я пошел в комнату и поставил первую купленную лично мною пластинку. Это «Джем», «This is the Modern World».²⁴ В комнату зашел Кропли, и я стал гладить его дрожащей рукой, и слезы закапали ему на голову. Слезы, которые никто не увидит. Никогда.

Я не закончу школу. Меня не возьмут на работу. Мне не даст ни одна девчонка.

Меня заберут.

«Материалы Рокфорда» или «Профессионалы»

Воскресный вечер. Скучно до смерти. Я тяну желтое резиновое кольцо из пасти Кропли. Он рычит сквозь ноздри. Вцепился в кольцо, оно уже все в его слюнях.

– Хватит, Эндрю, – говорит мама, – ты сейчас вытянешь из животного все зубы! У нас нет таких денег, чтобы платить ветеринару за вставную челюсть, или что там им делают. – Она засмеялась, и я, и Шина тоже, представив Кропли с протезами.

Я отпустил кольцо. А он принес его мне обратно, чтоб я снова с ним тягался.

– Кольцо твое, Кропли, все, отвали, – говорю.

Собаки на самом деле не такие уж и умные. Эта Барбара Вудхаус по телику – полный кал. Она бы не смогла выдрессировать такого пса, как Кропли, какую-нибудь дворнягу из тех,

²⁴ «Это современный мир» (англ.).

что нападают на тебя в парке по дороге в школу. На прошлой неделе Биррелл дал одной такой ногой по шее, и та срыгнула с воем. Он говорит, что собаки, они как люди, некоторые не такие крутые, как о себе думают. Карл говорит, что скоро станет носить с собой духовой пистолет, чтоб защищаться. Я сказал ему, чтоб он не пристрелил мою собаку, а то я пристрелю его, похуй, что друзья.

Кропли надоело или он забыл, в общем, он бросил кольцо. Правда, маме пришлось шлепнуть его как следует, когда он пристроился к ноге Шины, которая встала сходить в тубзик. Она смеется и говорит:

– Отстань, Кропли, успокойся!

Шина, может, и не знает, что это собачка делает, а может, и знает. Но мама знает наверняка, и она стала лупить его тапком, пока тот не отпустил Шину.

Я смеюсь как псих, и мне тоже достается по затылку. Затрещина что надо, у меня даже в ушах зазвенело.

– Ничего смешного, – закричала мама.

У меня пульсирует там, куда пришелся удар, а я все равно смеюсь, хоть меня и мутит и одно ухо не слышит ни фиги.

– За что, мам?

– За то, что ты дразнишь собаку, Эндрю Гэллоуэй. Так бедное животное совсем одичает.

Ну да. Я просто потер репу и открыл газету на странице с программкой. Барабанная перепонка вроде как вытянулась на место, и мне снова все слышно. Вот что меня по-настоящему бесит, так это когда в воскресенье вечером одновременно показывают «Материалы Рокфорда»²⁵ по Би-би-си и «Профессионалов»²⁶ по Эс-ти-ви. Суки, совсем с катушек съехали, могли бы планировать получше.

Мама садится со мной рядом на диван, обнимает меня, треплет по голове и чуть уже как будто не плачет.

– Прости, дорогой... прости, малыш, – говорит.

– Да все в порядке, ма, мне совсем не больно, держи себя в руках! – смеюсь, а сам чуть не плачу. Когда она так делает, я как будто снова становлюсь маленьким мальчиком.

– Непросто мне бывает, сынок... – она смотрит на меня, – понимаешь?

У меня ком в горле, сказать ничего не могу, поэтому просто киваю.

– Ты хороший мальчик, Эндрю, и всегда таким был. Никаких с тобой проблем не было. Я люблю тебя, сынок. – Она снова всхлипнула.

– Ох, мама. – Я обнял ее.

Из тубзика пришла Шина, и мы с мамой отпрыгнули друг от друга на диване, как молодая парочка: целовалась украдкой, и их застукали.

– Что случилось? – перепугалась Шина.

– Все в порядке, дорогая, – сказала мама, – так просто болтаем. Иди сядь к нам на диван. – Она похлопала рукой рядом с собой, но Шина села на пол у нее в ногах. Одной рукой мама приобняла меня, другой стала гладить Шину по голове и давай молоть: – Детки мои маленькие... – И мне и хорошо и стыдно одновременно, я все-таки староват для такой фигни, да ладно, мама расстроилась, так что я молчу. Шина схватила ее ладонь и держит обеими руками, а я радуюсь, что друзья меня сейчас не видят.

Мы усаживаемся перед телевизором, вскоре в дверь позвонили, и это Карл.

– Пойдем, может, ко мне, посмотрим «Профессионалов»? – говорит, а глаза прям блесят.

²⁵ Американский телесериал о частном детективе Джиме Рокфорде, выходил в 1974–1980 гг.

²⁶ Британский детективный сериал, выходил в 1977–1983 гг., отчасти подражал вышеупомянутому сериалу «Старски и Хатч».

Я смотрю на него, как будто колеблюсь минутку. Он уже решил, что я не хочу никуда идти. Но я не хочу, чтоб он думал, что это оттого, что я не хочу сейчас оставлять маму. Поэтому я переключился на происшествие с Терри.

– Терри совсем охуел. По еблу получит, это точно.

– Да-да, – говорит Карл усталым голосом. Он-то знает, что мы с Терри – лучшие кореша, хоть и докапываемся друг до друга иногда. – Пошли ко мне «Профессионалов» смотреть.

– Ладно, – говорю.

Я думал посмотреть «Полицейского из Рокфорда» с мамой и Шиной, да фиг с ним, из дома тоже выбраться не вредно.

Я сказал маме, что пойду к Карлу, и сразу почувствовал себя немножко неловко, что оставляю их с Шиной одних. Да все с ними будет в порядке! Это ж всего лишь женщины, как говорит мой дядя Дональд. Моя мама не в претензии, она и слова не скажет, если я собираюсь к Карлу или Билли, но ей не нравится, когда мы ходим к Терри. Бывает, мы собираемся у Терри нюхнуть клея или бухнуть, а я говорю маме, что мы были у Карла или Билли и это всего лишь сидр. Хотя, думаю, что и мама, и миссис Юарт, и миссис Биррелл знают, когда мы у Терри.

В общем, пошли мы к Карлу. Мне нравится его хата, там как будто теплее, чем у нас, но я думаю, это оттого, что у них от стенки к стенке проложен ковролин. Ну и кажется, что помещение вроде как загерметизировано. У нас вот только старые ковры, еще моего дяди, и от стенки до стенки они не доходят. У них новая мебель и все такое, такие большие удобные стулья светлого дерева, в которых просто утопаешь. Карл говорит, они из Швеции.

– Так-так, еще один футбольный хулиган!

Это старик Карла, но он, конечно, шутит. Такой у Карла отец – всегда у него хохма наготове, он никогда не хмурит бровь, как другие взрослые.

– Мы тут ни при чем, мистер Юарт, это все Терри, правда, Карл? – не смог удержаться я.

– Этот парнишка рано или поздно нарвется на неприятности, помяните мое слово, – сказала миссис Юарт.

Карл посмотрел на нее и говорит:

– Я тебе уже говорил, ма, Терри не виноват. Он вообще здесь ни при чем.

У Карла есть одна черта: он всегда всех покрывает.

– Видела я его по телевизору, он шел по стадиону и широко так улыбался, как debil. Бедная Элис, как ей, должно быть, стыдно, – сказала миссис Юарт, отправляясь на кухню.

Мистер Юарт крикнул ей вслед:

– Немножко глупо смотрелось, но ведь он всего лишь смеялся. Когда выйдет закон, запрещающий смех, – считай, что Третий рейх победил, – сказал он, но миссис Юарт ничего не ответила.

Я посмотрел на него и, понизив голос, спросил:

– А вы когда-нибудь попадали в переделку на футболе, мистер Юарт?

Отцу Карла можно задавать такие вопросы, хоть я и ждал, что он скажет: «Ни стыда ни совести, в мое время ничего такого не было».

Он только улыбнулся и подмигнул.

– Да, было дело, – говорит, – вы думаете, это ваше изобретение, а сами и половины не знаете.

– А с кем «Килмарнок» бился, с «Айр юнайтид»?

Он покачал головой и засмеялся.

– «Айр» и «Килли», конечно, соперники, но они не так часто играют в одной лиге. Так что самые заварухи бывали на больших юниорских матчах. Я болел за «Дарвел», и на матчах за кубок с такими командами, как «Килуиннинг» и «Камнок», стычки случались до, во время и после игры. Иногда дело принимало нешуточный оборот. И если их бывало больше, то даже «Рейнджеры» и «Селтик» объединяли усилия!

Миссис Юарт приготовила чай и прикатила на тележке.

– Молчи, Дункан, нечего ребят подбивать! – И все равно она смеется.

Мистер Юарт ухмыльнулся, как будто решил ее подзавести:

– Это всего лишь социальная история. Не знаю, что там у них теперь происходит, но тогда это были шахтерские городки. Тяжелая работа, нищета. Людям нужна была отдушина. В этом была гордость за свой город, даже село, за то, кто ты есть и откуда родом.

– Нашим-то отдушина ни к чему. Загремят все за решетку в один прекрасный момент, этим все и кончится, – предостерегла она.

Карл улыбается, а я стараюсь отвести глаза, чтобы не раздражать миссис Юарт. Я знаю, что о маме друга такого говорить не следует, но мне очень нравится миссис Юарт. У нее классные сиськи. Мне ужасно стыдно признаться, но я однажды даже дрончил на нее.

Начались «Профессионалы», и мы все устроились перед теликом. Я все смотрел на ноги миссис Юарт, как она качает тапочком. Она поймала мой взгляд и улыбнулась, а я покраснел и уставился на экран. «Профессионалы» – классный сериал. Я б стал Дойлом, а Карл – Боди, хоть у Дойла и прическа, как у Терри.

Дойл.

Полмонт.

Нож.

Парень из Клери.

Я уперся в экран. И хотя все вроде было зашибись, мерзкое ощущение воскресного вечера пробралось в меня, и мне было неудобно, как никогда.

Нет мужчины в доме

Проснувшись, я почувствовал себя получше, на самом деле впервые за последние годы в понедельник утром мне не терпелось пойти в школу. Школу ненавижу, жду не дожусь, когда летом мне исполнится шестнадцать и я смогу съехать оттуда. Мне говорят, что я должен остаться, говорят, что, если б я постарался, из меня вышел бы толк. А мне только французский нравится. Если б мне дали все время заниматься французским или, может, другим языком, типа немецким или испанским, я бы никогда школу не бросил. Все другие предметы – кал. Я бы хотел пожить во Франции, завести себе французскую киску, девчонки там красивые.

Я жду, чего скажут о матче, но не желаю слышать о том, что произошло после «Облаков». Хотя теперь уже, наверное, все сдулись.

«Облака»! Все сдулись!

Однако когда я думаю об этом – мне не по себе. То чувствую, что вроде все в порядке, то такая дрожь найдет, что чуть сердце не останавливается. Мама видит, что у меня какие-то проблемы. Мне сложно смотреть ей в глаза. Я встал пораньше, вышел из дома и первым зашел за Билли и Карлом, чего раньше не случалось почти никогда.

Мы добрались до школы. В актовом зале начинался понедельничный утренний сбор. Макдональд, директор, сидит на сцене, весь такой важный и серьезный. Все болтают, но когда он встает – в зале тишина.

– Мне чрезвычайно прискорбно начинать неделю с крайне неприятной новости. Мистер Блэк, – кивнул он стоящему рядом Блэки, по залу прокатился шепоток.

Сучара зол не на шутку. На щеках красные полосы. Он прочистил горло, и мы все заткнулись.

– За все годы работы не было случая, чтобы я стыдился быть частью этой школы...

– Во дает, он же никогда не ходил в эту школу, о чем это он? – прошептал мне Билли.

– ...пока в эту субботу я не стал свидетелем гнусной выходки на футбольном матче на Истер-роуд. Группа молодых людей изо всех сил нарывалась на неприятности, тем самым втоп-

тав имя... всего города, нашего с вами города, – он широко развел руками, – в грязь, – простонал он. Он замолчал, как обычно, для пущего эффекта. Все понурили головы, но только несколько снобских сынков и пара девчонок сделали это со стыда; тогда как все остальные опустили головы, чтоб он не видел, что мы вот-вот взорвемся от хохота. – Мне больно говорить это, – продолжил он, – но некоторые из этих молодчиков учатся в нашей школе. Один из них известен многим из вас. Прошлым летом он ушел из школы. Дурной мальчишка по имени Терри Лоусон.

Послышались сдавленные смешки. Жаль, что Терри здесь нету. Дурной мальчишка! Терри!

– Второго молодого идиота я не знаю. Но был там один головорез, вышагивал эдаким гоголем по стадиону под полицейским конвоем, на него были направлены телевизионные камеры, чтобы *весь свет* видел! Это был ученик *нашей школы!* – Блэки аж затрясся от злости. – Мартин Джентльмен, выйти из строя! Что ты скажешь в свое оправдание?

С моего места Джентльмена не было видно. Я видел, как ослабилась стоящий с краю Дозо Доил, его свежесбриту голову, его безумные глаза. Потом я увидел, как Хильер, физрук, дал знак Джентльмену, чтоб тот вышел, и тогда я его увидел. Его сложно не разглядеть.

– Засуньте свою сраную школу себе в жопу! – сказал Джентльмен, выйдя из строя.

Из рядов раздались смех и улюлюканье. На самом деле все это ужасно походило на пантомиму в «Кингз» на Толлкресс, куда дядя Дональд водил нас посмотреть на Стэнли Бакстера и Ронни Корбет в «Золушке». Хильер попытался схватить его за руку, но Марти стряхнул его лапу и смерил взглядом. Тот приссал.

– Вот он, менталитет... вы видите! Нет, вы видите! – Блэки протянул руки в сторону Джента, который пошел уже к двери и показывает всем «V». – Вот он, менталитет... это то, против чего мы боремся! Мы пытаемся учить вас! Пытаемся учиииить... – вопит Блэки со сцены.

Джентльмен повернулся к сцене и заорал так, что чуть не ебнулся, раскачиваясь на носках:

– ИДИ ТЫ НАХУЙ, МУДАК! И ДЖИЗУСА СВОЕГО ЗАСУНЬ СЕБЕ В ЖОПУ!

– НОГИ ТВОЕЙ НЕ БУДЕТ В ЭТОЙ ШКОЛЕ! – взвыл Блэки.

Еще больше смеха и улюлюканья. Лучшего представления здесь еще никто не видел, точняк.

– Уж об этом не беспокойся, гондон! Здесь мне делать не хуй! – проорал Джентльмен, повернулся и вышел навсегда.

У девчонки по имени Маджори Филипс началась смеховая истерика, и она прикусила палец, чтобы остановиться. Билли и Карл чуть не плакали. Я говорю:

– Джентльмен не может быть школьником. Во всяком случае, после такого. – И все засмеялись, передавая шутку по рядам.

Круто!

Блэки продолжает что-то молоть, он уже совсем с катушек съехал, и Макдональд попросил его сесть. Нас отпустили. Вся школа только об этом и говорит, все чуть штаны не подмочили от смеха. Джентльмен все правильно сделал, этот урод Блэки полез не в свое дело. Это было не во время школьных занятий, не хуй было докапываться. Я так вообще считаю, что нас медалью нужно наградить, что мы выступили против этих уродов. Джентльмен все равно бы ушел из школы через месяц-другой, так что исключат его или нет – похуям. Повезло чуваку, что его приняли, через это он и из школы срыл. На работе никто не будет докапываться за то, что ты подрался на футболе. Здесь к нам относятся как к детям.

Вернувшись домой, я ходил для мамы в «чиппи». Вечером никуда не пошел, смотрел телек. По понедельникам мы всегда ходим в «чиппи», потому что мама работает уборщицей и в этот день моет допоздна, у нее не бывает времени приготовить ужин. Я взял рыбу, две

маринованные луковицы, маринованное яйцо, ролл и бутылку коки, сижу смотрю новости. Только я закончил есть, в дверь постучали. Мама пошла открывать, слышались голоса. Ее высокий, их низкие.

Это копы. Жопой чую.

Это, наверно, насчет нашего старика. Наверно. Последний раз его видели где-то в Англии. В Бирмингеме или где-то вокруг.

Потом они вошли. Мама смотрит на меня, лицо белое от ужаса. Копы уставились на меня, пачки у них как из камня вырезаны.

Они пришли за мной.

Я не могу ничего сказать. Они пришли за мной, я ничего не могу говорить.

Мама плачет и защищает меня, но они говорят, что должны отвезти меня в участок.

– Это какая-то ошибка, мама. Там разберутся. Я мигом обернусь, – говорю.

Она смотрит на меня и качает головой. Видно, что ей очень больно.

– Правда, ма, – взмолился я.

Хуже всего, что она вспомнила про нож. Она все время упрасивала меня избавиться от него, и я сказал ей, пообещал, что выброшу.

– Пойдем, Эндрю, сынок, – сказал один из копов.

Я встал. Смотреть на мать нет сил. Шина гладит Кропли. Я пытаюсь подмигнуть ей, но она отводит глаза. Она делает это от стыда, как те детишки на утреннем собрании.

Один из копов, похоже, из правых, другой, правда, нормальный, пока мы спускаемся и садимся в машину, все говорит о футболе и все такое. Я, однако, стараюсь не трендеть слишком много, на случай если они пытаются меня разговорить, чтоб я по ошибке не сдал кого. Навстречу идет мистер Юарт в комбинезоне, с ящиком для инструмента. Он видит меня в машине, ускоряет шаг, но я не могу на него смотреть. Я понимаю, как все из-за меня обломается.

Мы отъезжаем, и я даже рад, что он не успел вмешаться. Он бы постарался помочь, это точно, это бы только еще больше меня смутило. Копы, наверно, его даже не заметили.

По ощущениям – конец света.

В участке они заводят меня в комнату и оставляют одного. Здесь два оранжевых пластиковых стула, как в школе, стол с огнестойким покрытием и бледно-желтые стены. Я не знаю, сколько я здесь пробыл. Кажется, несколько часов. Все, что мне остается, это думать о субботнем вечере, о лице того парня, о Полмонте; о том, каким я был психом, что достал нож, дураком, что отдал его, и просто безумцем, что взял его обратно.

О чем я думал? Облажался трижды за несколько секунд.

Вернулись двое копов, а с ними еще один в гражданском. У него серый костюм и длинная лошадиная харя. На носу у него бородавка, и я не могу от нее глаз отвести. Она наводит на мысль о моих прыщах и о том, как это меня угораздило пойти в «Облака» с такой дулей. Мысли мои останавливаются, голова леденеет, когда этот чувак вытащил из пакета мой нож.

– Это твой нож? – спросил он.

Я просто пожал плечами, но внутри у меня все трясется.

– Очень скоро мы возьмем у тебя отпечатки пальцев, Эндрю, – сказал хороший коп. – К тому же у нас есть свидетели, которые готовы показать, что у тебя был такой же.

За спиной у него по стене ползет муха.

– Кроме того, у нас есть свидетели, которые видели, как ты убегал с места нападения, и другие, которые видели, как ты бросил что-то в мусорный бачок, в котором мы нашли этот нож, – сказал мерзотный коп, барабанил по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.